

Александр Зиновьев

***Записки ночного
сторожа***

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Записки Ночного Сторожа» были найдены одновременно с прочими частями «Зияющих Высот» и помещены между «Решением» и «Поэмой о скуке». При странных обстоятельствах «Записки» были вскоре утеряны. Странность заключалась не в том, что были утеряны «Записки», а в том, что при этом не были утеряны остальные, более важные части «Высот». Год спустя «Записки» случайно обнаружил один ибанский обыватель. Обнаружил он их в совершенно непотребном месте: среди сочинений своих обожаемых руководителей, которые он собрался отнести в макулатуру с намерением получить за это талон на право покупки одной книги старого доибанского автора или банки растворимого кофе. Этим, очевидно, и объясняется тот факт, что «Записки» в течение года не могли найти компетентные лица, хотя они четыре раза переворачивали вверх дном квартиру обывателя: им в голову не могла прийти кощунственная мысль, что автор столь гнусных бумажонок осмелится спрятаться за спину самих руководителей. «Записки» относятся к эпохе Стабильности, т. е. к первому этапу эпохи Процветания, о чем свидетельствует состояние праздничной подавленности и уверенного уныния, свойственное изображаемому в них персонажам.

Ибанск, 9975.

Отщепенец

Итак я — отщепенец. Это моя официальная кличка. Что такое отщепенец? Точное определение знает только начальство. Я могу дать лишь примерное описание. Отщепенец — это ибанец, который набрался наглости публично высказать свое мнение, не согласующееся с мнением начальства, а значит — и с мнением всего остального ибанского народа, ибо ибанское начальство только тем и занимается, что выражает думы и чаяния ибанского народа. Начальство, например, заявляет, что в этом году хлеба собрали в два раза больше, чем в прошлом, и в десять раз больше, чем в Америке. Отщепенец ехидно усмехается и говорит, что это — брехня. Трудно сказать, что больше возмущает начальство — само слово «брехня» (брешут, как известно, собаки) или содержащийся в нем намек. И выражая волю руководимого им народа, начальство заявляет, что слова отщепенца — злобная клевета. Народ всенародно одобряет заявление родного начальства и клеймит отщепенца, требуя принять суровые меры и очистить наше и без того здоровое общество от такого выродка. Некоторые требуют выгнать вон. Но их меньшинство. Большинство же требует посадить отщепенца. А выгнать — все равно, что высшую награду дать. Куда выгнать? На Запад? На Запад мы и сами за милую душу отщепились бы. Нет, ни в коем случае. Сажать надо. Давно пора, а то распустились.

Наиболее преданные делу ибанцы требуют поставить отщепенца к стенке, чтобы для других был воспитательный пример. И гуманнее к тому же. И поставили бы, да время не то. Рано еще. Вот преодолеем временные трудности, тогда... Поскольку отщепенцы в здоровом ибанском обществе появляются очень редко (две штуки на миллион в десять лет), то народ их клеймит с большим Энтузиазмом и вполне искренне. Потому как не выпендривайся. И без тебя, мол, знаем, что все это брехня. А видишь — помалкиваем. Да и начхать нам на то, что они там вверху брешут. Пусть себе брешут. На то они и начальство, чтобы пыль в глаза пускать и врать на каждом шагу. А ты помалкивай. Одобряй, доверяй, и дело с концом. Глядишь — образумятся сами. И улучшение какое-нибудь выйдет.

И все же отщепенцы появляются. Никто не знает, почему они появляются и откуда берутся. Появляются, и все тут. Как утверждает своевременно реабилитированная генетика, это — мутация в генах. Не буду спорить. Важно, что они появляются. И начинают орать на весь Ибанск: брехня, мол, все это. Так произошло и со мной. Правда, на весь Ибанск у меня не получилось. Я едва пискнуть успел, как мне глотку заткнули. И все же я пискнул. Об ибанских масштабах я вообще не думал. Просто пискнул, потому что это получилось само собой, помимо, воли. Пискнул и даже сам удивился. А был я самый обыкновенный трижды адресированный и четырежды запуганный образованный ибанец. Интеллигент. Или, как теперь говорят, интеллектуал. Был примерным Членом. И вместе с тем принимал сюрреализм и экспрессионизм. Предпочитал западные фильмы. Потихоньку почитывал Правдеца. Стоял в очереди на выставку помоечных художников. Один раз женился. Один раз, как и все мои знакомые, развелся. Иногда получал премии. Был по туристической путевке в одной полузаграничной стране. И отщепенцем быть никогда не собирался. Даже тогда, когда я на том самом роковом собрании пробирался из последнего ряда из самого левого угла к трибуне, я еще не знал, что вот сию минуту я ляпну во всеуслышание: брехня, мол, все это! Когда я забирался на трибуну, сам директор нашего прославленного Института Очковтирательства Академии Наук (Иоан) поощрительно мне подмигнул. Мол, наконец — то и ты, сукин сын, активным становишься! Никак квартиру просить собираешься? Или в старшие захотел? Это, брат, заработать надо. Заслужить. Революцию в белых перчатках не делают! А я вылез на трибуну и начал мямлить что-то невнятное. И тут представитель Верха сказал мне из президиума: мол, чего ты юлишь, говори честно и прямо, все как есть. Этого я стерпеть не мог и выпалил: мол, брехня все это! Мол, типичная липа! Мол, все это напоминает времена Хозяина! И так далее в таком же духе. Мол, прошлое живо. Оно не ушло. Оно есть. Если даже ни одной жертвы нет сейчас, оно есть, ибо оно было. Мы обязаны огромными буквами написать имена всех жертв и всех палачей и всех соучастников. Мы должны мстить за прошлое. А мы вместо этого... Зал на время замер от неожиданности. Кто мог подумать, что этот политически

индифферентный тюфяк способен на такое! Но вскоре поднялся невообразимый шум, и меня лишили слова.

На том же собрании меня исключили из Братии. На другой день уволили с работы. Хорошо еще не упекли в сумасшедший дом (а разговоры на эту тему были!). Все-таки прогресс. После тех, нашумевших на весь мир историй Они пока не решаются применять это гуманное средство воспитания нового человека в широких масштабах. Год ходил без работы. Подрабатывал грузчиком, переводчиком, репетитором. Милиция требовала справку с места работы и грозила высылкой. Наконец, с большим трудом устроился вахтером в ночную смену в одну вшивую контору. Дипломы пришлось скрыть. Но скоро меня лишили их официально, так что я законно стал малограмотным. Полгода учился говорить и писать с ошибками. И матом ругаться. Без привычки и в зрелом возрасте было довольно трудно. Зато теперь имею легкую постоянную работу и массу свободного времени. Постепенно начал размышлять обо всем и кое-что записывать. Не для потомства. И не для Органов Охраны Народа (ООН). А просто так, назло Им. Раз отщепенец, значит обязан сочинять всякую клевету на наш самый передовой строй, на наше мудрое руководство, на наш свободолобивый народ и прочие прелести. И как только последний служащий конторы сматывается в свою удручающе скучную частную жизнь, которая в полном соответствии с теорией ибанизма находится в еще более полном согласии с жизнью общественной, я сажусь на старый скрипучий табурет. И, используя вместо тумбочки новейшую электронно-вычислительную машину, начинаю писать. И в голову мне приходят удивительные мысли. И я рад их приходу. И даю им полную волю. Черт возьми, где же я был раньше?! Сколько лет потерял попусту! Тот, кто знает, что ему плохо, больше человек, чем тот, кто этого не ведает. Потом я иду в кабинет директора и дремлю несколько часов на его великолепном диване, предназначенном совсем для других целей, о которых напишу как-нибудь потом. Сначала я беспокоился: а вдруг жулики заберутся в контору. Не зря же меня поставили сторожить ее! Но вскоре я понял, что мои опасения наивны. За всю историю Ибанска не было ни одного случая, чтобы похитили наши липовые отчеты о наших выдающихся успехах, которые (отчеты, конечно, а не успехи) я призван охранять в ночное время за мизерную зарплату. По подсчетам наших экономистов на такую зарплату нельзя прокормить даже собаку. Породистую собаку, а не дворнягу. Дворнягу можно, ибо ее можно совсем не кормить. Эти подсчеты экономисты производили в либеральное время, когда это было модно. Либеральное время прошло, экономистов отчасти заменили, а отчасти перевоспитали, их ошибочные расчеты исправили. И согласно новейшим данным моя зарплата немного уступает зарплате президента США. Бедный президент! То-то его тянет к нам в Ибанск.

Прогнозы

Сколько времени прошло, а я все еще не могу привыкнуть к новому своему состоянию. Всего одно выступление, и вся жизнь кувырком. В будущем наверняка такие случаи будут исключены. Как? Например, так. Все выступления заранее записываются на магнитофон. Так что на трибуне можешь болтать, что угодно. Все равно никто не услышит. Услышат только магнитофонную речь. Причем, не обязательно твою. Ты кривляешься на трибуне, а в зал доносятся речи какой-нибудь старой беззубой сплетницы. Эффект потрясающий. Или, допустим, ты уезжаешь в командировку, а твою речь включают тогда, когда на трибуну залезает ведущий прохвост и кретин учреждения. И все довольны.

Будущее. Каким оно будет? Допустим, потомки каким-то образом узнают эту мою писанину. Что они скажут? Ничего хорошего. Что-нибудь в таком духе. Позиция Ночного Сторожа есть позиция клопа, который забился в узкую щель и видит мир плоско, фрагментарно, в карикатурно искаженном виде. Работу ему предоставлять не следовало. Это — грубая ошибка. Теперь такие ошибки исключены. Работа, какая бы она ни была, дает индивиду сознание стабильности бытия, без которого невозможна никакая литературная деятельность. Утверждение о том, что в истории Ибанска не было ограбления контор, фактически неверно. В эпоху Ночного Сторожа был случай, когда клеветники похитили пятилетний план, и ибанцы целые пять лет не знали, что делать, и не знали, выполнили они план или нет. К счастью, началось движение за выполнение этой пятилетки в две недели. А в другой раз эти же клеветники похитили настоящие планы и подложили на их место фальшивые, явно завышенные. И если бы ибанский народ не проникся сознанием важности момента, планы оказались бы невыполненными. И таких случаев было очень много. Так что временно снятый лозунг Хозяина насчет обострения классовой борьбы пришлось выдвинуть снова. Ученые Ибанска, руководимые самим Заведующим и всеми Заместителями, дали научное обоснование такому специфическому явлению ибанской жизни, когда классов давно уже нет, а борьба между ними все обостряется и обостряется. Дело в том, что борьба идет между пережитками революционных классов (это — ибанское начальство и руководимый им народ) и пережитками реакционных классов (это — двадцатка отщепенцев на весь Ибанск, из которых десять сидят в исправительных лагерях, девять в психиатрическом диспансере, а насчет одного пока не могут никак решить, куда его посадить — туда или сюда).

Дом

Хотелось есть и спать. Первое желание удовлетворить не удалось. Мать уехала к одной из своих многочисленных сестёр и заперла все свои

шкафчики. И даже холодильник заперла на особый замочек. Хотя живем мы в основном на то, что мне удастся подработать. Ее пенсия идет полностью на ее карманные расходы. Лег спать на пустой желудок. Но и спать не удалось. Ко мне ворвались детишки моей младшей сестры со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сначала мы слегка повоевали. Потом они повели меня пить чай. Потом сестра попросила меня посидеть с ребятами. Она заняла очередь за бананами. Бананы в Ибанске! Во, какие фокусы выкидывает история! Исконные ибанские продукты, которые раньше производились в изобилии и стоили копейки, теперь стоят дороже бананов. Ничего не скажешь, прогресс! Зато мы делаем ракеты!

Сестра пришла злая, как черт. Бананы кончились перед самым носом. Надо еще стоять два часа, пока завезут новую партию. Потом пришел милиционер, и я вспомнил, что надо взять справку на работе. И я побрел в контору. Отдел кадров был закрыт. Пришлось ждать. Справку мне дали с большим трудом. Зачем? Для чего? Куда? Кому? Я обозлился и заявил, что если не дадут, немедленно подаю заявление об уходе. Помогло. Сразу выписали. И печать поставили, как положено. Теперь я знаю, как себя держать с ними. Найти человека, который согласился бы за гроши ночами торчать в этой богадельне, в Ибанске не так-то легко. Погодите, дайте только срок! Я еще из вас выжму соцстраховскую путевку в Дом Отдыха на двенадцать дней и безвозмездную ссуду на покупку полувоенной формы!

Контора

Хотя я не специалист в социологии, я все же знаю тривиальную истину всякой опытной науки: начинать надо с наблюдения фактов. И что бы там ни говорили наши теоретики о нашей жизни, для меня факт — то, что я сам вижу ежедневно и ежечасно вокруг себя, во всех местах, где мне обычно приходится бывать, — на работе, в магазине, на улице, в транспорте, в гостях, в кино, в театре, в библиотеке и т. д. Именно это есть реальность ибанизма, а не сказки, которые нам рассказывают теоретики некоего научного ибанизма (и надо полагать, за приличное вознаграждение!). И самая глубокая и, вместе с тем, самая поверхностная суть ибанизма проявляется там, где мы работаем.

Моя контора — одно из типичных учреждений Ибанска. Трудно понять, в чем суть ее производственной деятельности. Да это и не имеет никакого значения. Такие учреждения возникают неисповедимыми путями и существуют хотя бы для того, чтобы несколько сот человек могли жить за их счет, убивать тут свое время, тратить тут свои лучшие чувства и таланты, получать жилье, путевки в дома отдыха и прочие житейские блага. Если такое учреждение возникло, никакая сила в Ибанске не способна его уничтожить, если даже всем известно, что оно ни к чему. И в

этом смысле ибанец уверен в завтрашнем дне. Ему не грозит безработица. Во-первых, никто не позволит уничтожить такое учреждение, ибо число людей, заинтересованных в уничтожении, ничтожно мало. К тому же это обычно критиканы или молодые карьеристы, решившие пробиваться за счет новых веяний. А в Ибанске как тех, так и других не любят. Во-вторых, затраты на ликвидацию такого учреждения намного превосходят затраты на его существование. Ликвидация учреждения — это комиссии, комитеты, заседания, расчеты и т. п. Поскольку такое учреждение органически врастает в жизнь других, то его ликвидация означает перестройку десятков других. К тому же людей надо устраивать в другие места. Наконец, сама работа по ликвидации учреждения порождает комиссии и комитеты, которые сами вскоре превращаются в учреждения такого же типа, и на место одного привычного и спокойного учреждения приходят по крайней мере два молодых, агрессивных и растущих. На место одного павшего бойца приходят новые тысячи!

В моей конторе работает одна уборщица, три вахтера и несколько сот сотрудников самого различного сорта и ранга. Система их взаимоотношений очень сложна. Я так и не смог в ней разобраться. Сами же сотрудники прекрасно в ней ориентируются. Это и не удивительно, ибо их основная профессия — уметь ориентироваться в этой среде и ухитриться урвать для себя как можно больше. Их производственная деятельность здесь есть нечто вторичное, побочное. Не контора существует для дела, а дело терпят лишь постольку, поскольку должна существовать контора. Здесь дело есть лишь формальное средство распределять жизненные блага в соответствии с социальными законами Ибанска. Идеал, к которому стремятся учреждения такого рода, превратить свое дело в чистую фикцию. И надо признать, что ибанцы будто самой природой созданы для такой жизни. Они самозабвенно погружаются в трясину этой своей социальной жизни, наплевав на семью, на дружбу, на свое физическое и духовное совершенствование. Контора берет их целиком и полностью, выжимает все их телесные и душевные соки и выбрасывает потом в частную и уличную жизнь измотанными, опустошенными, злобными, скучными и серыми существами. Я работаю здесь уже несколько месяцев и ни разу не видел проявлений бескорыстного и бесцельного доброжелательства, веселости и любопытства к чужой человеческой душе. А ведь по меньшей мере четвертая часть взрослого населения Ибанска проводит лучшую часть своей жизни в конторах такого рода. Если дело и дальше пойдет так, то через полсотни лет весь Ибанск превратится в огромную контору по управлению фиктивным делом. Когда я эту мысль высказал одному молодому и, как мне показалось, умному инженеру, он презрительно пожал плечами и сказал, что я не учитываю прогресса электронновычислительной техники. Загляните в подвалы своей богадельни, сказал я ему. Они битком набиты первоклассными машинами. Посмотрите, сколько там машин новейших зарубежных марок. Сколько валюты отвалили? А толку что? На

сколько человек увеличилась Ваша контора за последний год? То-то! Инженер удивленно посмотрел на меня. Но от дальнейшей беседы отказался.

Возражения

Я совсем один. У меня нет оппонентов. А без них нельзя развить ни одну мысль достаточно полно и четко. Я готов признать любого оппонента. И даже, например, такого. Ночной Сторож не понимает основной идеи ибанизма — лишить труд его унизительно-утилитарного значения и превратить в мощное средство воспитания нового человека. Контора описана верно. И превращение общества в единую семью-контору как основная тенденция ибанизма схвачена верно. Но Ночной Сторож как отщепенец неверно расставляет акценты, меняет знаки на обратные. Прежние критики ибанизма представляли ибанизм кто — в виде казармы, кто — в виде концентрационного лагеря. Они ошибались. Но ошибка их состояла не столько в том, что они в казарме и в концлагере видели только теневые стороны и не видели их положительных сторон (нас не запугаешь таким сравнением!), сколько в том, что они не заметили конторного характера казармы и концлагеря, т. е. не могли понять того, что контора есть высшая форма, содержащая в снятом виде казарму и концлагерь. Она не нуждается во внешней дисциплине и охране. Она есть самоказарма и самоконцлагерь. Ночной Сторож это подметил, но отнесся к этому отрицательно. Потому он — более опасный враг ибанизма. Он готов признать в ибанизме все без исключения. Но отношение его к явлениям ибанизма противоположно нашему. Потому его бессмысленно опровергать. Чувства неопровержимы. Его надо просто уничтожить. Но у меня нет даже такого собеседника.

Как прожить

Зашел физик, мой старый приятель, уволенный с работы по другим причинам. Говорит, есть шансы немного подработать. Один прохвост, живший в их доме, получил великолепную новую квартиру. Надо отцеклевать полы, подклеить обои, привести в порядок краны и петли, одним словом — привести квартиру в состояние, пригодное для жилья. А между прочим, дом принят в эксплуатацию с высшей оценкой. И строила его бригада прославленного Героя, который теперь чуть ли не каждый день делится опытом по телевидению и ездит за границу представлять ибанский рабочий класс в мировом масштабе. Я с радостью принял предложение физика. И тут мы обсудили идею создания подпольной бригады по ремонту квартир. Физик сказал, что у него есть знакомый кандидат наук, которому надо заработать деньги на кооператив. Я сказал, что мог бы давать заодно уроки английского языка. Физик высмеял меня за незнание ситуации в этой

сфере бизнеса. Я сказал, что мог бы диссертацию кому-нибудь написать. Физик сказал, что он мог бы в месяц по две диссертации клепать. А что толку? Теперь проблема не в том, чтобы настрочить диссертацию, а в том, чтобы пристроиться где-то на защиту. В общем, мы оставили идею бригады по ремонту квартир как самую реальную, отвергнув все остальные.

На другое утро я направился к Физику. У него уже сидел Кандидат. В квартире Физика был ужасающий беспорядок. Что случилось, спросил я. Жена в больнице, сказал Физик. Что-нибудь серьезное, спросил я. Пустяки, сказал Физик. Решила лишний вес сбросить. Мода! Слыхали о новой системе Академии Здоровья? Не ешь хлеба — вредно. Не ешь мяса — вредно. Не ешь масло — вредно. Не ешь сахар — вредно. Ничего не скажешь, отличная система. Государству выгодно — легче планы перевыполнять, сельское хозяйство в конце концов можно поднять на уровень. И семье экономия. Можно объявить, что реальная заработная плата выросла. А жена, спросил я. Пустяки, сказал Физик. Полная дистрофия. Все зубы вывалились. Шкура висит клочьями. И лысеть начала. Жуть! Во красотка будет! Это что, говорит Кандидат. Моя соседка по квартире занялась гимнастикой йогов. Новой, разработанной на базе ибанизма после присоединения Индии к Ибанску. Сунула ногу куда-то за спину, а обратно никак. В итоге — три вывиха и четыре перелома на одной ноге. Минимум полгода в гипсе в подвешенном состоянии. Правда, в квартире стало спокойнее.

Чин встретил нас с поллитровкой, как положено по ибанскому обычаю. Но большую часть ее выдул сам. И разболтался, мешая нам работать. Дом высшей категории, орал он, а сплошная халтура. Все ненадежно. Общество недобросовестных и ненадежных людей. Никому нельзя верить. Ни на кого нельзя надеяться. Где вам понять?! Вам лишь бы деньгу зашибить. А на интересы государства вам наплевать. А у меня душа кровью обливается. А как же ракеты, съехидничал Кандидат. Ракеты, возмутился Чин. Да там еще хуже, если хочешь знать. Если там что-то и летит, так какой ценой! Болтовня Чина нам порядком надоела. Вдруг он взглянул на часы и мигом протрезвел. Заболтался я тут с вами, проворчал он начальственным тоном, а мне Туда нужно. Ну-с, давайте, давайте! Хватит филонить! И он укатил в своей служебной черной машине. А ведь мы вместе в школе учились, сказал Физик. Теперь он меня не узнает. А он нас не надует, спросил я. А кто его знает, сказал Физик. Им ни в чем доверять нельзя. Прошлом лето мы снимали дачу у одного такого бывшего чина. В писательском городке, не где-нибудь. Хозяин — бывший Секретарь целого крупного района. Жена — член какого-то комитета защиты угнетенных и освобождающихся народов. Я вне их среды редко встречал таких мерзавцев. Настоящий уголовник. Тянул все, что под руку подвернется. Причем — хитро, не подкопаешься. У нас он воровал деньги по мелочам, а иногда — по-крупному. И в заключение украл у жены кольцо — подарок матери,

наследственное. С ними надо иметь дела только с позиций силы, сказал Кандидат. Надо плату потребовать еще до окончания работы. И если что, бросить дело в таком состоянии, чтобы после нас ему в два раза дороже обошлось. Разумная идея, сказал я. Они становятся честными только тогда, когда у них другого выхода нет.

После работы у Чина я вздремнул пару часов у Физика и вечером отправился на дежурство. Кандидат отправился в больницу — отнести кое-какие фрукты соседке. Жалко, сказал он. Это такая стерва, что никто не хочет ее навещать. А как у нас в больницах кормят, вы знаете. Я бы этого не стал делать, сказал Физик. Пусть подышает. А ты, Сторож, как смотришь на это дело? Я сказал, что не знаю. Я вообще не знаю заранее, как я буду поступать в такого рода ситуациях. Скорее всего — как Кандидат. По натуре я беспринципный человек. Или, скорее, добрый. После той истории на собрании мне стало жаль наше институтское начальство. Бедняги, сколько у них неприятностей было из-за меня. Их до сих пор склоняют во всяких отчетах и постановлениях. А мои сослуживцы! Им есть из-за чего меня ненавидеть. На них обрушился такой шквал политико-воспитательной работы, что они до сих пор не могут очухаться. А меня из-за этого гложет совесть. Ты эгоист, сказал мне мой непосредственный шеф. Ты только о себе думаешь. А о товарищах забыл!...

По дороге в контору я вдруг подумал, что мы не так уж плохо живем. Мы имеем возможность подрабатывать. А наши потомки будут лишены и этого. Все будет очень просто. Если ты есть ибанец такой-то категории, то и получай свой харч по этой категории. И ни в коем случае не больше. Меньше можно (в распределителях разворовывают). Так, конечно, лучше. Спокойнее. Отвольтил на работе свое время, пробился (народу в транспорте — кошмар!) домой и живи в свое удовольствие. Телевизор смотри: хоккей, футбол, балет, речи. Читай газеты: хоккей, футбол, балет, речи. Пей, сколько хочешь. Этого добра у нас по потребности. С закуской только скверно. Кстати, а что такое мясо?

А о товарищах я, выходит, забыл. Товарищи, — что это такое? И есть ли они у меня? И были ли вообще когда-нибудь? Сослуживцы, коллеги, собутыльники, собеседники, партнеры. Но не товарищи. Товарищество (т. е. дружба) есть нечто иное. Я не припомню ни одного случая, когда со мной поступили по-товарищески. Я заступился за Неврастеника с риском для себя. Это по-товарищески, кажется так? И что же? Он назвал меня провокатором. В Ибанске вообще нет условий для той формы поведения, которая называется товариществом. Говорят, что она сохранилась еще у уголовников. Но я не верю в это. Ибанские уголовники должны по идее нести на себе печать нашего общества.

Директор

Сегодня мой директор задержался в своем кабинете с секретаршей сверх положенного времени, — готовили отчет для министерства. Уходя, директор сказал мне Ты, похлопал по плечу (точнее — по локтю, так как я на полметра выше его) и велел не спускать глаз. Секретарша кокетливо (о, ибанское кокетство! Об этом нужна особая глава) улыбнулась и обещала позвонить — проверить, не сплю ли я на боевом посту. Я сказал, что ради такого случая постараюсь на сей раз бодрствовать. Потом она спросила, как относится моя жена к такой работе мужа. Я сказал, что предпочитаю обходиться без жены. Потом в дверь заглянул шофер директора, и секретарша испарилась. Пришла уборщица — не то тетя Хлюпа, не то тетя Тряпа. А я немножко подумал и начал писать. О чем? О чем угодно. Хотя бы о директоре, секретарше и уборщице. По крайней мере это — наиболее значительные фигуры в нашем убийственно унылом и бездарном заведении. Кабинет моего директора обычный шедевр безвкусицы, скуки, глупости и прочих качеств, неотделимых от ибанского руководителя любого ранга. Огромный письменный стол. Стол для заседаний, образующий с первым огромную зеленую букву Т. Сейф большой. Сейф поменьше. Один шкаф. Другой шкаф. Третий шкаф. Телефоны. Стулья. Портреты вождей. Огромный диван, на котором Директор принимает иностранцев и высших начальников и занимается любовными делами с секретаршами. Секретарш Директор меняет (или, точнее, директору меняют) довольно часто. Но не потому, что он — ловелас, а по причинам иного рода, о коих скажу ниже. Секретарш он выбирает (или, точнее, ему выбирают) всегда толстозадых, полногрудых и невероятно глупых и пошлых. Это — не индивидуальная особенность моего директора. Это — общепринято в среде ибанского начальства. Как гарнитур из красного дерева. Как ковры на стенках. Это — установка. И любовью Директор занимается с секретаршами не потому, что испытывает потребность тела, а потому, что ему это по чину положено. Раз положено, надо брать. Когда Директор едет на совещание в верхи, он нажирается дома до отвала. Но если там в буфете бесплатно дают бутерброды с икрой, он непременно скушает десяточек. Потому как положено. А раз положено — ешь! Был такой случай, когда один директор завел себе приличную, действительно красивую секретаршу. И чем все это кончилось? Жена — заявление за заявлением во все инстанции. Мол, семья рушится. Директора сняли, секретаршу с позором выгнали. А такие стандартные секретарши ничем не угрожают нашей здоровой семье и не подрывают устои. Наоборот, они укрепляют эти устои, все без исключения служа в качестве осведомителей в ООН. Сам директор при описании своего портрета не заслуживает никакого внимания. Это — как правило маленький толстенький человечек с коротенькими ручками и огромной наглой мордой. Исключения из этого правила весьма редки. Механизм, по которому именно такой

физиологический тип становится директором, не изучен. Когда директору в шутку говорят об этом факте, он обычно самодовольно усмехается и между прочим напоминает о Наполеоне, Хозяине и других выдающихся личностях прошлого. Своих секретарш Директор вознаграждает за счет Конторы. Иногда позволяет на машине служебной съездить к портнихе. Иногда премию подкинет. Повысит оклад на десятку. Путевку выхлопочет. Благодарность в Приказе. Но чтобы из своего кармана — на такой разврат ни один директор не пойдет. Не позволят. Один директор как-то сдуру купил в Париже своей секретарше флакон духов из денег на карманные расходы. Скандал был невероятный. Другой устроил своей секретарше трехкомнатную квартиру из фондов Конторы. На квартиру претендовал старейший сотрудник, ветеран, орденоседец, многосемейный. И все сошло без звука. Поскольку Директор никакими индивидуальными особенностями не обладает (не положено!), писать о нем больше не хочется ни слова. Скучно. Правда, ибанская литература посвящает персоне директора сотни томов. Но что это за литература, вы сами понимаете. Даже сами директора ее не читают. Они сами говорят, что это — вранье сплошное. Но литература эта пишется для народа, а не для директора. Поскольку другого ничего читать не дают, то народ читает сказки о директоре. Плюется, но читает. И постепенно начинает верить, ибо другого выхода у него нет.

Об ибаническом реализме

Любопытно, что сказали бы в Союзе Писателей, если бы я принес им свое сочинение? Не трудно догадаться. Автор изображает ибанскую действительность не в ее революционном развитии от низшего к высшему по спирали через раскрытие и преодоление неантагонистических противоречий путем перехода количественных изменений в качественные через отрицание отрицания, а как нечто раз навсегда установленное и повторяющееся в одном и том же виде. Возьмем, к примеру, директора. Ведь он родился, был ребенком, пачкал пеленки, ел манную кашку, ходил в детский садик, потом в школу, потом в институт... Вступал в Союз Молодежи, выступал на собраниях, выполнял общественные поручения, ездил на уборку картошки, влюблялся... Вступал в Братию, избирал, был избран, выдвигался... Это же целая эпопея! Какие конфликты, сложные ситуации, переживания, взлеты, падения!... Неужели автор ничего этого не заметил?!... Задача ибанического реализма не сводится к описанию того, что уже есть в действительности. Он призван заметить в действительности отдельные зародыши (зерна, искры) динамики и помочь людям развить их так, чтобы динамика стала существенным элементом реальной жизни. Жизнь людей сама по себе динамичной не станет. Тут требуется активное вмешательство со стороны сравнительно небольшой части общества. В том числе — со стороны литературы. Вносит ли в общество такую динамику

образ серого, скучного, бездарного директора? Нет. А развратной секретарши? Нет. Так в чем же дело?! Критиковать всякий может. А развить нечто позитивное — попробуй, и сам увидишь, к чему это тебя приведет.

Мечта рядового ибанца

Ложусь в кровать или встаю,
Когда здоров, когда болею,
Одну лишь мысль в себе таю,
Одну мечту в себе лелею:
Великий Боже, дай мне власть!
Хочу в начальники попасть!
Теснюсь в метро иль пеший пру,
Сижу ль в конторе, обалделый,
Строчу донос иль сводку вру,
Иль просто так томлюсь без дела,
Одна лишь страсть щемит мне грудь:
Заведовать хоть чем-нибудь!
Бегу ли в очередь с ранья,
Грызусь с женой или психую
Из-за газетного вранья,
Молитву я твержу такую:
О, Боже! Сколько должностей!
Пусть будет хоть одна моей!
Хотя б когда-нибудь икрой,
Я мог похвастаться по праву.
И на кого-нибудь порой
Я сам нашел свою управу.
Мол, нам не зря дают посты!
Здесь я начальник, а не ты!!!

Секретарша

Позвонила секретарша, и мы мило поболтали с ней минут сорок. Говорили о книгах, о фильмах, о модах, о сотрудниках конторы и о многом другом. И мне она показалась уж не такой глупой, как вначале. Ее оценки сотрудников обнаруживают великолепную наблюдательность и злой ум. И я подумал, что в таких полногрудых и пышнозадых девицах есть что-то такое, чем пренебрегать не следует. Не зря же их выдают крупным чинам. А им барахло давать не положено. В современных модах на тощих узкозадых баб есть что-то лицемерное.

Функции секретарш общеизвестны. В ибанском учреждении секретарша выполняет еще специфически ибанские функции. Во-первых, она — любовница Директора. Во-вторых, она — осведомитель ООН. В — третьих, несмотря на свою глупость и пошлость <а может быть благодаря им?), она быстро соображает выгоду своего положения и становится одной из влиятельнейших фигур в Конторе. С точки зрения житейских дел (а что важнее их?!) она становится более важной фигурой, чем Председатель Месткома и даже сам Секретарь Бюро. Ее власть незаметна и неуловима, но реальна. Секретарша не тщеславна и не заинтересована в раскрытии механизма своей власти, и в этом ее преимущество. Председатель и Секретарь по крайней мере часть своей власти реализуют публично. И в этом их слабость. Переспав пару раз с Начальником Первого Отдела (сотрудник (ЮН), разок-другой с Секретарем, оказав мелкую услугу Председателю, Секретарша может позволить себе действия, на которые не решится даже сам Директор. Например, оформляют за границу заведующего таким-то отделом. Директор хочет, но не может помешать: министерство настаивает. И проблему элементарно решает Секретарша: слегка затягивает оформление документов, пишет пару строк о настроениях командированного, который ей но пьянке в ресторане сказал, якобы, что он не прочь бы там остаться. Но Секретарше обычно не хватает ума и выдержки своевременно остановиться. Лишь немногие знают меру. И тогда их выжить с их поста нельзя никакими силами. И тогда несчастный Директор должен время от времени вызывать к себе в кабинет подходящих сотрудниц или уборщицу тетю Тряпу. Разумеется, с ведома Секретарши, которая зажимает Директора мертвой хваткой и крутит им потом как ей заблагорассудится. Зарвавшуюся секретаршу переводят на другую работу, и директору предлагают новую, хорошо проверенную Отделом кадров и Первым отделом. Раньше в народе секретарш звали секретутками. Но это время кануло в лету. Теперь мамы охотно отдают своих не в меру аппетитных дочерей в секретарши. И правильно делают. Как это ни странно, секретарши, обрета богатый опыт в любовных делах, легко находят себе мужей и обзаводятся семьями.

Люди-функции

Вот я закончил описание второго персонажа нашей конторы, и меня поразило одно обстоятельство. Я беру Директора и рассматриваю его так, будто он сразу в готовом виде появился на свет в качестве директора и будет пребывать в таком состоянии всегда. Случайно это или нет? Я вспоминаю своих родственников, друзей, знакомых. Странно, я их воспринимаю как статичные фигуры, лишённые не только способности изменения, но даже способности перемещения. Мать. Не вижу и не чувствую ее сажающей меня на горшок или отправляющей в первый класс школы. Вижу только раздражение, недовольство и требование исполнить

сыновий долг. Сестра. Мы же вместе росли. Но я не вижу ее девочкой. Вижу только бесконечную стирку и стирку. В чем же дело? Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Просто мы, ибанцы, воспринимаем друг друга исключительно как социальные функции, а не как автономные целостные существа, несущие в себе все ценности мира независимо от социальности. И потому мы легко меняем женщин, мужчин, друзей, соратников. Легко, потому что нам важна лишь функция, которую может выполнить любой подходящий индивид. Не этот, так другой. Мы, ибанцы, лишены индивидуальной истории. Не то, чтобы мы не эволюционировали во времени. Это само собой разумеется. А то, что эта эволюция лежит вне нашей социальности, чужда ей и полностью элиминируется ею. Ибанское общество относится к своим членам так же, как старый служака армейский старшина относится к новобранцам: мясо есть, надо придать ему вид, соответствующий уставу.

Иногда я испытываю страдания от того, что старые друзья не проявляют теплых чувств при встрече; мать никогда уже не погладит по голове и не скажет: поплачь, мой маленький, и тебе будет легче; когда-то любившая тебя женщина даже не взглянет на тебя; снесли старый дом, в котором ты вырос; умерла учительница, учившая тебя.... И потому я неполноценный ибанец. Не подкованный. Не закаленный. Брак. В общем, отщепенец.

Но ведь и я для них тоже всего лишь функция. Ночной Сторож, и все. И какие у меня могут быть к ним претензии? Разве я захочу, чтобы со мной начал по душам толковать Директор? Или его заместители? Или кто-то другой? Избави Боже! Нет, милый мой Ночной Сторож, ты в ловушке. И выход у тебя только один: ждать конца. Не так уж много осталось. Так что никаких проблем.

Мечта рядового директора

Не домработницу зажать,
Не мять перину,
Я жажду чисто обожать
Ба-бу-ле-рину.
От мысли дерзостной такой
Свихнуться можно.
Она там крутится нагой.
Глядеть аж тошно.
А в кабинете у меня...
Пуškai без страсти.
Пуškai без дыма и огня.
Пуškai без счастья.
Не королева. Не княжна.
Я мечу ниже.

Мне балерина та нужна
Лишь для престижа.
За это я ей отвалю
Для ног колготки.
А расщедрюсь — и цепь куплю
Для тощей глотки.
Но вас заверить я спешу,
Что мы — не воры.
Я все расходы те спишу
За счет конторы.

Творческий труд

Мы ходим на работу к Чину как на постоянную. С той лишь разницей, что это — не скучная рутина ибанского учреждения, а действительно творческий труд. Освоились мы буквально за пару дней, — результат образования и привычки к интеллектуальному труду. Даже сам Чин признал, что первый раз видит таких квалифицированных мастеров. Работа нам нравится. Так что делаем мы все на совесть. Это хорошо, говорит Физик. Если начнем халтурить, появится скука и усталость. Преждевременная усталость есть неизбежный спутник недобросовестного труда. Только вдохновенный честный труд не знает усталости. Любопытно, что работаем мы молча. Разговариваем только во время перекуров. Говорим о том, о чем обычно говорят сейчас все ибанские интеллектуалы. Критиковать всякий может, говорит Кандидат. Ты попробуй предложи что-либо позитивное! То не так. Это не так. А посади тебя во главе, сам будешь то же вытворять. И хуже еще, чем Эти. Не волнуйся, говорит Физик. Непременно посадят. Только не во главе, а куда следует. Позитивными предложениями мы по горло сыты. Во как! Хватит! А критики у нас настоящей еще не было. Только начнем, как нам все кричат: хватит! И сами мы кричим: хватит, надоело, Позитивное подавай! А почему ты думаешь, что критика — это негативное? Критика — это прежде всего стремление обратить внимание на реальность. На факты! Мы живем мифами, демагогическими лозунгами, враньем. Надо из фактов исходить! Без критики нет ничего реально (а не фантастически!) позитивного. Нам начать не дают, а ты: кончай, хватит. Почему, ты думаешь, на нас кидаются с таким остервенением, когда мы начинаем критиковать? За отсутствие позитивного? Чушь! Именно за то, что мы, критикуя, с необходимостью движемся к реально позитивному. Посади во главе — сам такой будешь!! Пошлая формула. А разве требование разрешить людям ездить за границу не позитивно? А требование не преследовать за литературу, живопись? А требование разрешить кружки, общества, партии? А требование гласности? Меня не посадят во главе хотя бы уже потому, что я буду стремиться

делать именно позитивное. Сдаюсь, говорит Кандидат. Я не то хотел сказать. А теперь я не могу даже сформулировать, что именно хотел и хочу сказать. Насколько я понимаю Кандидата, говорю я, он хочет каких-то преобразований общества в масштабах всего Ибанска как исполнение некоего постановления свыше. Хорошее, доброе и умное руководство, обдумав все и приняв во внимание интересы всех, издает директиву. И после этого наступает улучшение. Это все тот же бюрократический способ мышления, только с обратным знаком. Мало было директив?! И все они сами по себе хорошие. А итог? Дорога в ад вымощена благими намерениями. Дело не в директивах и разумных планах, а в самом строе жизни, совершенно неподвластном начальству. Начальство лишь эксплуатирует этот строй жизни в своих эгоистических интересах. И больше ничего. Значит, выхода нет, говорит Кандидат. Есть, говорит Физик. Какой, спрашивает Кандидат. Драка, говорит Физик. Только драка. Пустое, говорю я. Давили, давят и давить будут. Не позволят. Сколько Нас, драчунов? Раз, два и обчелся. А Их — миллиарды. Дело решает в конце-концов следующее обстоятельство: кто сильнее — те, кого устраивает такая жизнь, или те, кого она не устраивает.

Нужны законы

Я недавно читал одну работу, говорю я. Неопубликованную, разумеется. Автор высказывает интересную мысль. Как, например, рождалось буржуазное общество? Огромный феодальный мир. Между прочим, идеологически монолитный. И единый, когда надо было уничтожить критиканов. И на периферии его в подходящих местах малюсенькие образования — Венеция, Генуя, Антверпен и т. п. Справиться с ними не смогли. И выгоду для себя извлекать стали. Нечто подобное повторится и в будущем. То, что весь мир обречен на ибанизм, это уже бесспорно. Но в будущем мировом Ибанске появятся какие-то небольшие очаги новой цивилизации... Если они появятся, говорит Физик. И какие? И когда? На что нам такое призрачное утешение! Мы живем сегодня. Мы — дети своего времени, и должны играть в теперешние игрушки. Когда-нибудь вся Солнечная система взорвется или сгинет другим способом. Ну и что? Живи сейчас. Я, как видишь, и живу, говорю я. Я ведь говорю это не в порядке некоей программы действий, а просто так, из любопытства. Я хочу заметить хотя бы приблизительные закономерности в этом бардаке. Не эти набившие оскомину абсолютные святые липы насчет производительных сил и производственных отношений, а попрличнее чтонибудь. Когда найдешь, дай знать, говорит Кандидат. А сейчас, судя по всему, нам предстоит попотеть.

Чин привез целую машину разноцветного кафеля для кухни, ванной и уборной. Потом он привез черный унитаз новейшей системы. И наконец во двор вползли два гигантских грузовика, груженные паркетными плитками.

Хотя эти плитки были ничуть не лучше тех, какими были устланы полы в квартире, Чин решил перестелить паркет. Новые плитки он достал по блату за бесценок. Так почему бы не использовать такую возможность?! Мы пожалели плечами. Пожалуйста! Нам-то что?! Мы, если нужно, и кирпичи заменить можем. Лишь бы заплатили. Короче говоря, мы потребовали приличный задаток. И все деньги отдали Кандидату. У него подошел срок делать взнос в кооператив.

С унитазом мы справились довольно быстро. Образование все-таки дает себя знать, сказал Физик. Еще бы, сказал я. Как-никак, а мы — интеллигенция... И мы пустились в длинную дискуссию по поводу этого странного с точки зрения ибанской истории явления.

Уборщица

Самая мистическая фигура любой конторы — уборщица тетя Тряпа, тетя Хлюпа, тетя Швабра или что-нибудь в этом роде. Психологически это — вечно жалующееся на свое бедственное положение существо. Она считается стоящей на самой низшей ступени социальной иерархии, хотя зарплату она официально имеет выше, чем подавляющее большинство молодых техников, учителей, младших и научно-технических сотрудников, библиотекарей, работников музеев и т. д. Местком регулярно устраивает ей бесплатные путевки. Дирекция регулярно подкидывает ей премии. Сотрудники время от времени собирают ей на подарок по какому-либо поводу. Касса взаимопомощи по крайней мере два раза в год дает ей безвозмездную ссуду на новую искусственную челюсть. К тому же по совместительству тетя Тряпа работает в соседней Конторе, имея и там те же блага. Одновременно она профессионально занимается распространением сплетен. Занимает очереди за книгами и за редкими тряпками и затем уступает их за небольшую мзду. Достает заграничные штучки. И квартиру ей дают в первую очередь. И надо признать, имеет она все это по заслугам, ибо неутомимо работает денно и нощно, проявляя поразительную изобретательность и осведомленность. К тому же обычных сотрудников (в том числе — директоров) в Ибанске пруд пруди, а на должность уборщицы охотников не так уж много. Вращаясь в самом пекле ибанской жизни, тетя Тряпа ухитряется, однако, начисто игнорировать ее влияние на свои глубинные душевные качества. В глубине души она остается добрым и отзывчивым человеком. Она часто выручает молодых сотрудников в беде. У нас в Конторе она — единственная, у кого можно на длительный срок занять крупную сумму денег. Без процентов. Просто так. Потому что ей приятно сознавать себя человеком, делающим добро. Дома тетю Тряпу обычно до нитки обирает шалопай сын, или непутевая дочь, или ультрасовременные внуки, предпочитающие носить обувь стоимостью в ее месячную зарплату. Число уборщиц в Ибанске катастрофически сокращается, ибо молодежь на эту работу не идет, а старухи теперь

предпочитают жить на жалкую пенсию, но не работать. Сейчас в Ибанске число уборщиц стало вдвое меньше, чем число Министров, Секретарей и Председателей, что является самым ярким доказательство правоты всепобеждающего учения ибанизма. По всей вероятности уборщицы тоже постепенно перекачывают в число лиц, управляющих государством. Тетя Тряпа — единственная из сотрудников Конторы — может позволить ко всем (включая Директора) обращаться на ТЫ. И даже министру она может сказать: шляются тут всякие! Шляпу надел, а ноги не вытирает! В Ибанске пользуется успехом такой анекдот. Один лев дает совет другому, как питаться в Ибанске: надо есть министров, директоров, заведующих, профессоров, генералов и т. п., но ни в коем случае не уборщиц, ибо первых много, и их исчезновения никто не заметит, а уборщица — одна.

Опять позвонила секретарша и сказала, что ей скучно. И грустно. И одиноко. Я сказал, что я с удовольствием нарушил бы ее одиночество, но — увы, я обязан бдиль и все такое прочее. Потом я ей рассказал несколько анекдотов, главным образом — таких, за которые раньше ставили к стенке, потом просто сажали, потом наказывали местными силами, потом понемногу опять начали сажать... Она весело смеялась и рассказала мне в свою очередь пару таких анекдотцев, которые можно услышать только от сотрудников ООН, ибо им это позволено. Я на всякий случай сказал ей, чтобы она с такими штучками была поосторожнее. Но мне стало после этого немного не по себе. После того, как тетя Тряпа, сделав свое дело, ушла, я решил поспать. И увидел я сон, будто пришел ко мне директор моего бывшего ИОАНа и предложил вернуться на должность старшего научного сотрудника. И квартиру пообещал. Мне стало страшно. Я закричал: НЕТ! И проснулся. Начинался новый обычный трудовой день обычной ибанской конторы. О боже! Думал ли ты, создавая человека, что он, пройдя тяжкий и долгий путь истории, закончит его в ибанской конторе? Если знал, то зачем ты все это сделал!?

Сюрпризы

Когда я заскочил на минуту домой (переодеться и что-нибудь съесть), меня там ждал сюрприз: записка от моей бывшей жены, в которой она меня обзывала мерзавцем и требовала свою законную (по ее словам) долю из тех денег, которые я лопатой гребу (по ее словам) на левой халтуре. Иначе она заявит куда следует. Любопытно, откуда она узнала о том, что я подрабатываю? Придется занять и послать. Иначе она житья не даст. Тут ничего не поделаешь. На ее стороне — все гнусные силы этого общества. И нет от них спасения. Но что изменится, если пошлю? Она все равно будет везде вопить, что я ее граблю, скрывая тысячи и посылая ей (изредка, как она всем твердит) копейки. О дочери я уже не думаю совсем. Меня отучили от нее общими усилиями: бывшая жена, теща, моя мать и другие их добровольные помощники. Каждый по-своему. Каждое свидание с дочерью

мне приходилось добывать с боем. А они настраивали ее все время так, будто отец — закоренелый мерзавец, и она уже не проявляет желания видеть меня. В чем дело? Что происходит? Зачем это им нужно? Наша семья развалилась не по моей вине. И я наказан. Месть за свою неудавшуюся жизнь? За то, что не я, а она встала на путь измены? За то, что не я, а она проявила инициативу развода? За то, что я ушел, оставив ей абсолютно все, что мы нажили вместе: квартиру, мебель, посуду, всякое барахло? Чем больше я отдавал и чем меньше брал, тем большую ненависть я испытывал с ее стороны к себе. А чему ты удивляешься, собственно говоря? Обнаружил слабость и пиши пропало. Никто так нещадно не бьет слабого, как другой слабый, который чуточку сильнее его. Слабый всегда страдает. Надо быть очень сильным, чтобы прожить жизнь в качестве слабого.

Интеллигенция

В Ибанске слово «гнилой» настолько прочно срослось со словом «интеллигент», что одно без другого в принципе не мыслимо. Когда ибанец слышит слово «интеллигент», то он тут же присоединяет слово «гнилой» и удовлетворенно усмехается, ибо в Ибанске гнилым может быть только интеллигент. Не мясо, не картошка... И уж конечно не руководство. И тем более не он, рядовой трудящийся ибанец. А именно интеллигент. Когда же ибанец слышит слово «гнилой», он тут же присоединяет слово «интеллигент» и удовлетворенно усмехается. Если уж интеллигент, то непременно гнилой. Это — аксиома. Это доказано всем ходом... Тем более сами классики... Единственно, чего не знают ибанцы, так это что такое интеллигент. Хороший ибанец себя интеллигентом не считает. А остальные не сознаются в этом.

В самом деле, говорит Физик, что такое интеллигент. Я, например, интеллигент или нет? А ты? Что такое интеллигенция в конце концов?!... Ты задеваешь в высшей степени интересный вопрос, говорит Кандидат. Мы — языковая цивилизация. Сказать так — сказать нечто большее, чем признать важность языка. Привычные выражения, которые обычно фигурировали в суждениях на социальные темы, утратили смысл. Причин тому много. Две из них назову как важнейшие: изменился предмет суждений и изменился строй нашей духовной жизни. Вторая причина имеет силу независимо от первой. Я имею в виду здесь, в частности, влияние развития науки на языковую практику вообще. Выработка нового языкового аппарата, который позволил бы более или менее адекватно обсуждать проблемы нашей общественной жизни, предполагает какой-то минимум научности в анализе самой этой жизни. Мы такого языка не имеем, и потому треплемся впустую. Общество само всеми силами (идеология, пропаганда, образование, карательные акции и т. п.)

препятствует выработке такого языка. И преуспевает в этом. Оно не заинтересовано думать о себе самом правдиво и откровенно. Что такое интеллигенция? Старые представления: врач — интеллигент, учитель — интеллигент, инженер, писатель, даже телеграфист и т. п. А теперь? Работник умственного труда? Большинство ибанцев таковы. Сколько у нас писателей, учителей, врачей, министров, инженеров, ученых... Надо различать: интеллигенцию как определенную социальную роль и как определенный социальный слой. В разное время роль интеллигенции могут выполнить различные социальные группы, или эти группы по преимуществу поставляют лиц на роль интеллигентов. Так что надо установить, в чем состоит эта социальная роль, которую можно назвать словом «интеллигенция» (или каким-то другим; лучше другим во избежание путаницы и спекуляций), и из каких групп общества главным образом выходят люди, играющие эту роль. Естественно, от характера этой роли зависит и то, кто ее реализует. Если эта роль связана с достаточно высоким уровнем интеллектуальности, то естественно ожидать, что выполнять ее будут люди с профессионально развитым интеллектом. Если она связана с риском, с болением за страждущих и т. п., то на эту роль вряд ли пойдут карьеристы, благополучные и т. п. Это очевидно. Как я уже говорил, общество в лице какой-то части своих членов может начать думать само о себе правдиво, беспощадно-откровенно. Если появились люди, которые сделали это главным делом своей жизни, если число их стало достаточно большим, если они вступили друг с другом в контакты и образовали связный слой, если этот слой стал воспроизводиться обществом во времени, появились преемственность, традиция и т. п., то можно сказать, что появилась особая социальная группа, реализующая правдивое самосознание и совесть общества. Как ее назвать? Это — деятели культуры. Но особого рода. Иногда под интеллигенцией имеют в виду именно эту группу. В Ибанске такой группы нет, нет социальной ткани (слоя, сети и т. п.) такого рода. Иногда назревают жалкие попытки создать ее. Но они быстро ликвидируются. И дело тут не только в том, что власти принимают меры против нее. Дело главным образом в том, что в условиях жизни ибанского общества нет ничего такого, что порождало бы такую социальную ткань, воспроизводило ее и нуждалось в ней. Речь Кандидата произвела на нас сильное впечатление. Ого, сказал Физик, Ты, никак, в социологию ударился. Какая там социология, сказал Кандидат. Я вам кратко пересказал кусок из статьи Двурешника о ибанской интеллигенции.

Эпизод из жизни интеллигента

Он тормозами закрипел. Я еле отскочить успел.

— Ба! Как дела?!

— Дела идут.

— Ну, как живешь?!

— Как все живут.

— Куда направил свой маршрут?

— Картошку за углом дают.

— Картошка?!... Чушь!... В твои года!!!.. С твоим дипломом!!... Ерунда!...

В очередях — ну что за жизнь!!... Борися, брат! Крепись! Держись!!

Он речь сказал. А я смолчал. Плечами я пожал. В машине черной он умчал. Я — пеший пошагал. Умчался судьбы он вершить. А я — картошки раздобыть. Умчался речи он читать. А я — в очередях торчать. И вот стою в толпе старух, Гнилых интеллигентов двух. И в доску пьяный продавец Мораль читает всем, стервец. И я вступить в борьбу решил.

— Приятель, шевелись! Усмешкой он меня прошил.

— Интелихент! Заткнись! Опять стою, смирен и тих. И слышу за спиной.

— Картошки нету из-за них!

— Зажрались икрой!

— В такой ответственный момент!..

— А им насрать! Интелихент!..

— Давно пора их на... гнать!..

— Сажать!...

— Сажать!...

— Сажать!...

— Сажать!...

Легко сказать: борись, держись!... А с кем? И где? И как? Попробуй, с кем-нибудь свяжись. Останешься дурак. Кругом — ответственный момент. А тут — гнилой интеллигент.

Контора

Я уже давно понял, что контора есть ядро и суть ибанской жизни вообще. Не контора суть средство какой-то иной ибанской жизни, а, наоборот, вся прочая ибанская жизнь есть лишь питательная среда, арена и средство жизни конторы. Ибанск в целом можно понять только как неимоверно разросшуюся контору — как контору контор. Я понял также, почему до сих пор никто не докопался до самой сути ибанской жизни — ни оппозиционеры, ни друзья, ни враги. Причина этого не только в том, что психологически трудно признать такое ничтожество, как ибанская контора, в качестве главного действующего лица этого грандиозного спектакля, но также в том, что трудно постичь этого героя в его ничтожном величии или великом ничтожестве. С точки зрения внешнего наблюдателя (а иначе научное наблюдение невозможно!) в конторе не происходит почти ничего, заслуживающего внимания. Чтобы в ней что-то заметить, надо жить в ней естественно, а это исключает возможность научного наблюдения вообще. В конторе, далее, все лежит на поверхности, все и всем известно. И вместе с

тем, здесь все скрыто. Как в хорошем детективе: все персонажи налицо, все факты налицо, а кто творит пакости, не известно. Более того, здесь даже известно, кто творит пакости. Здесь секрет что-то другое. Здесь не известно прежде всего то, что следует открыть. Наконец, нет общепринятого точного языка, на котором можно было бы хотя бы начать разговор на эту тему. Я теперь начитался социологических и исторических книжек всякого сорта. И не нашел в них ничего такого, что можно было использовать для этой цели. Кое-что похожее есть. Но начнешь радоваться: нашел, мол! И тут же мысли автора уходят куда-то в сторону, не имеющую никакого значения в моем случае. Или я так и не набрел на то, что мне нужно. Или нужно все начинать сначала, — разрабатывать язык и изобретать свой метод обдумывания.

Чувствую, что писать становится все труднее и труднее. Нужно делать некоторое усилие над собой, чтобы заставить себя написать хотя бы страничку. Раньше этого не было. Очевидно, бессмысленное безделье на работе больше выматывает, чем тяжелый, но разумный труд. Я устал. Зверски устал.

Неврастеник

Погорел я из-за Неврастеника. Но я к нему никаких претензий не имею. Если бы не он, я погорел на чем-нибудь другом. Неврастеник в течение десяти или более лет считался в нашем ИОАНе обычным среднеуспевающим прохвостом. Единственное, чем он выделялся из общей серой массы наших старших сотрудников, это — знание каких-то иностранных языков, которым его знатные родители обучили еще с пеленок. Когда началась либеральная эпоха, Неврастеник завел знакомства с иностранцами. Сам неоднократно бывал за границей. Мы приписали это связям Неврастеника с ООН, — тогда все считали всех стукачами. С одним иностранным журналистом у Неврастеника была даже близкая дружба, которой он очень гордился. И побаивался (он сам мне об этом не раз говорил, — в это время мы частенько пьянствовали в одной компании). А вдруг в ООН его за задницу возьмут за такое знакомство?! А вдруг журналист — стукач?! Они все такие! Иначе же не проживешь. Неврастеник постоянно излагал журналисту всякого рода умные мысли. Но мысли Журналиста вообще не интересовали. Его интересовали факты. Он охотно жрал и пил за счет Неврастеника. Иногда спал с его женой. Иногда — с его любовницей. Но не спешил написать очерк о еще не известной Западу богатой интеллектуальной жизни лучших представителей ибанской интеллигенции. А Неврастеник знал, что он по крайней мере один из них. И продолжал неутомимо наводить тоску на Журналиста, образ мышления которого отличался от образа мышления рядовых ибанских чиновников лишь обратным знаком.

Как-то раз, когда речь шла (как обычно) о судьбах ибанской творческой

интеллигенции и было наговорено много критического, обличающего, трагического и т. п., Журналист упомянул имя Неврастеника. Это — талантливый человек, сказал Журналист. Во всяком случае, это — личность. И уж в крайнем случае это — порядочный и интеллигентный человек. Так-то оно так, сказал Болтун. Но вы рискуете нарваться на неожиданности, поскольку ни бельмеса не смыслите в механизмах ибанской жизни и употребляете слова, взятые из неибанского житейского обихода. Вот, скажем, что значит: талантливый человек. Или: личность. Или: порядочный человек. Кто-то сказал, что это всякому известно. Начали выяснять, что именно известно всякому, и запутались. Начался дикий спор, кончившийся тем, что Неврастеника обозвали проходимцем, бездарью, приспособленцем и т. п. А между тем — напрасно. А между тем, сказал Болтун, Неврастеник действительно порядочный человек, талант и личность. Но — в ибанском смысле. И Болтун изложил чисто ибанское понимание этих явлений. Кое-что из речей Болтуна засело в моей памяти. Но вернусь к Неврастенику. Он все-таки очень любопытная фигура в Ибанске. Отец — крупный чин. Типичный выдвиженец тех времен: три класса церковно-приходской школы, командир дивизии, какая-то академия, директор крупного завода, крупный работник ООН и т. п. Но сыну дал приличное воспитание: музыка, иностранные языки, литература. Поскольку Неврастенику никогда не надо было прилагать усилий ни в чем, он вырос в карьеристской среде абсолютно лишенным карьеристских качеств. Что такое реальная ибанская жизнь, он видел своими глазами с детства в своем доме и в доме других властителей. Одно время отец был начальником спецлагерей, и Неврастеник насмотрелся всего того, о чем потом Правдец написал много толстых книг и потряс все человечество. Народ? Неврастеник видел и народ. И питал к нему полное презрение. В общем, вырос человек, каких в Ибанске в это время наплодилось много: чуточку таланта; острый ядовитый ум; много цинизма; развязность, переходящая в наглость; способность болтать на любые темы; сознание безнаказанности; жажда комфорта, но нежелание трудиться и выслуживаться; готовность на сделки; трусость и нерешительность в серьезных делах; эгоизм и эгоцентризм; непомерное тщеславие; ненависть к подлинно талантливым людям; и при всем при том — желание выглядеть порядочным, смелым и честным человеком. В ибанских условиях такие люди умели выглядеть прилично и чувствовали себя лучшей частью ибанской интеллектуальной среды.

Отцы и дети

Топают копытом. Испускает вонь.
Вертит задом сытым офицерский конь.
С красными штанами, статен и красив,

Шевелит усами молодой комдив.
Грозно шашкой машет. Льет по шее пот.
Знай мол, сука, наших. Изрублю в компот.
Так узнай, однако, Тайну, наконец.
Тот лихой рубака — Мой родной отец.
Враг сжимает клещи, грозен и жесток...
Кинув где-то вещи, драпал на восток.
Голод пузо сводит. Десять дней не жрал.
Войска отводит мудрый генерал.
Битвами прославлен. В ордена обут.
Во главе поставлен здесь и после — тут.
Время знать припело Правду, наконец.
Полководец смелый — Мой родной отец.
Срок прошел суровый. Лозунгам внемля,
Не мычат коровы, не родит земля.
Но зато летает в небе тьма ракет.
Запад потрясает ножками балет.
Критиканов лупит. Уровень поднять
Требует. И учит, как стихи писать.
Вы уж извините.
Каюсь, наконец.
Сей руководитель —
Мой родной отец.
Пронеслась эпоха, воплощая сны.
И живем неплохо мы, его сыны.
Истины черпаем мы не из газет.
Дружно обсираем кафельный клозет.
Заполняй анкету. Хау ду ю ду.
За границу эту как домой иду.
Чистая анкета.
Парень — молодец.
Знаешь ли ты это:
Кто его отец?
Замшевая юбка главный пункт забот.
Борода и трубка. Острый анекдот.
Книжечка оттоля. И с Самим знаком.
И при том на воле греюсь коньяком.
Говорят, эпоха обнажает клык.
Мы и в ней неплохо дожужим шашлык.
Если провинится,
Этакий стервец,
Все ему простится.
Кто его отец?!

Жалость

Ты мог бы стать хорошим поэтом, однажды сказал я Неврастенику. Чушь, сказал он. Посадили бы, и дело с концом. И никакой папа не помог бы. Кстати, он и не стал бы помогать. Может быть он прав был. Но ведь и из откладывания его замыслов в конечном счете ничего не вышло. А жаль. Жаль. Я смотрю на нашего работодателя Чина, и его мне тоже жаль. Из всех нас тоненькими ручейками вытекает и пропадает впустую что-то хорошее. Если бы эти ручейки собрались вместе, какая огромная река таланта получилась бы. А так — все впустую. Когда я эти соображения изложил Физику, он долго ругался и плевался. Ничего из нас не вытекает, кроме гноя, мочи и..., сказал он. И все это собирается в могучий вонючий поток, в котором утонет скоро весь мир. Зря ты так, сказал я. Зла и так много в этом мире. Нужны хотя бы крупинцы добра. Физик пожал плечами и ушел в туалет с розовым кафелем. Через секунду мы услышали его дикие вопли и бросились выяснять, в чем дело. Оказывается, пол в туалете кишел огромными тараканами, которые лезли туда через отдушины. Идея, сказал Кандидат. Надо будет для полноты счастья наловить клопов и заклеить за обои.

Метод мышления

Поскольку я теперь мыслитель, то я обязан отработать подходящим образом свой метод мышления. И тут я вспомнил Шизофреника. Тогда мы все над ним смеялись. Теперь я вдруг понял, что в его бредовых речах было много здравого смысла. И я начал кое-что припоминать, кое-что выдумывать заново.

В ибанском обществе все прозрачно и в то же время все тщательно замаскировано. С одной стороны, видишь, как на твоих глазах совершается гнусность. А с другой стороны, видишь, что она есть благо. И разобраться в том, что происходит на самом деле, без научного подхода совершенно невозможно. Причем, научный подход — не обязательно профессиональная наука. Последняя может быть еще менее научной, чем обывательское сознание. Научный подход — это определенный способ рассмотрения социальных явлений, который может быть выработан и вне официальной науки. Заключается этот способ в стремлении построить теорию — некоторую совокупность универсальных утверждений, объединенных в единое целое и позволяющих по определенным правилам выводить новые утверждения относительно данной области явлений. Принципиально важно здесь то, что никакая приличная социальная теория не может непосредственно объяснить конкретные явления действительности, — обстоятельство, служащее основанием бесконечных спекуляций за счет теорий и против них, но никогда не в пользу их.

Хорошая социальная теория приложима к конкретным фактам лишь посредством некоторых промежуточных звеньев. По теории Шизофреника, например, всякий социальный индивид, желающий получить побольше кусок пирога на пиршестве ибанской жизни, должен убедить окружающих в том, что он есть среднеподлое и бездарное существо. И этот закон неотвратим. Но есть другие законы, модифицирующие и маскирующие его проявление. Представьте себе, в среду ибанских писателей, художников, ученых и т. п. приходит Ибанец и говорит. Я — дерьмо. Хотите, я напишу донос. Подпишу гневное письмо, клеймящее Правдеца. Напишу портрет Заибана. Будет он иметь успех? Конечно, нет. Но ведь все это делают, и именно благодаря этому имеют успех. В чем дело? Имеется другой закон ибанской жизни, столь же неотвратимый, как и первый: в Ибанске бездарность должна принять форму подлинного таланта, подлость — форму добродетели, донос — форму заботы о благе народа, клевета — за истину. Потому-то Ибанец для успеха должен первое правило достижения успеха реализовать в форме, удовлетворяющей второму правилу. Он должен выглядеть прилично. Не имеет значения то, что всем очевидно: он — прохвост. Важно лишь то, что это — прохвост, который отвечает правилам ибанской жизни и выгладит согласно этим правилам как порядочный ибанец. Он должен быть формально неразоблачаем. Далее, всякий ибанец начинает сражаться за свой кусок пирога в ситуации, когда все роли уже распределены, выгодные места заняты, и владельцы их не отдадут их без боя. Может ли Ибанец ждать, когда его заметят и оценят? Конечно, нет. Он должен проявить минимум активности. Как? Будет ли он иметь успех, если замахнется на очень многое? Например, начнет доносить на высших чинов в своей сфере? Нет. Имеется другой закон ибанской жизни — закон соразмерности. Ибанец должен убедить прочих прохвостов своей сферы в том, что его претензии не угрожают их существованию. Если Ибанец рискнет нарушить этот закон, он должен использовать другой из этой же категории, а именно — поставить власть имущих в ситуацию, когда у них нет иного выхода — дать Ибанцу слишком большой (по их мнению) кусок. Или использовать такую ситуацию. Но это бывает редко. Обычно же наряду с законом соразмерности действует закон постепенности. Ибанец должен претендовать на большой кусок, предварительно получив кусок поменьше, привыкнув к нему и приучив окружающих к нему как к вполне заслуженному. При этом его нарастающие претензии выглядят естественной платой за заслуги. Кроме того, на каждого прохвоста, начинающего жизненный свой путь, найдется другой прохвост, который имеет репутацию безмерного прохвоста. Это — тоже закон: ибанские прохвосты выталкивают из своей среды какую-то часть в качестве таких выдающихся негодяев, чтобы их собственная негодяйность не была так заметна. И путь начинающего прохвоста должен выглядеть как путь развития ибанского общества от большого негодяйства к меньшему, т. е. как прогресс. Теория Шизофреника есть объективная

теория, т. е. теория, создаваемая с точки зрения некоего внешнего и бесстрастного (не запутанного во внутренних страстях общества) наблюдателя. Она предполагает возможность точных измерений и прогнозов с этой точки зрения. Но это не исключает возможности использования ее в корыстных интересах каких-то групп самого общества. Со временем она будет детально разработана именно в этих интересах, причем — как сверхсекретная теория, ибо она в корне противоречит официальной идеологии и пропаганде. Это — тоже проявление одного из законов ибанского общества. Но для общего понимания ибанской жизни нет надобности детально разрабатывать такую теорию. Достаточно усвоить некоторую ориентировочную способность к анализу социальных явлений и сведению их хотя бы к некоторым ближайшим тенденциям и хотя бы приблизительно. Например, напечатали в газетах, что в такой-то стране повысили цены на продукты питания. Знай, что цены у нас повысились и повысятся еще более, ибо в глубине ибанской экономики лежит постоянно действующая тенденция сведения жизненного уровня населения к некоторому минимуму. Тут нет надобности производить расчеты. А если и потребуется, можно отыскать некоторые огрубленные методы сравнительно легко. Поскольку описанный выше подход к пониманию социальных явлений сами ибанцы считают антинаучным, то его можно назвать антинаучным. Название не играет роли. Пусть подход антинаучен. Лишь бы он давал возможность хоть что-то понять в ибанской жизни в натуральном, а не в апологетически искаженном виде. И не в том виде, в каком Ибанск позволяют видеть иностранцам, а в каком ежедневно существуют сами ибанцы.

Она

Опять позвонила Она. Потом еще раз. Мы уже на Ты. Хочешь, я завтра возьму отгул, сказала Она. Миленькая, сказал я, я завтра работаю. Как, удивилась Она, ты же ночью работаешь. Неужели ты думаешь, что мужчина таких размеров как я и с такими духовными запросами может прожить на зарплату ночного сторожа, сказал я. Мне этих денег на одни книги не хватает. Жаль, сказала Она. Ну, да мы что-нибудь придумаем. Давай, сказал я, думай. С твоей головкой непременно можно решить любую житейскую проблему. Я приеду к тебе, сказала Она. Жду, сказал я.

Муки творчества

Я все время сам с собой веду ожесточенную полемику. Прежде чем записать что-либо, я часами воюю со своими мыслями. Мой главный аргумент против себя: а много ли таких как ты?! Много ли таких судеб?! Много ли таких бригад, как наша?! Это же все не типично. Так стоит ли об этом писать?! И так далее в таком же духе. И я не находил против этого

защиты. Защита пришла совершенно неожиданно. Контора моя расположена довольно далеко от дома. Больше часа езды с двумя пересадками. Я как всегда с боем втиснулся в перегруженный автобус. За спиной у меня где-то внизу пищали две тонюсенькие девчушки. Они тыкали мне в спину чем-то острым и обвиняли меня во всех смертных грехах. Я не обращал внимания, хотя это было несправедливо. Я сдерживал напор по крайней мере половины автобуса. А обеспечить им комфорт, необходимый для сохранения достоинства личности, было не в моих силах. Когда народ в автобусе ужался более или менее равномерно, я прислушался к их писку. Это не типично и не характерно для нас, пропищала одна. Не типично — да, пропищала другая. Но насчет нехарактерности не согласна. Разве мир раньше был набит отеллами, Робинзонами, Онегинными? Но такие случаи были, не сдавалась первая. И отдельные черты во многих людях. Писатель обобщает... А Гулливер, сердилась вторая. А Гаргантюа? А Фауст? А Ад? Нет, дело тут не в этом. Характерность может обнаруживаться и в исключительных явлениях. И в выдуманном ее можно показать. Даже лучше получается. Тогда она виднее. Девушки продолжали спорить. А я уже не слушал их. Мне было уже ясно, в чем дело. Характер общества отчетливее проступает именно в исключительных обстоятельствах. Сколько лет я проработал в ИОАНе?! Много ли было персональных дел вроде дела Неврастеника за это время? Пусть даже всего одно. Но именно в нем заметным образом проявились некоторые существенные черты ибанского общества. Они и раньше тут были. Они все время есть. Но обычно они действуют так, что их не видно. Их как будто бы и нет. Если не осуществляются массовые репрессии, это еще не означает, что общество не имеет таких свойств, которые проявляются в них. Пусть даже такие репрессии произошли один раз. Эти свойства могут быть постоянными свойствами общества. Но они в других условиях могут действовать так, что до репрессий дело доходить не будет. Например, нам сейчас это не выгодно. Да и ни к чему. Те же результаты получаются другими методами. Зачем, например, человеку позволять вырастать в крупную и заметную величину и давить его на глазах у всех? Лучше в зародыше давить потенциальных, будущих отщепенцев. Тут подошло время выбираться из автобуса. А это не так-то просто. Пробиваясь к выходу, я забыл кучу красивых мыслей, которые минуту назад резвились в моей голове, и записал лишь корявые их обрывки. Все-таки письменный стол предпочтительнее автобуса и импровизированной тумбочки, если даже последняя считается продуктом современной чудо-науки и сверх-чудо-техники. Кстати, у меня еще никогда не было своего письменного стола.

Романтика космоса

Чин привез импортное средство против тараканов и путано пытался объяснить нам, как им пользоваться. Я взял у него баллончик и перевел, что было на нём написано. Это по-каковски, спросил Чин. Да вроде бы по-английски, сказал я. По-английски, удивился он. Я английский учил в школе, в институте, в аспирантуре. Перед поездкой в Англию три месяца занимался с учительницей. Перед поездкой в США был полгода на специальных курсах. И все никак. А язык знать надо! Мне приходится часто ездить. И представителей встречать. Как-то неудобно без языка. Хотя... И Чин испарился. Зачем ему язык, сказал Физик. У него куча помощников, переводчиков, сотрудников и прочего добра. Хотя бы один там есть с языком. С большим опозданием пришел Кандидат. Еле пробился, сказал он. Опять космонавтов встречают. Надоело это все! Что это такое? А! Знаю. Выкиньте подальше! У моих знакомых от этого средства собака и кошка сдохли, а тараканы после этого выросли в три раза и словно озверели. Однажды даже сосиску уперли в отдушину. Мы, однако, сделали, как велел Чин. Закрыли все двери. Сами ушли подальше, в спальню. Так значит тебе космонавты надоели, сказал Физик. А ты забыл, что пел несколько лет назад? Романтика! Хотите, я вам прочитаю, что сказал Певец еще десять лет назад об этой романтике? Так вот, слушайте.

У каждой эпохи свои представления.
Свои кружева и бантики.
Свои идеалы. Свои преступления.
Свое пониманье романтики.
У нашей, как утверждает пресса, —
Науки и техники сверхускорение,
Неумолимая поступь прогресса,
И космоса, само собой, покорение.
С прессой не спорят. Прессе видней.
Космос — романтика нынешних дней.
Сел в ракету. Твою мать!
Как в телегу дедову.
Что такое? Нажимать.
Поехали! Покедова!
Славы радостны лучи.
Ведом всему миру.
Генерала получил.
Новую квартиру.
Бросил старую жену,
Хоть была беременна.
И актрису хапанул.
И живу с ней временно.

Хоть она и старая,
И вовсе не прелестная,
Да зато ей пара я.
Да зато известная.
Не терплю в научный век
Устаревшей практики.
Я ж — великий человек.
Я ж — герой галактики.
Отблеск славы чтоб не глох,
Что был я покорителем,
Комитета... Чтоб он сдох!
Стал руководителем.
Чтобы не забыл народ
То, что было ранее,
Пьяной рожей эн раз в год
Пухну на экране я.
Тут тебе не кружева.
Тут тебе не бантики.
Именутся, братва,
Это все — романтика.
Со мною не спорьте. Мне сверху видней.
Космос — романтика нынешних дней.
... ваы

Когда мы вернулись на кухню, мы увидели ошеломляющее зрелище. Пол, стены, столы и даже люстра кишели огромными живыми тараканами. Да, сказал Физик. Ты прав. То, что американцу смерть, ибанцу — здоровье. Кончай работу, пошли ко мне чай пить. Дома у Физика мы включили телевизор. Показывали встречу Заибана с космонавтами. Все они жрали и пили и говорили пошлости. Заибан тыкал командира корабля в бок и бубнил ему в ухо что-то нечленораздельное. Вроде: Ты меня уважаешь, а? А как наш шарик оттуда, сверху? Вертится, а? Ха-ха-ха-ха... Тьфу... твою мать, сказал Физик. Они справляют свои семейные делишки и заставляют нас любоваться на них.

Выключи эту романтику к.....матери, а не то я разнесу эту коробку в куски! А она денег стоит, жалко потом будет!

Иностранцы в Ибанске

Не понимаю я иностранцев, говорит Физик. Включаю вчера телевизор — выступает английский банкир. Англичанин. Аристократ. Уж, кажется, должен презирать нас. Приехал, сделал свое дело, и мотай домой! А он по телевизору выступает! И что же он говорит? Потрясен тем, что в Ибанске строят красивые дома! Хорошо одето и выглядит довольным население!

Прекрасно обслужили в ресторане! Приветлив и дружелюбен народ! Во как! Можно подумать, что он действительно общался с народом. Зашел бы в нашу столовку! Прокатился бы в автобусе! Что он — кретин? Или расчет какой? Не понимаю. Неужели до этих дегенератов не доходит, что они в таких случаях выступают как сообщники наших властей и вносят свою добровольную долю в свою будущую могилу?! Неужели они не замечают, что имеют дело не с реальным Ибанском, а лишь с некоторой образцово-показательной липой?! Да перестань Ты плакать, говорит Кандидат. На наш век хватит. А там пусть их Запад катится ко всем чертям. Пусть заводят свой Ибанск у себя и наслаждаются. Ты придаешь выступлению этого англичанина не тот смысл, какой он сам в него вкладывает, говорю я. Для него это — пустая форма вежливости. Может быть, говорит Физик. Но для нашего начальства это — реальная форма соучастия. Поймите же вы, это — не пустяки. Он десять минут потрепался из вежливости (только ли?), а у нас десяток мальчиков взяли в самом начале их пути и десятку мужей вроде вас дали по морде и лишили возможности нормально жить. Тут прямая связь. Люди уж так устроены, говорю я. Восторгаясь каким-то явлением нашей жизни, иностранцы часто в такой форме выражают лишь свою нелюбовь к каким-то явлениям западной жизни. Они не виноваты, что мы спекулируем на этом и извлекаем выгоду для себя. Подлость остается подлостью, говорит Физик, независимо от того, какими намерениями руководствуются люди. Кончай трепотню, говорит Кандидат. За дело!...

Но поработать нам на сей раз не пришлось. Приехал Чин, и предложил такой вариант. Поскольку с деньгами у него туго, то мы можем старый паркет (хорош старый!) загнать, половину выручки — в счет уплаты за работу, половину — за операцию по продаже. Мы сначала забастовали. Но тут Физик вспомнил своего хозяина дачи, и мы согласились. Этот подонок купит все, что угодно, лишь бы в полцены, сказал он. И через несколько минут он уже созвонился с Хозяйчиком. Тот, разумеется, согласился. В придачу мы захватили ему «старый» унитаз и «старые» батареи (их пришлось тоже сменить). Заработали мы на этой операции пустяки. Но зато какую-то часть долга тем самым вытянули из нашего работодателя.

Личность

Ибанское общество в одном (среди многих прочих) отношении превосходит все прочие общества, которые имели место в прошлом и имеют место в других местах в наше время. Имеют место к великому сожалению ибанского начальства. Но имеют место, разумеется, временно. Впредь до особых распоряжений начальства. Ибанское общество превосходит все прочие в том отношении, что в нем невозможны в массовом исполнении индивиды, обозначаемые термином «личность». Это не следует понимать так, будто индивиды не могут вообще совершать

поступки, свойственные личности. Пожалуйста, совершай, если хочешь. Ты волен совершать или не совершать их. Это следует понимать так: если индивид совершил поступок, свойственный личности, то он устраняется с арены ибанской истории, в частности — уничтожается и как биологическое существо или насильственно изолируется. Ибанец может только однажды совершить поступок, свойственный личности. Но этого слишком мало, чтобы считать его личностью, ибо личность — социальный индивид, более или менее регулярно совершающий поступки такого рода. Конечно, бывают такие, исключительные ситуации, когда ибанец завоевывает возможность на некоторое достаточно длительное время быть личностью, Таковы, например, Правдец, Мазила, Певец. Но ибанское общество так или иначе и рано или поздно очищается от таких индивидов. Кроме того, такие случаи — величайшая редкость. Они, не типичны и не характерны для ибанского общества. Для последнего типично и характерно именно отсутствие таковых или уничтожение (в том числе — выталкивание вовне) случайно уцелевших индивидов, набравшихся наглости быть личностями. Ибанское общество тяготеет к абсолютно однородному безличностному состоянию. Так спокойнее. И порядка больше. И начальству гораздо легче. И полный, изм все ближе и ближе. И все полнее и полнее. Имеется метод измерения личностного потенциала общества. Он состоит в следующем, Во-первых, измеряется отношение числа поступков, свойственных личности (эти поступки оцениваются по определенным критериям, о которых ниже), к общему, числу социальных поступков общества. Как это сделать конкретно, имеются хорошо разработанные общие методы статистики. Во-вторых измеряется отношение числа людей с нормальным коэффициентом личности к общему числу социально активных индивидов данного общества. Нормальный коэффициент личности определяется чисто эмпирически (индивид должен совершать личностные поступки настолько регулярно, чтобы насторожить начальство). Личностный потенциал общества — измеряется затем как особого рода функция от величин, указанных выше, и других величин, о которых здесь можно умолчать. Так вот, личностный потенциал ибанского общества имеет тенденцию сократиться до нуля. Это — эмпирически установленный факт. Но, как доказал Учитель, он может быть обоснован и чисто математически, исходя из некоторых очень общих допущений, против которых не возражает даже ибанское начальство. Учитель также чисто математически вывел, что число личностей в Ибанске и продолжительность их существования на арене ибанской истории не могут превышать некоторые конечные и сравнительно небольшие пределы. Эмпирическое наблюдение подтверждают теоретические выводы Учителя. В Ибанске никогда не наблюдалось появление на арене истории одновременно более трёх личностей, а активная их деятельность никогда не превышала (в абсолютной сумме) пяти лет (следует обратить внимание: и тут свои пятилетки! Между прочим, и тут они обычно выполняются досрочно!). И

все же понятие личности применимо к ибанцам в некотором ослабленном смысле: здесь личность — социальный индивид, хотя бы однажды рискнувший совершить наказуемый поступок, свойственный личности в старом смысле, или находится в состоянии готовности совершить такой поступок (ему самому и некоторым лицам из окружения кажется, что он вот-вот.....). При этом он может в состоянии готовности благополучно дотянуть до персональной пенсии и до места на почетном кладбище. Интересно, подумал я, являюсь ли я личностью? Скорее всего нет, ибо не чувствую в себе никакой потребности быть ею. Но кто знает. Иногда меня подмывает выкинуть какую-нибудь хохму. Без всякой причины. И я эту хохму потом выкинул. И вот вместо докторской степени и хорошо оплачиваемой должности старшего научного сотрудника — вахтер. Правда, сами старшие говорят, что по теперешним временам докторская зарплата — нищенская. Какова же зарплата младшего сотрудника? А младшего без степени? А вахтера? Потом приехала Она.

Привилегии

Чинша попросила меня съездить с ней за продуктами в их закрытый распределитель. Сейчас выдают предпраздничный паек. А это довольно тяжело нести для женщины (Чин куда-то уехал, домработница в отпуску). Я слышал не раз о таких распределителях. Но то, что я увидел на самом деле, потрясло меня до глубины души. Во-первых, такие продукты им дают, какие в открытой продаже я не видел ни разу. Как в сказке! Во-вторых, все это лишь за фиктивную плату. Когда Чинша сказала мне, сколько заплатила за все добро, я не поверил. А когда убедился, что это так, у меня глаза на лоб полезли. Теперь я могу поверить, что у высших чинов сравнительно небольшие оклады. Зачем им большие деньги, если они все имеют даром или почти, даром? В-третьих, иерархия. Оказывается, все чины расписаны по рангам и категориям. Довольно сложная система. По одной какой-то линии наш Чин получил паек третьей категории, а по другой — доппаек по первой категории. От Чинши я еле вырвался. Ее намерения не оставляли сомнений, но не совпадали с моими. И, сославшись на то, что меня ждут на работе, я смылся. Когда я рассказал ребятам о том, что увидел, они подняли меня на смех. Ты что, с луны свалился, сказал Физик. Я и то получал спецпаек. Да еще какой. У нас даже фильмы показывали в соответствии с чином. Если ты не доктор, тебе билет в кино на лучшие места не дадут. Был у меня друг, кандидат наук. Идем с ним в Дом Ученых обедать. Я сижу в одном зале, а он стоит в очередь в другой. Я бы на твоём месте, сказал Кандидат, зажал Чиншу и жил бы себе припеваючи. Она баба еще ничего себе.

Детство Неврастеника

Грязь и слякоть на дворе.
В сером небе — тучи.
Гнусный мальчик на ковре
Без причин канючит.
Среди мебели снует
Вздорная мамаша.
В жадный рот ему сует...
Нет, отнюдь не кашу.
Самомнения полна,
В пеньюар одета,
Тычет в мордочку она
Толстую конфету.
Жри, подлец, из спецлярька редкую конфету!
Папа, важный Секретарь,
Водочку лакает.
И, как было это встарь,
Сына наставляет.
Говорю тебе, любя,
А не трали-вали,
Не напрасно ж за тебя
Кровь мы проливали.
Помни это, негодяй,
Жуй свою конфетку.
И на ус себе мотай
Мудрость жизни, детка.
Никогда не забывай жизни мудрость, детка!
Что заметишь — не зевай.
Хапай, где попало.
Не предложат — сам хватай.
И кричи, что мало.
Не шучу я, дорогой,
Говорю серьезно.
Коль не ты — урвет другой,
Будет слишком поздно.
Против этого восстать
Человек не волен.
Ухватил — хватай опять,
И не будь доволен.
Хапай все, что было сил, и не будь доволен!
На коллегу донеси,
Похвали начальство,

Требуй дать, а не проси,
Прояви нахальство.
Кого нужно, заклейми,
Поддержи воззвание.
Своевременно пойми,
Куда гнет собрание.
Сам налопаешься бед,
Ежели забудешь:
Чем несчастнее сосед,
Тем счастливей будешь.
Коль коллега не в беде, счастлив ты не будешь!
Не кажись других умней,
Будь, как все, ничтожен.
В этом следовать, сын, мне
Ты обязан тоже.
Нынче, честно говоря,
Только дилетанты
Обнаруживают зря
Всякие таланты.
Если будешь сер и тих,
Жизнь протянешь сыто.
А таланты... сколько их
Без вести зарыто.
Все таланты, милый мой, без вести зарыты!
Грязь и слякоть на дворе,
В сером небе тучи.
Сытый мальчик на ковре
Жизни кредо учит.
И над ним стоит горой
Гнусная мамаша.
Черной паюсной икрой
Морду сыну мажет.
Злобный папа меж зубов
Вилкой ковыряет,
Жизни суть без лишних слов
Сыну поверяет.
Сытой жизни резюме сыну поверяет.

Инструкция иностранцам

Я, говорит Кандидат, пропихнул как-то в журнале малюсенькую статейку. Ее тут же перевели на Западе. И только через два года я случайно узнал, что меня там выбрали в какое-то общество и несколько раз посылали

приглашения. И ты удивляешься, говорит Физик. Когда я был в почете, мне десятками посылали всякие приглашения. Хотя я был абсолютно чист и причастен к власти имущим, мне все равно не сообщали об этом. А они там, кретины, обижались. Решили, что я элементарно невежлив. Мол, даже ответить не удосужился. Неужели они не понимают, в каком мы положении, возмущаюсь я. Понимают, но не чувствуют, говорит Физик. Слишком уж все это иррационально. У нас ребята разработали шуточную инструкцию для иностранцев, желающих иметь дело с ибанской интеллигенцией. В ней такие, например пункты были. Если вам сообщают, что интересующее вас лицо находится в отпуске и встретиться с вами не может, то знайте, что это лицо находится на работе и жаждет с вами встретиться в любую минуту. Если вы не получили от N ответа на ваше письмо, то не считайте, что N невежлив или не хочет отвечать. Просто N не получил письмо или ответ его задержан. Какой-то сукин сын отнес инструкцию в Бюро. Оттуда она попала в ООН. И фигурировала в нашем деле как серьезный документ, подрывающий политику борьбы за мир.

Принципиальная ненадежность

Чин обещал нам выплатить часть денег сегодня. И, разумеется, надул. Она собиралась взять отгул и сходить со мной в Музей, а потом — в ресторан. Хотя бы раз как следует поесть. Клялась и божилась, что придет. Отгул Она взяла. Но не пришла. Ночью была где-то в гостях, днем отсыпалась. Физика велели прийти в одно Издательство и взять книгу для срочного перевода. Он отказался от других дел и согласился выполнить просьбу Издательства. Пришел. Оказывается, книгу отдали другому. И так, за что ни возьмись. Приехал Чин. Пьяный. Злой. Последними словами поносит своего Шефа. Этот старпер, говорит он, все эти годы обещал дать мне Отдел, когда освободится ближайшее место. Я, как идиот, вкалывал на него и день и ночь. А он? Назначил заведующим Отдела одного проходимца с периферии. Выскочку. Прожженного карьериста. Вот и надейся на них! Это все еще мелочи. Хряк обещал полный изм через пятнадцать лет. Где Хряк? Где полный изм? Бог с ним, с полным измом. Обещали отменить плату за общественный транспорт. А итог? Повысили эту самую плату. Бери выше, говорит Физик. Обещали райскую жизнь после победы пролетариата. Где она? Это из другой оперы, говорю я. Одно дело — иллюзии. Другое дело — обман. И третье дело — принципиальная ненадежность ибанца как форма поведения. Вот — задачка для социологов. Нет личной заинтересованности? Ерунда. Ибанец ненадежен и в тех случаях, когда дело касается лично его. Он ненадежен, если даже это во вред ему самому.

Она

Весь день я думаю о тебе, говорит Она. А ты? Днем я работаю, говорю я. Хочешь знать, что, говорит о тебе Сам, спрашивает Она? Здоровый мужик. Глуповат только. Малограмотный. Наверно псих. Точно, говорю я. Насчет здоровья ничего не могу сказать. Не думал об этом. А то, что законченный кретин, и малограмотный, и псих, — это верно. Нет, говорит Она, ты умнее всех, кого я знаю. Псих — это немножко есть. А что ты пишешь? Можно почитать? Можно, говорю я. Только это скучно. Ничего, говорит Она. Если твое, значит не скучно. Она устраивается поудобнее на директорском диване и начинает читать мою писанину, а я иду выполнять служебные обязанности. Вспоминаю, что я написал какую-то чушь о секретаршах. Хочу вернуться, вырвать эти листочки. Но какое это имеет значение? Не собираюсь же я делать предложение.

Когда я вернулся, Она уже все прочитала. Это про меня, говорит Она. Нет, говорю я! Это про всех, а значит ни про кого персонально. Ты меня презираешь, говорит Она, за директора?.. Нет, говорю я. Это — твоя работа. Я глупая, говорит Она. Нет, говорю я. Ты умнее всех. Я вульгарная и некрасивая, говорит Она. Нет, говорю я. Ты красивее всех. Ты лжешь, говорит Она, но я тебе верю. Я становлюсь на колени и кладу свою седеющую тяжелую голову рядом. Я плачу. И Она плачет. Почему все так, говорит Она. Я хотела в институт. Из школы без протекции поступить невозможно. Меня устроили сначала к....., потом к....., потом перевели сюда. Это не имеет значения, говорю я. А что имеет значение, спрашивает Она. Не знаю, говорю я. Может быть, страдание. В общем, не знаю и знать не хочу. А почему ты не женат, спрашивает Она. И вообще, как ты живешь? Живу, говорю я. Пока живу. Институт. Аспирантура. Блестящая, как говорили оппоненты, диссертация. Хотели дать доктора. С большим трудом дали кандидата. Десять лет младший научный. Мальчик на побегушках. Статьи для начальства. Папа... Не хочется о нем говорить. Двухкомнатная квартира. В одной — сестра с пьяницей мужем и двумя детьми, в другой — я и мама. Пенсионерка. Заслуженный отдых. Все ей обязаны. Исполнять ее капризы. Уступать место. Сестра с ног сбилась. А Она пальцем о палец не ударит для нее. Хотя совершенно здорова. Почему ты не уйдешь от своих родственников, спрашивает Она. Мог бы снять комнату. Мог бы, говорю я. Но ведь мать, все-таки Жаль. Все-таки близкий человек. Эх ты, горемыка, говорит Она. А я-то думала, одна я такая. Все такие, говорю я. Не все, возмущается Она. Директор не таков. Он — насекомое. Причем — омерзительное. А как ты оказался здесь? Длинная история, говорю я. Как-нибудь потом расскажу. А теперь спи, малыш. Скоро работа. Она закрывает глаза и говорит, шепчет мне на ухо скажи мне слово, и я тебе сделаю все. Буду ухаживать за твоей матерью. Буду стирать твое белье. Буду варить тебе суп. Уйду на любую другую работу. Одно только слово! Ну! Пока не могу, говорю я. Понимаешь, я так глупо

устроен. Это слово должно сказаться само, помимо моей воли. Если это не произойдет само собой, я не смогу себя заставить сказать это слово. Я буду ждать, говорит Она.

Эпизод из жизни интеллигента

Не всемирный конгресс, не миссия,
Озабоченная за нас,
А жилищная то комиссия
Заседает четвертый час
А на очереди стою первый я
Не один, а десятый год
Конкуренты мои очень нервные
От волнения кусают рот
И космические страдания
Проявляет их каждый вздох.
Ах, как хочется им, чтоб они, не я,
Получили. А я... чтобы сдох.
О, мечты! О, страдания тяжкие!
Где надежды? Кто их слизнул?
Вот с директорскою бумажкою
Мимо нас холуй проскользнул.
Чем такое у нас кончается,
Каждый знает не первый год.
И за сердце дорогой хватается.
И в обиде кривит свой рот...
Не правительство столичное,
Управляющее страной,
А комиссия да жилищная
Все решила за той стеной.

Система оценок и ценностей

Одно дело — когда сам крутишься в житейской сутолоке, и другое — когда смотришь да нее со стороны. Все смотрится иначе. Когда я начал наблюдать нашу контору с позиции натуралиста, изучающего муравейник, стадо обезьян, или скопление крыс, я был сначала потрясен кажущейся бессмысленностью подавляющего большинства действий сотрудников и несоразмерностью между событиями и реакцией сотрудников на них. Например, зачем эта масса уставших людей идет в актовый зал и часами мучается в нем, заранее зная, что от них ничто не зависит, что давно, все решено и согласовано в соответствующих инстанциях. Зачем председатель

собрания предлагает голосовать, хотя заранее знает, что большинство вообще не удосужится поднять руку, что он, не глядя даже в зал, скажет, что решение принято единогласно, что никто не пикнет по сему поводу и т. д. Или вот идет сотрудник А. И вид у него такой, как будто случилось величайшее несчастье. А что произошло на самом деле? А произошло то, что сотруднику В дали Почетную Грамоту (опять — бессмысленная бумажка!), а ему, сотруднику А, объявили всего лишь благодарность в приказе (опять — бессмысленная строчка в бессмысленной бумажке!), хотя его заслуги (какие?) превосходят заслуги сотрудника В. И, Боже мой, какую удручающую картину являют люди, когда дело касается денег, путевок, квартир и т. п. Какие разгораются страсти! И я смотрел в недоумении на этих людей и думал, неужели же надбавка зарплаты на пятерку заслуживает таких переживаний?! Какая разница — быть нищим на такую-то зарплату или на пятерку больше?! Не знаю, к чему бы я склонился в результате таких наблюдений — к презрению или к состраданию, если бы вдруг не вспомнил однажды слова одного замечательного (это я понял только сейчас) человека. Не помню его имени. Я тогда еще был студентом и случайно забрел на его лекцию. Потом этого человека вроде бы посадили. Или опять посадили. Этот человек тогда сказал: не осуждайте их, а поймите. И он рассказал тогда, как нужно все это понимать. Прошло много лет. Я встречал подобные мысли в работах наших социологов, критиковавших ненаших социологов, и тем самым тянувших из работ последних кое-что для себя и про нас. Теперь я убедился в том, что при желании и сам могу придумать нечто подобное. Это не так уж сложно, если ты определенно и честно вышел на эту дорожку. Это очень простые истины. Но именно потому они даются труднее всего: для постижения их нужно нечто большее, чем способность понимать фразы. Нужен переворот во всем твоём существе.

Каждое общество характеризуется своей системой оценок и ценностей. Для первичной ясности полезно их различить и до некоторого момента рассмотреть по отдельности. Что такое оценки — каждому известно с пеленок. Съел Кашку — молодец, хорошо поступил. Разбил чашку — нехороший ребенок, плохо поступил. Но далеко не каждому известно, что есть некоторые общие принципы оценок, одинаковые для всех обществ, для всех сфер жизни, для всех индивидов. Интуитивно мы это чувствуем в некоторых случаях. Так, если портной сшил плохой костюм, он сшил все равно плохой костюм, какими бы не были его намерения. Если человек плохо поет, то он — плохой певец, будь он ночной сторож или директор. Если человек косноязычен, то он — плохой оратор независимо от того, является он главой государства или дворником. Правда, для главы государства этот дефект незначителен. Но это уже другой вопрос. И тутто начинаются некоторые мистификации специфически ибанского типа.

Оценки надо отличать от мнения. Мнение субъективно в том смысле, что нет общих, единых для всех критериев их высказывания. Мнение не

является истинным и не является ложным. К нему эти слова неприменимы. Мнение может быть результатом того, что то или иное явление, событие, вещь и т. п. нравится или не нравится человеку. Оценка же объективна в том смысле, что имеются общепринятые критерии и правила, по которым они формулируются. И любой индивид, руководствуясь этими критериями и правилами, получит примерно ту же самую оценку данного явления. Бывают отклонения. Но не в них суть. В тенденции все же есть нечто устойчивое. Например, разные учителя в школе примерно одинаково оценивают ответы учеников. Бывают отклонения в одиндва балла. Но если взять множество учеников и множество их оценок, реализуется устойчивая тенденция. Это — общеизвестно. Общий принцип оценок — именно наличие такой тенденции к объективности и независимость от субъективных мнений, точнее — от того, нравится или нет Данное оцениваемое явление оценивающему индивиду. В житейской практике не для всех явлений имеются общие правила оценок. Имеет место смешение оценок и мнений. Но все это не влияет на само понятие оценки и принципиально не отвергает возможности общих критериев оценок для тех или иных случаев. В ибанском же обществе господствует такая система оценок, которая основывается именно на отказе от общих принципов оценки. Это уже не есть система оценок. Это — система антиоценбк. Здесь оценка действий и способностей индивидов есть функция от социального положения индивидов, их намерений, их официальных заявлений о своих действиях, намерений и настроений окружающих и т. д. И даже от конкретности типа ситуации, в которой совершаются действия. Например, высшее начальство принимает решение прорыть канал из пункта А в пункт В и приказывает начать это делать. По общим принципам оценок и по правилам оценок технического и экономического порядка данное решение может быть оценено как в высшей степени идиотское. Но по ибанским правилам оно оценивается как верх гениальности. И это не пропаганда. Это честно и искренне, ибо данная оценка получена как функция от намерений (облагодетельствовать народ, не ждать милостей у природы и т. п.), от социального ранга решающих (высшие чины, а они по определению гении), от особенностей ситуации (жрать нечего, надо ширли-мырли выращивать за Полярным кругом) и т. п. Предложение же одного ретивого параноика из Общества По Распространению прорыть этот канал, сделанное за неделю до этого, было оценено как вредное и даже как ревизионистское. Ибо кто ты такой, чтобы лезть со своими планами, не спросясь даже у заведующего группой. А ведь намерения у Параноика были те же: облагодетельствовать, повернуть вспять и не ждать милостей. Поскольку ибанская система антиоценок разработана с величайшей тщательностью и внедрена во все сферы жизни, то нет ничего удивительного в том, что ибанцы называют шедеврами идиотские фильмы, картины и книги, расхваливают плохо сшитые костюмы и гнилую картошку, возводят в гении потрясающе глупых руководителей и т. д. Кто

мы? По ибанской системе оценок — отщепенцы, выродки, уроды. Многие явления ибанской жизни, как и всякой другой, помимо их жизненной ценности имеют еще некое символическое значение, а некоторые — исключительно символическое значение. Например, увеличение зарплаты имеет жизненное значение, что очевидно. Но не только. Оно еще переживается индивидом как символ того, что его уважают, что труд его ценят, что он способен к росту и т. д. Благодарность в приказе имеет чисто символическую ценность. Однако не следует эту символическую ценность рассматривать только как некое духовное явление. Символические ценности суть показатели положения индивида в обществе, показатели его перспектив, показатели признания обществом этого положения и перспектив. Потому-то такие сильные страсти разгораются по поводу кажущихся пустяков. Премия — не просто сумма денег (обычно — небольшая), а признание прочности положения индивида и перспектив роста. Перестали человека избирать в президиум собрания — все знают, что положение его ухудшается. Здесь всякая неудача (какая бы мелкая ни была) есть угроза ухудшения, а всякая удача есть надежда на улучшение. А поскольку ибанцы все время живут в страхе ухудшения, каждый пустяк приобретает для них смысл сражения за жизнь. Ибанец все время в бою. Пролезть без очереди — победа. Кто-то пролез без очереди перед тобой — поражение. Успел сесть в метро — победа. Перехватили место другие — поражение. Похвалили коллегу — твоя неудача. Поругали коллегу — твоя победа. Ибанская жизнь — это отнюдь не кишение мелких страстей, это бурление крупных страстей, но по пустякам. Жизнь ибанца — миллионы пустяков, требующих больших душевных сил. И есть только два способа избавиться от этого. И оба они фиктивны. Первый — пробиваться вверх. Второй — самоограничение. И в том и в другом случае ты лишаешься естественных человеческих потенций и превращаешься в искусственное существо. Нормальная ибанская жизнь — жизнь в трясине ее мелких дел. Я устал от этого. Нет, мыслитель из меня не выйдет. Думать об ибанской жизни, оставаясь в ней, — слишком тяжелое и скучное занятие. И совершенно бесперспективное. Зачем это все? По ибанским канонам это не имеет никакой ценности.

Талант

Понятие таланта в Ибанске точно также отличается от такового в других обществах. Согласно ибанскому пониманию Наполеон, Ньютон, Паскаль, Пикассо, Достоевский и т. п. были бы вопиющими бездарностями в начале их деятельности, и ибанцы ни в коем случае не допустили бы их появления. Зато согласно ибанскому пониманию Заибан, Заместители, Помощники и прочие суть таланты (конечно, пока их не скинули более талантливые Заибаны, Заместители, Помощники и прочие). Талант в ибанском смысле

есть способность наиболее эффективно использовать общие Социальные законы применительно к своим особенностям и к особенностям избранной сферы деятельности в данных конкретных условиях. Пусть X есть величина абстрактной способности к деятельности данного рода (талант в старом, буржуазном смысле), — к математике, живописи и т. п. Пусть Y есть величина социальной адаптивности индивида. Пусть J есть величина таланта в ибанском смысле. Имеет силу правило: $J=x \cdot y \cdot J$, — где J есть коэффициент системности. Возьмем, например, двух индивидов А и В. Пусть для первого $X = 100$ и $Y = 0, 1$, а для второго $X= 0$ и $Y=2$. В старом буржуазном смысле второй есть полная бездарность сравнительно с первым. Но иначе обстоит дело с ибанским пониманием. Величина таланта первого из индивидов в ибанском смысле равна $10J$, а второго — $20J$. В ибанском смысле второй вдвое талантливее первого. Причем, это — не просто конвенция идеалистов насчет смысла слов. Указанное измерение осуществляется практически. В реальности второму индивиду отдается предпочтение. Причем, если учесть, что между X и Y имеет место обратнопропорциональная зависимость (чем больше X , тем меньше Y ; и наоборот), то ничего нет удивительного в том, что ибанское общество на всех парах идет к расцвету талантов и буквально кишит ими. Так что когда по радио и телевидению и через газеты начинают искать таланты, то это сущая правда. Не думайте, что при этом врут и лицемерят. При этом действительно ищут таланты, но в своем, ибанском понимании, которое превосходит (само собой разумеется) всякое иное понимание по глубине, высоте, широте и по всем прочим параметрам. Когда Союз Художников характеризовал Мазилу как бездарность, а Союз Писателей характеризовал Правдеца как среднеспособного, то они не ошибались.

То, что я бездарен в ибанском смысле, это очевидно. Но был ли я талантлив в старом смысле слова? Учителя в школе говорили: да. Профессора в университете говорили: да. Коллеги в один голос говорили: да. А результат? Неврастеник напечатал четыре книжки. А где мои? Даже Эстет, посредственность из посредственностей и паразит из паразитов, имеет мировую известность. А я? Кто узнал о моих способностях, кроме небольшого круга лиц, приложивших немало усилий к тому, чтобы этот круг не расширился? Впрочем, какое это имеет значение. Если уж делать открытие, так чтобы это было действительно нечто выдающееся. А из-за пустяков волноваться не стоит.

Неразрешимая проблема

Когда я был помоложе, говорит Физик, я тоже мечтал сделать выдающееся открытие и одним махом решить все проблемы: прославиться, обрести независимость и прочное положение, получить житейские блага и все такое прочее. Но потом я от этого отказался. Нет, не из-за того, что в наше время

индивидуальные открытия невозможны в силу сложности познания как такового. Это — сказки. Такие открытия вполне возможны и фактически совершаются. Если, конечно, не принимать во внимание социальную среду науки. Такие открытия невозможны фактически, но — именно в силу законов социальной среды науки. Они невозможны социально, а если и совершаются фактически, мир об этом не знает, ибо в мир они приходят не как открытия отдельного гения, а как открытия крупных объединений, возглавляемых крупными чиновниками. В этом суть дела. Хотите, я вам расскажу по сему поводу одну коротенькую историю? Это не выдумка. Участники этой истории все живы. Одних вы знаете хорошо. Других — нет, ибо их знать не положено ибанцам. С главным героем этой истории мы вместе учились в институте и даже слегка дружили. Мы его звали Гением, причем — без тени юмора. Он был в высшей степени одаренный парень. Мы одновременно окончили аспирантуру, одновременно опубликовали первые статейки. Конечно, в соавторстве с руководителями и заведующими лабораторией. Нас обоих оставили в Институте. Началась скучная бесконечная рутина, именуемая научной работой. Мне это осточертело. Мне повезло: женился на дочке... Вы знаете, Меня сразу назначили заведовать отделом, за какой-то пустяк дали докторскую степень, за какой-то другой пустяк — Премию. Осточертела такая жизнь и Гению. Но он решил избрать другой путь. Дочки крупных чинов на улице не валяются. Да и на вид он был таков, что не имел шансов жениться даже на дочери завхоза Института. Кстати, симпатичная была девчушка. И Гений решил сделать нечто из ряда вон выходящее. Вы, конечно, знаете, что проблема Чудака чуть ли не тысячу лет считалась неразрешимой, и что ее недавно удалось решить в Институте под руководством Погонщика. Они там все получили Премии, а сам Погонщик стал пятирежды Героем. Но решил эту проблему Гений. Решил в одиночку. Лет десять он убил на нее. Причем, десять лет ничего, кроме этой проблемы. Ни сна, ни отдыха. Ни семьи. Ни друзей. Только о ней. Только с ней. Над ним смеялись. По обрывкам бумаги, которые он иногда бросал в мусорную корзину, догадались, чем он занят. Его таскали в психиатрические больницы. Признали здоровым. Но на всякий случай начальство велело его поставить на учет. А Погонщик даже слегка поощрял Гения. Иногда отечески похлопывал по плечу. Как-то раз даже дал творческий отпуск. Короче говоря, однажды Гений пришел на работу чистенький, выбритый, просветленный. И все поняли, что либо он окончательно свихнулся, или... Потом начался какой-то странный период. Гений оказался в сумасшедшем доме. А Погонщик получил очередного Героя и вошел в историю науки. Сейчас он член десятка западных академий. Но недавно один человек, которого обошли и обидели, по пьянке рассказал мне кое-что. Оказывается, Гений решил-таки проблему Чудака. Трудно сказать, как об этом пронюхало начальство. Погонщик ринулся в самые верхи. Там — заседание специальное. Решили: нельзя это открытие доверять Гению. Кто

он такой? Беспартийный. Замечен в порочащих связях. Высказывания допускает. Короче, на роль автора этого открытия нужна другая, более подходящая кандидатура. И началась дикая свара В конце концов победил Погонщик: четырежды Герой, десятирежды Лауреат, член такого-то Совета, член такого-то Комитета и прочая, и прочая, и прочая. Кроме того, открытие сделано в его институте. И, честно говоря, Гений лишь реализовал мои идеи, настаивал Погонщик. И добился своего. Гения забрали, произвели обыск, собрали все его бумажки, создали комиссию под председательством Погонщика. Комиссия без труда нашла основную идею Гения в его бумажках. А вскоре нашли рукопись Гения с подробнейшим изложением решения проблемы. Гения основательно подлечили. Но выпускать не собирались. Вдруг кое-что вспомнит и начнет рыпаться?! Однажды Гений вдруг разразился смехом и хохотал подряд несколько часов. Врачи решили, что он свихнулся окончательно и выпустили его. На работу, конечно, не взяли. Дали копеечную пенсию. Недавно я встретил его. Разговорились. И у меня сложилось впечатление, что он вполне в своем уме. Я спросил о проблеме Чудака. Он махнул рукой. А ну их, сказал он устало. Они даже украсть как следует не умеют. Они не умеют даже с ума свести понастоящему. Халтурщики! Ты знаешь, почему я начал смеяться? Я нашел ошибку в своих доказательствах. А эти кретины за счет ошибки отхватили премии, втерлись в историю. Ошибка, удивился я. Так ты на этом деле можешь теперь еще более громкое имя сделать себе! Зачем, пожал он плечами. Проблемато все равно пустяковая. Пусть считается решенной. Никто, кроме меня, сейчас ошибку не найдет. Может быть лет через тысячу найдется такой же болван, как я, и угробит жизнь на эту чушь. И раскопает ошибку. Я совершил другую, более важную ошибку, которую уже не исправишь. Я думал, что в Ибанске можно за счет великого открытия стать Человеком. Ну, а ты как? Стал ты человеком, спросил он меня. Впрочем, можешь не отвечать. Это и так видно, сказал он и, не попрощавшись, ушел.

Мечта интеллигента

Гонят холод в прошлое
Вешние лучи.
Не кропают дошлые
Справки стукачи.
Бороденки длинные
Носит стар и мал.
Речи прогрессивные
Шпарит либерал.
Правду-обличение
Тискает печать.

Кто за пресечение —
Велено молчать.
Не сулит собрание
Чрезвычайных мер.
И таит старание Милиционер.
За границу шляются
Всякий, кто к кому.
Запросто встречаются
Даже на дому.
Переписку личную
Почта не бранит.
Тайну неприличную
Телефон хранит.
Не грозит уколами
Медицина зря.
И глядятся голыми Политлагеря.
Но — уймись фантазия.
В этакый момент!
Хватит безобразия!
Ин-и-ти-ли-хент!!

Порядочный человек

Ибанское общество внесло существенный вклад в общий социальный прогресс, породив особую категорию индивидов, невиданную ранее и не встречающуюся в обществах иного типа. Это — порядочный человек. Не то, чтобы раньше не было порядочных людей или нет их в других странах. Раньше их даже больше было, а в современных обществах иного типа их неизмеримо больше, чем в Ибанске. В Ибанске их может быть вообще нет. Но дело не в этом. Дело в особой социальной роли индивидов. Подобно тому, как в достаточно больших и устойчивых группах непременно несколько человек (обычно — один) выталкивается на роль добровольных шутов, так в социальных группах Ибанска один или несколько (чаще — один) индивидов выталкиваются на роль порядочного человека. Какие индивиды выталкиваются на эту роль? Разумеется, наиболее удобные и подходящие, умеющие извлечь из этой своей почетной роли ощутимую выгоду. Главное тут не в этом. Важно: какие зримые поступки регулярно совершают эти индивиды в этой своей роли и какова их скрытая социальная суть. Обычно сами порядочные люди и окружающие не осознают эту суть, что является одним из существенных проявлений самой этой сути. Порядочный человек совершает все те поступки, которые совершают прочие, но совершает их так, что на фоне этих прочих он выглядит воплощением доброты, чуткости, честности, смелости,

принципиальности и прочих абстрактных добродетелей. Например, в некоторой группе громят индивида А. Все требуют закатить ему строгий выговор. Порядочный человек говорит, что можно ограничиться просто выговором. Не имеет значения, что индивид А ни в чем не провинился или даже заслуживает похвалы с абстрактной (буржуазной, конечно) точки зрения. Например — индивид А сказал, что Правдец — великий писатель. Или собирается некий Совет, на котором будут критиковать индивида В. Если кто-то заступится за В, он отделается пустяками. Порядочный человек возмущается тем, что ругают В, и обещает его поддержать на Совете. Но... он вдруг, к великому сожалению, заболевает и не попадает на Совет. А жаль, если бы он смог, все было бы иначе. Обычно порядочный человек потихоньку обдeldывает свои делишки. И обдeldывает их даже лучше, чем черносотенцы и реакционеры. Еще бы! Он получает вполне заслуженно, в отличие от них. Какова же реальная роль порядочного человека? Самим фактом своего существования он как бы говорит людям: глядите, у нас в Ибанске можно быть добродетельным и при том не страдать, а даже вознаграждаться! Кроме того (а может быть это главное), порядочный человек своим участием в разных организациях и свершениях как бы облагораживает последние, маскирует их подлинную суть. Индивида А выгнали с работы? Очевидно, не зря, раз порядочный человек В высказался за это. Такой-то журнал мразь? Не может быть, в редколлегию его входит такой порядочный человек, как В. Короче говоря, порядочный человек — одна из самых гнусных фигур в ибанском обществе. Именно порядочные люди прикрывают в глазах широкой публики гнуснейшие проявления ибанской жизни. Они не просто соучастники преступлений. Они надевают на последние маску добродетели или, в крайнем случае, печальной необходимости. Кроме того, они опасны. Они наносят удар в самое ответственное время и совершенно неожиданно, ибо ты надеешься на них, и тебе даже в голову не приходит, что это — самое уязвимое звено в твоей позиции. Начальство прекрасно отдает себе отчет в том, какую роль играют на самом деле порядочные люди, и в известных пределах поощряют их, даже специально выдумывают, если таковые не появляются по естественным законам социальной жизни. Они избираются во всякие Бюро, награждаются премиями, ставятся в пример и т. п. Случаи, когда порядочный человек эволюционирует в оппозиционера, практически исключены. Как только начальство замечает, что порядочный человек нарушает границы дозволенного, его немедленно ставят на место или вообще лишают данной роли. Как правило, с ним жестоко расправляются, ибо он для начальства — свой человек, почти что член их начальственной мафии. Его карают как предателя интересов мафии. Порядочные люди наряду с осведомителями и холуями образуют элементы неформальной системы власти в социальных группах ибанского общества. Обычно порядочные люди так или иначе сотрудничают с ООН. Таким образом, надо различать два смысла выражения «порядочный человек»: 1) человек,

наделенный добродетелями; 2) человек, выполняющий указанную выше общественную роль. Можно быть первым и не быть вторым. Например, если ты не в коллективе, если коллектив аморфен и еще не обрел черты социального целого, если место порядочного человека занято и т. д. Но, как правило, второй не, есть первый. Если первый начинает играть роль второго, это сразу замечают и принимают меры.

А кто был я? Я себя считал порядочным человеком. Но, к счастью моему, я не попал на роль порядочного человека. А ведь мог. Если бы это место до меня не занял Эстет, непременно стал бы. Я же всего лишь человек. Да и роль эта весьма соблазнительна и выгодна. Вон — Эстет. Профессор. Доктор. Редактор всех сборников и монографий. Член всех Советов и Комитетов. Наверняка в этом году пройдет в Академию. А ведь все эти двадцать лет, какие я его знаю, пальцем о палец не ударил. Был, правда, у него один неприятный момент в его безоблачной жизни. Но он его стойко перенес. И по-прежнему процветает потихоньку. Эстет!... Любопытная фигура в нашей ибанской жизни. В нем есть что-то общее с Неврастеником. И я их иногда объединяю в одно лицо.

Исключение

В Ибанске, говорю я, невозможна большая художественная литература. Конечно, говорит Кандидат, невозможна. Попробуй, напиши! Все равно не напечатают. Дело не в этом» говорит Физик. Она невозможна не в силу запретов, а в силу отсутствия в самой ибанской жизни материала для нее. Великая литература предполагает высокий уровень духовности социально активной части населения. В Ибанске это — чиновничество, составляющее чуть ли не половину взрослого населения. А описывать образ жизни и психологию ибанского чиновника любого ранга все равно, что описывать образ жизни и психологию клопа. Может быть это интересно для зоопсихологии, но не для настоящего художника. Большая литература предполагает практически действующую нравственность в более или менее образованной части населения. Не демагогическую и пропагандистскую) а именно практически действующую. Например, всем известно, что безнравственно про себя думать одно, а говорить и писать публично другое. Для нравственного человека написать или сказать что-то против своей совести — драма. Это — материал для литературы. Для ибанца — это пустяк, привычное дело. И никаких переживаний. Здесь нет материала для литературы, ибо нет проблемы для самих индивидов. И так во всем. Но имеются же какие-то исключения, говорит Кандидат. Например, Неврастеник. Имеются, говорит Физик. Например — Неврастеник. Кстати сказать, он также близкий друг Дегенерата. Да, того самого ведущего специалиста по Теории Сверхнаучного Ибанизма. Они совместно книжку написали. По особому спецзаказу. Для умственно неполноценных дебилов.

Книжку сразу перевели на все иностранные языки и продавали за валюту иностранцам. Конечно, Неврастеник — самая тонкая и сложная в психологическом отношении фигура в Ибанске. Помимо тех книг и статей, которые он печатал в самых надежных издательствах Ибанска и которые Ничем не отличаются от прочего ибанского дерьма на эту тему, он тайно сочиняет какие-то подпольные штучки. Он не может их не сочинять, ибо он — гений (это ему с детства долбила его сановная Мамаша и весьма крупный чиновник Папаша). Но он панически боится того, что нала их сочинять. А вдруг возьмут за жопу! Прощай тогда легкая работа (не бей лежачего, как говорят ибанцы) и хорошая (по ибанским масштабам) зарплата. Конечно, за его научные труды ему положено побольше. Не такой же он кретин, как его друг Дегенерат. Тот уже академик, а он... Ему вроде бы не светит. Хочется свои сочинения тиснуть где-нибудь на Западе и прогреметь (то что прогремит, в этом сомнения нет). И страшно. А вдруг схватят до того, как прогремишь, и мир не встанет на Защиту новоявленного гения. И так далее в таком духе. Но это и все. Всей психологии здесь максимум на страничку. Для большой литературы маловато. В Ибанске возможна только одна книга на уровне большой литературы: книга о том, что в Ибанске невозможна такой литература.

Страшновато от таких мыслей. А если подумать, Физик прав. Взять хотя бы мою жизнь. Как ни копай, больше, чем на страничку не накопишь. Но на страничку-то наберешь! Так пусть эта страничка будет написана. Иначе нельзя будет накопить на вторую страничку. По-моему, Физик упустил из виду один важный момент. Духовность общества не есть нечто непосредственно производное от социальной основы. Она может накапливаться сама по себе и становиться необходимым элементом образа жизни. Просто накапливаться без основ и без причин. Как самостоятельная реальностью. Почему бы нет? Но высказать эту мысль Физик я не решился Он ее разгромил бы в две минуты, я это чувствую. Грустно.

Наши ночи

Ты помнишь ту идею реорганизации планового отдела, говорит Она. Директор за нее премию отхватил. А кто ее придумал? В нашей конторе, говорю я, только один человек способен здраво мыслить: это — ты. Представь себе, действительно я, говорит Она. А что я за это имею? Шишь с маслом! Он даже словом не обмолвился, подонок! Почему так бывает? И ты еще спрашиваешь, говорю я. Я три года работал над диссертацией, душу в нее вложил. Принес статью в Журнал. Конечно, провалили. Подходит потом ко мне один из членов редколлегии. Теперь это — крупная фигура. И предлагает сделать совместную статью на эту тему. Что делать? Согласился. Через пару месяцев без всякой редколлегии выходит статья. Смотрю — моя статья. Немного испорчена, но моя. И ничего сверх того. А подписана только одним именем. Но не моим, конечно. И только в конце в

примечании мелким шрифтом сказано, что автор использовал некоторые мои материалы. Вот как бывает! Друзья и сослуживцы поздравляли меня: успех! Им даже в голову не пришло посочувствовать и сказать: грабеж. Никому, хотя все знали, что статья вся моя. После этого меня десять лет не пускали в старшие сотрудники. Этот великий ученый (читай — великий прохвост) везде говорил, что рановато. И имени моего не мог слышать без гримасы. А за что? Вор-то он, а 'не я. А все очень просто, говорит Она. Потому что он знает, что ты знаешь о том, что он вор. И все-таки все это я не могу никак понять.

Попробую объяснить тебе попроще, говорю я. Что сам понял, конечно. Вот возьми нашу контору и ту, что на проспекте Победителей. Наша занимается липовым, фиктивным делом. А та пока еще делает серьезное дело. Говорят, что так. Но какая между нами разница? Никакой!! Отсюда напрашиваются совершенно очевидные выводы. Надо различать производственную организацию группы людей и социальную. Социальная организация группы в ибанских условиях совершенно не зависит от производственной. Она есть функция только от числа индивидов и, может быть, от какого-нибудь престижного или иного ранга. Видимость зависимости социальной структуры группы и вообще социальной жизни (скажем, социальности) от производственной создается за счет того, что не различают официально установленные (узаконенные) социальные отношения и неофициальные. Например, бывают официально установленные группы в сорок человек с одним начальником (как у нас, ты же знаешь). Но неофициально такие группы фактически распадаются на подгруппы. Обратная же зависимость имеет место, т. е. производственные отношения тяготеют к социальным. Погляди на нашу контору. С чего мы начали и чем кончили? В конце концов и твоя гениальная идея была последним шагом на пути превращения нашей конторы в классически социальное образование. Так что все эти идеи насчет базиса, надстройки, производственных отношений и производительных сил и т. п., которые ты долбишь в своем Вечернем Университете Ибанизма, есть бред сивой кобылы. В применении к ибанскому обществу по крайней мере. А зачем же нас этому учат, говорит Она. Это уже другой вопрос, говорю я. Я еще сам в этом не разобрался. Правдец считает, что теория ибанизма — вздорная идеология. А ты, говорит Она. То, что это — идеология это для меня ясно, говорю я. А вот насчет вздорности и вредности — сомневаюсь. По-моему, к идеологии такие понятия вообще неприменимы. Не бывает вздорных и вредных идеологий вообще. Ты читал Правдеца, говорит Она. Неужели это все правда? Не берусь судить, насколько все это верно фактически, говорю я. Но если был хотя бы один единственный человек, с которым расправились по методам Хозяина (т. е. в том стиле, как описано у Правдеца), появление книг Правдеца вполне оправдано с моральной точки зрения. Этот один имеет моральное право на такую месть. Это — моя точка зрения. А если их были миллионы?!...

Трагедия эмиграции

Хотя Правдеца, Двuruшника, Певца и многих других давно выгнали из Ибанска, разговоры о них до сих пор образуют ядро духовной жизни интеллигенции. И мы говорим о них почти каждый день. А что за них беспокоиться, говорит Кандидат. Живут себе припеваючи. Печатаются. Выступают. Имеют успех. И живут... Не то, что мы. И все равно, говорю я, их судьба трагична. Надо различать трагизм как субъективное переживание и трагизм как оценку объективной судьбы. Литератор, например, переживает свою жизнь как трагедию, ибо Правдец одним ударом низвел его с пьедестала великого писателя до уровня полного ничтожества. Но судьба Литератора не трагична. Правдец — веселый жизнерадостный человек в любой ситуации. Но судьба его трагична. Почему? Когда он был здесь, к нему относились на уровне религиозного обожания. Пусть немногие. Но Правдец знал это и чувствовал. Состояние религиозности было адекватно его жизни, его целям, его продукции. Там — колоссальный успех. Но успех иного типа. Скорее, социальнополитический. А это чуждо ему. Религия, оторванная от породившей ее основы,

в наше время перерождается в политику. Она умирает, обретя силу. И он должен это почувствовать. Сила религии не в успехе, а в неудаче и слабости. Вы можете вообразить себе Христа, выступающего по телевидению и дающего интервью десяткам журналистов? Трагедия типа трагедии Правдеца в той или иной степени свойственна и прочим. У него — лишь в громадной степени и в чистом виде, То, что многие из них так или иначе ударяются в религию, не случайно. Религиозное сознание не есть заблуждение, Это — страдательная форма личностного самосознания. А в наше время эта форма самосознания неизбежно вырождается во что-то, противоположное ей. Все это пустая болтовня, говорит Кандидат, Это только затемняет суть дела. Какую, спрашиваю я. Суть дела именно в том и состоит, что люди сделали попытку рассказать правду о нашей жизни в прошлом и сейчас с целью как-то улучшить будущее если не себе, так детям, а на них накинута как на врагов, частично уничтожив их, частично деморализовав и запугав, частично выбросив во вне. И не обнаружилось силы, способной защитить их. И нет такой силы ни вне Ибанска, ни в нем самом. Где же найти ее? Только в себе самом, в своей собственной душе. Религия и есть эта самая апелляция к своей душе. А слова «Бог», «вера» и т. п. — лишь языковое ее оформление. В этом нет ничего противоестественного. Это все поддается такому же строгому научному обоснованию и объяснению, как законы наследственности.

Стиль жизни

Доминирующий цвет Ибанска — серый. Точнее говоря — уныло-серый, грязно-серый, безнадежно серый. Здесь все серо — праздники, будни, речи,

книги, фильмы, успехи, поражения, преступления, радости, любовь, ненависть и т. д., короче говоря — все. И даже вранье (а врут здесь все от мала до велика и всегда и во всем), рассчитанное на то, чтобы представить ибанскую жизнь красочной, является ужасающе серым. Приглядитесь повнимательнее ко всему тому, что кажется ярким, и вы обнаружите серость как глубочайшую основу, содержание, суть, субстанцию и т. д. всего и вся. Тут уж ничего не поделаешь. Натура такова. Недавно в Ибанске произошло событие, которому ибанцы по идее должны были радоваться безумно и видеть мир во всех цветах радуги: на копейку снизили цену на тухлую картошку и на десять квадратных сантиметров увеличили максимум нормы жилищной площади на одного работающего члена семьи. Уж, кажется, радостнее события нельзя придумать. И что же? Провели по сему поводу грандиозную воспитательную кампанию с целью доказать всем преимущество ибанского образа жизни. Устроили многочасовые митинги и заседания. Приняли приветствия. Взяли обязательства. Встали на вахту. И, в довершение всего, отменили передачу хоккейных и футбольных матчей по всем каналам телевидения, поскольку в это время с большой речью об успехах выступил сам Заибан. Ибанцы, одуревшие от речей, митингов, собраний, воззваний и т. п. еще в утробе матери, немедленно впали в свое обычное унылосерое состояние, делающее каждого из них способным управлять государством; мир утратил все на мгновение вспыхнувшие краски. Да и на что они нам в Ибанске? Мы — люди серьезные. Сознательные. Устремленные. Это там, на Западе, — стриптиз, порнография, гангстеры и все такое прочее. А мы на вахте стоим и принимаем приветствия родным начальникам. Историческая жизнь Ибанска состоит из речей, заседаний, съездов, встреч, проводов, посещений, награждений, юбилеев, годовщин, планов, преодолений и т. п. Откройте любую ибанскую газету, и вы сразу это увидите без всякого усилия. А ибанские газеты на редкость точно и полно передают историческую жизнь ибанского общества. Включите любой канал телевидения или радио. Полистайте любой журнал. Зайбан принял Короля. Президент встретился с Заибаном. Хлебобобы Заибанья досрочно сожрали... прошу прощения, собрали кукурузу. На Великой стройке стоит хорошая погода. Завод имени Заибана наградили медалью. Заместителя наградили орденом. Наша сборная выиграла... В сети политпросвещения... Короче говоря, идет серьезная, насыщенная, трудовая жизнь в полном соответствии с предначертаниями. Иногда мелькнет что-нибудь этакое, необычное... Вроде: отщепенец и предатель Правдец напечатал очередную клеветническую книжонку. Пройдут массовые собрания, клеймящие и разоблачающие. И опять... Рыболовы Ибанючья перевыполнили план лова мокрожопуса (новый сорт рыбы, выведенный ибанскими учеными) вдвое. Зайбан выступил с большой речью на Сессии... Когда-нибудь потомки подсчитают, сколько миллиардов тонн речей об успехах было сказано в Ибанске в нашу эпоху и сколько триллиардов тонн наград было выдано за

успехи. Они будут Потрясены высочайшим жизненным уровнем жизни в наше время. И стоя гденибудь часами в очередях за тухлой картошкой, будут вздыхать и шептать (вслух нельзя, посадят): да, жили же люди! Что же касается неисторической, обывательской жизни ибанцев, то она... Что о ней говорить?! Не для этого же живут ибанцы! Они же для будущего живут, а не... В общем, обывательская жизнь ибанцев удручающе сера и бессобытийна. Повторение одних и тех же примитивных житейских операций и для некоторой части ибанцев — медленное продвижение по служебной лестнице, несколько модифицирующее повседневную рутину. И содержание сознания ибанского обывателя, вполне адекватное его бытию (здесь ибанизм есть абсолютная истина!), столь же уныло, серо, однообразно. Правда, иногда в душах отдельных ибанцев вспыхивают искры. И кажется им, что из них вот-вот возгорится пламя. Но проходят дни, месяцы, годы. Искры тухнут сами или их тщательно затаптывают друзья, соседи, коллеги, начальники, подчиненные... Все вместе. К чему нам в Ибанске какие-то искры?!... Живи себе спокойно. Служи. Жри. Спи. Благодарю. Жди улучшений. И не рыпайся. И все же искры иногда вспыхивают.

Жизнь порядочного человека

Как известно, нашей жизни путь тернист.
И прямой дороги жизни, в общем, нет.
Вырос наш герой совсем не карьерист,
А, представьте, утонченнейший эстет.
С детства он в себя культуру набирал.
На действительность критически глядел,
Вырос, в общем, настоящий либерал,
Преисполненный желанья новых дел.
Знали Там, конечно, вот растет стервец!
Но Попробуй, потяни его на суд!
Наверху такой ответственный отец!
Либеральная эпоха на носу!
Но раз вызвали его зайти Туда.
Час-другой потолковали от души.
Чуть нажали. Он ответил сразу: да.
Приказали: На, бумажку подпиши.
И заметили: Ты — парень с головой.
Образован. В разговорчиках ловкач.
Так что будешь ты у нас не рядовой,
А особый, исключительный стукач.
Чтоб в людишках осторожность не будить,
И проникнуть в тайники их темных душ,

Будешь ты у нас в порядочных ходить,
Бескорыстный ко всему ученый муж.
А когда придет ответственный момент,
И не справиться обычным стукачам,
Ты сработаешь как ценный наш агент,
И останешься, конечно, не при чем.
Без особых приключений и помех
Год за годом он спокойно жизнь прожил.
Ежемесячно строчил донос на тех,
С кем бывал, кого любил и с кем дружил.
Сокровеннейшие умыслы срывал,
К провокациям причастен крупным был.
Но сухим из грязных луж всегда всплывал.
И приличным человеком всюду слыл.
И никто не догадается вовек,
Что такой-то не достиг своих вершин,
Потому что жил приличный человек,
Добрый друг, эстет, хороший семьянин.
И никто не докопается вовек,
Что внезапно испарился кто-то вдруг,
Потому что был приличный человек,
Новых веяний ценитель, чуткий друг.
И пришли к нему без всякого труда
Званья, степени, медали, ордена.
Перестали вызывать его Туда.
И была проблема жизни решена.
Говорят, вранье, что будто он Там был.
Пусть вранье. Здесь важно кем и чем ты стал.
Жизнь свою он прожил так, как будто бы
Эту самую бумажку подписал.
Все равно он так прожил б, и если бы
Ничего тогда у них не подписал.

О доносах

Слово «донос» для многих людей на Западе звучит омерзительно. Да и мы сами знаем с детства, что ябедничать нехорошо. Но мы так же хорошо знаем с детства, что нехорошо обманывать (а врем на каждом шагу!), думать одно, а говорить Другое (мы по отдельности против, а все вместе за!), и т. п. То, что обозначается словом «донос», является настолько обычным делом ибанской жизни, что мы фактически не обращаем на это внимания и не придаем этому никакого глубокого морального смысла. Массовый донос уже не есть донос в старом смысле, а есть нечто другое.

Доносчиков мы знаем. Мы с ними разговариваем, пьем. И даже дружим (в ибанском смысле!) годами. Человек, отказывающийся доносить, делает первый шаг на пути своего превращения в отщепенца. И это бывает очень редко. Не доносят лишь тогда, когда об этом не просят. Один мой хороший знакомый однажды рассказывал мне, как его принуждали писать донос на своих коллег, с которыми он ездил за границу, но он, якобы, отказался. Это был приятный и умный человек. И я ему поверил. А совсем недавно узнал, что он просто осведомитель более высокого уровня, и предложение писать тот самый донос было ошибочно. Ему это не положено. Рядовой ибанец живет так, что никакой донос ему не страшен. А если и попадается иногда, то чисто случайно. Случайно не в том смысле, что случайно попадает на доносчика, а в том смысле, что случайно совершает нечто такое, что подлежит доносу (например, анекдоты по пьянке). Если же ибанец начинает совершать предосудительные поступки, он заранее принимает во внимание, что делает это как на сцене, — в открытую. И если это сходит ему с рук какое-то время, то лишь постольку, поскольку его час не настал. Общая обстановка позволяет. Связи, известность. Очень редко ибанцу удается сохранить в тайне свою деятельность. И никогда на длительный срок. И это объясняется не хорошей работой ООН (там работают так же, как в любой другой ибанской конторе), а общей ибанской средой, для которой нет ничего святого. Странное явление, конечно. Мне кажется — беспрецедентное. Я, например, подозреваю, что Она куда-то сообщает обо мне. Но меня это не волнует нисколько. Это что-то глубоко безнравственное именно с моей стороны. А что поделаешь? Мы все живем так, как будто мы однажды подписали ту самую бумажку. Работал у нас когда-то один парень. В науке — типичный шарлатан. Заодно он еще занимался какими-то делишками. Однажды меня вызвали Туда и велели написать, что я думаю о нем. И я написал, что в науке парень — слабак, но в политическом и идеологическом отношении вполне наш, ибанский человек. Я думал тогда, что делаю благо. А на самом деле подписывал ту бумажку. Это я только сейчас начинаю понимать. А в чем я могу обвинить прочих? Где критерии оценки поступков? Где среда, которая следит за этим и принимает меры? Разве способен покончить с собой ибанец, которого друзья разоблачили как осведомителя?! А что касается репрессий, то теперь даже младенцам известно следующее. Не доносы порождают репрессии и не репрессии порождают доносы, а те и другие суть следствия и проявления одних и тех же условий. Количество репрессий не зависит от количества доносов. Но интенсификация репрессий имеет следствием интенсификацию доносов. Множество репрессируемых не совпадает с множеством лиц, на которые поступают доносы. Так что донос может показаться вообще бессмысленным явлением в ибанской жизни. Однако это не так. Благодаря доносам ибанец живет с сознанием, что ничего от Них не скроешь. Ибанские власти всегда имеют под рукой материал, позволяющий им расправиться с любым индивидом на достаточном

основании (если не по праву). Далее, имеются редкие случаи, когда именно донос решает дело (например, именно доносчик выдал место, где группа Самосожженца печатала листовки). Поскольку для таких случаев нужна хорошо поставленная профессиональная работа криминалистов, которой в Ибанске нет и быть не может (ибо здесь все массовые органы плохо работают), то ее компенсирует всеобщая сеть доносов: авось, что-нибудь попадет. Наконец, есть еще более редкие случаи, вроде моего, когда донос предоставляет материал для ритуальных действий какой-то сатанинской специфически ибанской религии. В связи с делом Неврастеника было беснование такого рода, но оно прошло вяло и не дало желаемого эффекта. Я подлил масла в огонь, но со мной поспешили расправиться. И сделали глупо. Упустили возможность. Думаю, что Они это поняли и попытаются исправить. Беснования, о которых я говорю, могут охватывать любые группы лиц — от одного человека до всего населения Ибанска. Важна их качественная суть. Это еще мало изученное явление. Я знаю, что это такое. Но описать достаточно точно еще не могу. Это и исповедь, и причастие, и спектакль, и репетиция, и зрелище, и действие. Это — праздник ибанской души. Тут ибанская душа обнажается до самых темных своих глубин и выбрасывает из себя всю накопившуюся в ней мерзость. И вместе с тем, ибанская душа тут заряжается новой мерзостью, еще более мерзкой мерзостью. И оказывается способной сделать еще один шаг вперед. Но на пути нужен более или менее доброкачественный материал. Иначе беснования не возгораются так, как нужно, и не дают удовлетворения. И тут донос необходим. Без него тут нельзя. В Ибанске за последние десять-пятнадцать либеральных лет таких беснований было сравнительно мало. Народ стосковался по ним. Ибанская душа жаждет очищения.

Подпольная литература

Физик шутил, но не ведая того, попал в точку. Неврастеник действительно сочинял подпольные тексты. Писал он их тайно от всех, измененным почерком и под разными псевдонимами. Жену при этом отправлял на концерт с Журналистом или с кем-нибудь из отечественных друзей. Пусть себе еб. я, говорил он про себя ехидно. Лишь бы не мешали, мерзавцы. Брал пачку специально просмоленных несгораемых и непромокаемых листочков бумаги, шел в туалет и садился на унитаз. Это было наиболее безопасное место в Ибанске. Кроме того, туалет был отделан розовым кафелем, на стенах висели репродукции абстракционистов и цветные фотографии голых девиц, так что проводить время в туалете было весьма приятно. И самое главное, это избавляло от частой смены белья, ибо Неврастеник писал разоблачительные книги, в изобилии употребляя выражения «концентрационный лагерь», «репрессии», «духовная смерть», «тоталитаризм», «крепостное право» и, т. л. Слова страшные, и Неврастеник знал, что в Ибанске полагается за их употребление. И потому

после каждого написания их он заполнял унитаз ужасно вонючим веществом, нажимал спусковую кнопку и разражался гневной речью. Откуда столько дряни берется, говорил рн. Жрем, что попало (это была явная ложь, ибо накануне он сожрал цыпленка-табака, баночку икры, десять кусочков ростбифа, кучу всяких салатов и т. п. и выпил пару бутылок отличного вина), а воняем как министры. Нет, с меня хватит! Отсюда надо бежать, пока полон сил и таланта. Исписанные листочки Неврастеник заклеивал в пакетики и прятал в квартире старого приятеля. Ха-ха-ха, говорил он себе ехидно. Найдут — вот будет потеха! С меня взятки гладки. Я не я, и хата не моя, А ему всыпят. В такие дни Неврастеник переставал здороваться со знакомыми, презирая их за полное творческое бесплодие и неспособность к самостоятельному мышлению. Потом ему начинало казаться, что за ним давно установлена слежка, что приятель — агент ООН (все они такие, никому доверять нельзя!), и его вот-вот возьмут. Истекая холодным потом и заражая атмосферу Ибанска чесночным духом, он мчался к приятелю, лихорадочно вытаскивал свои листочки, растворял в какойто необычайно сильной смеси кислот. Уничтожив, он вздыхал с облегчением. Нас голыми не возьмешь, говорил он про себя с большим удовлетворением. Не на того напали! На-ка, выкусите! И он показывал в кармане мощный кукиш... страшно подумать... самим ООН. Через некоторое время, до потери сознания наслушавшись зарубежных передач о Правдеце и прочих отщепенцах, Неврастеник начинал все заново. И опять на несгораемоводонепроницаемых листочках появлялись слова «репрессии», «концлагеря», «тоталитаризм» и т. п.

И опять казалось ему, что устои ибанского общества начинают раскачиваться, а карательные органы бросают все силы на поиски виновника.

Хотя Неврастеник держал свою подпольную деятельность в строжайшем секрете, по крайней мере человек десять знало о ней во всех деталях, но не придавало ей никакого значения. Знали о ней и в ООН. Как-то раз я встретил Сотрудника. Он меня довез до дому и по дороге высказался о творчестве Неврастейика с таким презрением, что мне стало немного жаль его. И я даже призвал Сотрудника к терпимости. А его не зажмут, спросил я. Все зависит от обстоятельств, ответил он. Если произойдет что-то непредвиденное, и мы окажемся вынужденными сообщить на работу, то у вас там наверняка раздуют дело. И тогда нам придется принимать меры. А пока все это детские пустячки Передай ему только, чтобы он перестал путаться с Журналистом. Против него кое-что есть. Может быть выдворять придется. Но на меня не ссылайся, понял?!... Я все понял, но выполнять поручение Сотрудника отказался. Не знаю, правильно я сделал или нет. Просьба Сотрудника выглядела как поручение ООН. А я с ними сотрудничать не хотел ни при каких обстоятельствах. Не из каких-то там высших принципов, а просто так. Противно.

Проблемы

Послушайте, говорю я, а может быть зря мы рыпаемся. Ведь живут же люди. И вроде бы неплохо живут. А кто наши оппозиционеры? Почти все они — дети бывших крупных чинов или сами так или иначе были чинами или имели положение и известность. Так в чем же реальная суть их оппозиции? Не кажется ли вам, что тут — либо обида за несчастья (несправедливые с их точки зрения), постигшие их отцов, либо обида за неудачи в реализации своих намерений, либо желание таким путем выйти на арену истории и обрести известность и т. п. Впервые, говорит Физик, это не имеет значения. Неважно, почему они заговорили. Важно, о чем они заговорили и как общество отнеслось к этому. Во-вторых, оппозиция нам представляется в таком виде только потому, что выживают и становятся известными у нас только защищенные оппозиционеры. Например — защищенные именами своих отцов или своим собственным весом в культуре, в особенности — известностью на Западе. А прочие оппозиционеры либо остаются неизвестными, либо вообще не допускаются к трибуне и не реализуются. А сколько мальчиков и девочек бунтуют, не отдавая себе отчета в том, почему они бунтуют и чего хотят. Так что если бы было возможно восстановить точную картину явной, неявной и потенциальной оппозиции, то ты увидел бы, что лица названной тобою категории занимают в ней ничтожное место, являются самыми поверхностными и неустойчивыми. И самыми безобидными. Начальство это чувствует инстинктивно. И глубинную оппозицию оно уничтожает жесточайшим образом еще в зародыше. И уж во всяком случае вырывает с корнем. Все это так, говорит Кандидат. Но это тоже не имеет значения. Не важно, кто мог бы и кто пытался заговорить. Важно лишь то, что заговорили именно эти, а не другие. И это есть факт истории, а не потенции. Это есть факт сегодняшней и даже прошлой истории, а не будущей, говорит Физик. Только сегодняшние потенциалы суть факт завтрашней истории. И игнорировать их при оценке наших перспектив нельзя. Все это диалектика, говорю я. Не слишком ли много усилий, чтобы сдвинуться на величину, практически не поддающуюся измерению? Не слишком ли много размышлений, чтобы Сделать выводы, понятные даже самому глупому чиновнику? Ты прав, говорит Физик. Коэффициент полезного действия в этих делах у нас ничтожно низок. Ниже, чем у паровоза. Но ведь и паровоз когда-то служил делу. К тому же, говорит Кандидат, в обществе малые величины дают грандиозные последствия. Помножь их на миллионы людей, на миллиарды поступков, на десятки поколений. Хорошенькое утешение, говорю я. А как быть с индивидом? Для индивида-то эти величины надо не умножать, а делить. Вот тебе пример. В результате титанических усилий добились того, что производство картошки увеличится на столько-то миллионов тонн.

Грандиозно! А как это скажется на твоей судьбе? На одну гнилую картофелину в год больше? Ты ошибаешься, говорит Кандидат. Если хорошо подсчитать, то в результате такого картофельного прогресса ты не выиграешь, а лишишься гораздо большего за счет повышения цен на мясо. Но дело не в этом. Мы же говорим о социальном прогрессе. Ты имеешь в виду возможность ездить за границу и без последствий трепаться на собраниях, говорю я. Так что ли? Да хватит вам, говорит Физик. Давайте лучше по последней и соснем часок-другой. А то скоро труженики бумажки заполнят наши солидные конторы, и нам придется опять окунуться в нашу социальную действительность, с таким трудом поддающуюся социальному прогрессу.

Случай

Роль случая в истории изучена досконально. И нет надобности излагать общие соображения по этому поводу. Но вопрос о роли случая в ибанской истории не изучен совершенно. А она здесь совсем иная сравнительно с прочими обществами: здесь случай не играет абсолютно никакой роли, ибо здесь все есть дело случая. Представим себе такую ситуацию. В свое время (при Хряке) выяснили и всенародно объявили, что Хозяин был редкостным мерзавцем. Подошел юбилей Хозяина, и возникла идея пересмотреть прежнее решение как ошибочное и изобразить Хозяина опять в наилучшем виде. Собрались наивысшие правители страны. Проголосовали, и большинством лишь в один голос решили сохранить статус-кво. Причем, этот лишний голос оказался сугубо случайным: этот Заместитель, проголосовавший за статус-кво, задремал и по ошибке проголосовал наоборот (он был великим поклонником Хозяина). Случайность данного решения несомненна. Но сыграла ли она роль? Нет. Все равно в Ибанске уже совершались процессы фактической реабилитации Хозяина, абсолютно независимые от решений высших инстанций. Причем, если взять каждый факт, свидетельствующий об этом, по отдельности, то можно убедиться, что он есть чистая случайность. Так, в ИОАНе подох либеральный Погонщик и вместо него назначили Погонялу — явного поклонника Хозяина. Причем, при назначении никто не принимал во внимание этого обстоятельства. Наоборот, Погонялу очень любили иностранцы. А так как международные связи стали расширяться и наметили совместные исследования ибанцев и никаракурабурадурауанцев, то Погоняла оказался наиболее удобной фигурой. В Ибанске в конце концов все делается не случайно и не неслучайно, а просто так, само собой. Как-то эдак, что даже и сказать ничего вразумительного нельзя. Просто стрясается что-нибудь, и ибанцам остается только руками разводиться: ну и ну! дела!! И ничего удивительного в этом нет, ибо ибанская история неопишима в обычных нормальных человеческих понятиях. Для описания ее более подходят такие выражения: тьфу!.. твою мать!... мать!.....!!! Если в прочих обществах

случай есть то, что невозможно предвидеть, то в Ибанске наоборот: случай здесь всегда в принципе можно предвидеть. Но ибанцы этого не делают. Им просто в голову не приходит предвидеть случаи, которые с ними произойдут, и принять меры. К тому же это бесполезно, ибо ибанцы все равно бессильны что-либо предпринять. Произойдет случай или нет, значения не имеет. Не тот, так другой. Не здесь, так там. Не сегодня, Так завтра. Не все ли равно.

Живем мы весело сегодня

Сегодня получка. В кассу, естественно, очередь. Но эту очередь я люблю. В ней много молодежи. Бывают приятные девочки. Анекдоты. Занимательные разговоры. И полная демократия. Здесь даже я могу на равных флиртовать и с маленькой экспедиторшей, у которой зарплата меньше моей, и с деревенеющей от сознания собственной значительности кандидатшей наук, которая получает в четыре раза больше меня, имеет двухкомнатную кооперативную квартиру и записана в очередь на автомашину новейшей марки «Ибанули». Подошла Она и предложила получить с другой стороны, без очереди. Я отказался. В очереди стали острить на мой счет. Защищаясь, я подкинул пару анекдотов на эту тему. В общем, было весело. Но по ибанским законам все хорошее должно быть так или иначе испохаблено. На сей раз инициативу в этом гнусном деле взяла на себя старая гримза — бессменный член Бюро. Ну и молодежь пошла, проскрипела она. Лишь бы похихикать. А все ноют, что плохо живем, поддержала ее средних лет ведьма — председатель Жилищной Комиссии. Даже американцы отмечают, что ибанцы — жизнерадостный народ, чего нельзя сказать о их собственных согражданах, включился в эту беседу молодой холуй — Молодежный Вожак конторы. Веселье разное бывает, сказал мой сменщик. Бывает веселье — нормальное состояние души. Это — праздник души. А настоящие праздники не часто бывают. И бывает веселье, которым люди от горя и уныния обороняются. Такого может быть сколько угодно. Оно может даже стать привычной формой поведения. Оно ничего не стоит. Вот сейчас мы смеемся. А чему? Денег много получим? Очередь ответила на вопрос Сменщика взрывом хохота. Ты, папаша, не туда гнешь, сказал Холуй. Безобразие, зашипела Грымза. Распустились, заскрежетала Ведьма. Настроение в очереди было испорчено. Люди разбились на мелкие группки и зашептались каждая о своем. Мы со Сменщиком получили свои гроши, заплатили профсоюзные взносы, взносы в Общество Содействия, в Общество Охраны, еще в какое-то Общество, Отдали на подарки детям к ближайшему празднику, на похороны тещи завхоза и еще на что-то. Потом Сменщик предложил выпить, и мы отправились в забегаловку. По дороге он рассказал, как они в начале войны попали в мешок. Жрать нечего. Боеприпасов нет. Кругом болото. И прислали к ним лектора из армии. Лектор им два часа зубы заговаривал...

прелестями высшей ступени изма. Мы хохотали до упаду, сказал он. А эти идиоты иностранцы все за чистую монету принимают. Говорят, например, что ибанцы хорошо одеваются. Не хорошо, а дорого. А это — иное дело. И дорого не потому, что слишком хорошо живут, а потому, что на более существенные траты денег не хватает, а девать имеющееся больше некуда. Кроме того, на виду болтается обычно такая публика, которая может себе позволить хорошо выглядеть. Паразиты всякие. Я сказал, что не понимаю таких людей, как Ведьма, Грымза, Холуй. Они такие же несчастные, как и прочие. Ради чего они стараются? Наш строй жизни, сказал Сменщик, делает людей несчастными, делает их при этом отвратительными. Мы несчастные, которых к тому же не любят. Так что мы заслуживаем двойного сочувствия. А потому не имеем даже одного.

О научном и реальном ибанизме

Случайно встретил Неврастеника. Прекрасно одет. Весел. И попахивает коньяком. Цветешь, говорю я. А я думал, тебя в порошок сотрут. Не на того напали, говорит он. Не те времена. Да и не за что. Действительно, говорю я, не за что. Где ты сейчас? В Академии Засирания Мозгов, говорит он. Я только свистнул от удивления: после такого скандала — и в научный ибанизм! Я что-то съехидничал насчет научного ибанизма Неврастеник сказал, что я всегда был лаптем в теории. И мы разошлись каждый по своим делам.

По отношению к научному ибанизму и его воплощению в ибанскую реальность я прошел все стадии, какие проходят обычно ибанские гнилые интеллигенты: признавал научный и думал, что реальность еще далека от его идеалов; признавал научный, но думал, что реальность есть нехорошее отклонение от него; отвергал научный, но считал, что реальность и есть настоящий ибанизм; и т. п. и т. п. И в конце концов пришел к выводу, что все правы. И правы вот почему Реальный и научный (слово «научный» здесь, конечно, не имеет смысла науки) ибанизм по существу адекватны. Но между ними есть небольшая разница. Эта разница аналогична разнице между добрым, благородным, великодушным, умным, слегка грустным крокодилом из детских книжек и мультфильмов и живым крокодилом. Последний тоже крокодил. Но это — тупая тварь, способная сожрать тебя с потрохами, даже не отдавая себе отчета в том, что она делает. У нее нет такого органа, которым можно было бы отдавать себе отчет в своих действиях и тем более удерживать себя от них. Раздумывая на эту тему, я пришел к совершенно неожиданному для меня выводу.

Среди апологетов ибанизма господствует такая точка зрения: наука о полном ибанизме давно существует, а вот самого этого полного ибанизма пока нет. Очень удобная точка зрения. Всегда можно сказать, что кошмары нашей реальной жизни преходящи, что вот наступит полный ибанизм, и все будет прекрасно. А когда он наступит? Сначала называли точные даты. Но

время проходило, а никаких признаков рая земного не было. И тогда от точных сроков отказались. Стали просто каждую свою акцию (план, съезд, пленум, отчет, пуск, запуск и т. п.) рассматривать как очередной шаг на пути к полному ибанизму. Оппозиционеры тоже в большинстве случаев стоят на этой позиции, хотя и с отрицательным знаком. Мол, где он ваш обещанный полный изм?! Но на, мой теперешний взгляд все это — чушь. Дело обстоит как раз наоборот. Полный ибанизм существует давно. И самый полный он был при Хозяине, Не исключено, что еще полнее будет. Но вот науки об этом полном ибанизме пока нет никакой. Официальный «научный ибанизм» — чистая идеология Наука об ибанизме должна иметь принципиально иной вид. Она должна исходить из самых сильных допущений, а именно — что все основные идеалы ибанизма, реализованы на самом деле. Я думаю, что у нас давно реализован принцип; от каждого по способности, каждому по потребности. Отмерла политика. Отмерла мораль. Отмерло право. Даже деньги. Разве это деньги? Что это за деньги, если чиновник из высших органов, например, получает меньше, чем получал я, а реально потребляет раз в десять больше (квартира, дача, санатории, закрытые распределители и т. п.) Надо скорее кончать квартиру и серьезно заняться этой проблемой. Я хочу в этом разобраться досконально. Жаль, не с кем поговорить.

Эпизод из жизни интеллигента

Дорогу новому! Ура! Зажимщикам — позор! Долбили нам они вчера и долбят до сих пор.

* * *

У редактора на морде — огорчение. Обсудить, мол, надо нам сочинение Одного, так сказать, чуть не гения Молодого, так сказать, поколения. Изучил он, ходит слух, все учение, Обнаружив в ем, представьте, упущение. И теперя предлагает уточнения Для дальнейшего, стал быть, улучшения.

* * *

Первым слово запросил Мой руководитель. Со слезой заголосил: Только поглядите! Это разве поиски Истины упорные? Это ж просто происки Запада тлетворные. Всем известный либерал, Бывший раз в изгнании, Все на свете переврал, Уличил в незнании. Был сердечно поражен Третий непочтением. Пленум, мол, не отражен. Пренебрег значением. Проходимец молодой, Бывший за границею, Тряс ехидно бородой, Сыпал эрудицию. Тема, кто-то ныл, важна. И работ не мало. Осторожность, мол, нужна. Как бы не попало. Кто-то требовал явить Должное внимание, То есть крепко

осудить Вредное шатание.

* * *

И сказал редактор в заключение: Не пойдет такое сочинение. Хоть на нем лежат печати гения, Я еще не жажду увольнения.

* * *

А тот самый либерал После заседания
Меня тайно обнимал И шептал признания. Мол, отличная статья, С
выводами свежими. Только зря связался я С этими невежами.

* * *

Дорогу новому? Мура! На это не похоже.
Так было, помнится, вчера. И завтра будет то же.

Об искусстве

Я заметил еще одно поразительное явление в ибанском искусстве, претендующем на изображение ибанского образа жизни. Если это искусство выглядит нормально и профессионально с точки зрения изобразительных форм искусства, оно лживо от начала до конца. Если же оно правдиво, оно кажется паталогическим, непрофессиональным, неумелым, примитивным, нарочитокарикатурным. В лучшем случае оно имеет вид среднеспособного капустника. И это касается лучших образцов как того, так и другого. Даже Правдец, Певец, Мазила и прочие крупные фигуры правдивого искусства кажутся непрофессиональной самодельностью. Профессиональная среда их так и воспринимает. И относит их скорее к сфере политики, чем искусства. Причем, вполне искренне. Находят и объяснения этому факту: мол, условия жизни и работы не дают им возможности стать профессиональными, политическая ориентация мешает развиваться способностям, а способностей на настоящее (т. е. официально признанное) искусство у них, мол, маловато. Так ли это? Думаю, что нет. Дело тут главным образом (я не отрицаю влияние прочих факторов) в самом ибанском образе жизни, в характере его явлений. Попробуй, например, опиши в рамках привычной возвышенной поэзии собрание, контору, очередь, стукачей и т. п. Получится скучно и лживо. А точное их описание должно быть лаконичным, гротескным и, по видимости, карикатурным. Но это не карикатура на что-то хорошее. Это — хороший портрет карикатурного в самой действительности. Ибанск есть общество плохо работающих людей, делающих плохие вещи. И в социальной жизни так же: это — общество нормальнокарикатурных

персонажей и их действий. Они сами по себе смешны, уродливы, скучны, страшны и т. п. Книгу Правдеца с этой точки зрения нельзя рассматривать просто как описание репрессий в Ибанске во времена Хозяина. И нельзя ее оценивать на правдивость как исторический документ. Она может быть ложной в качестве такового. Но она правдива как художественное произведение, описывающее обычную ибанскую жизнь. Замените только в ней имена реальных лиц ибанской истории на вымышленные. Эта Книга есть явление в ибанской литературе, а не в политике и науке. Другое дело, социально правдивое ибанское искусство и наука немедленно оказываются в сфере политики и идеологии, с первого же своего шага вступают в оппозицию с ибанским образом жизни и властями. Это — тоже объективный факт ибанского общества.

Директорская лирика

Не шептались задумчиво кроны. Соловей за окном не трещал. Мрачно каркали злые вороны.

Дождь в стекло кабинета стучал. Не искал он нетленную душу. Нет в материи сказки такой. Жал научно-первичную тушу. Молча шарил под юбкой рукой. И мечтами не мучился тяжко. Не положено. Он же не хлюст. Он хватался за толстую ляжку, Мял по чину отпущенный бюст. И в момент сово... то есть свидания Речь слюною из пасти текла: Попрошу Вас успеть к заседанию Набело отпечатать доклад. Не шептались задумчиво кроны. Соловей за окном не трещал. Мрачно каркали злые вороны. Дождь в стекло кабинета стучал.

Стиль жизни

Плюнь на них, говорит Кандидат. Не обращай внимания. Живи по-своему. Легко сказать, говорит Физик. А где живи? С кем живи? Они навязывают свой стиль жизни всему обществу, во всем, всегда. Никуда от них не денешься. Они лезут в твою душу, в твою любовь, в свою семью, в твоё творчество. От них нет спасения. Почему же нет, говорю я. Есть: стать ими.

Сменщик

В забегаловке было битком народу. Накурено. Наплевано. Толпа в очередь. Толпа без очереди. Мат. Но через несколько минут я ко всему этому привык. Через полчаса я уже не замечал никакого убожества. А когда наконец-то приткнулись к заваленному окурками и огрызками столику, я почувствовал себя приобщенным к чему-то родному. Потом Сменщик рассказывал мне о своем детстве, о юности, о войне. И мне становилось стыдно за свою жизнь.

Если бы нам тридцать лет назад кто-нибудь сказал, что в Ибанске будет

такая жизнь, как сейчас, мы бы ни за что не поверили, сказал Сменщик. А что же вы не ликуете, спросил я. Сменщик пожал плечами. Лет через двадцать-тридцать в Ибанске будет такая жизнь, что если бы было можно ее показать сейчас Вам, то Вы тоже не поверили бы, сказал он. А Вы ведь тоже не будете вопить от восторга, если доживете. Так в чем же дело, спросил я. Жизнь меняется, сказал он, по какому-то странному закону. Она делает бессмысленными пережитые нами страдания и реализует не наши мечты. Наши мечты реализуются не нами. Наши страдания не окупаются и не приносят плодов. А текущая наша жизнь никакого отношения не имеет ни к тому, ни к другому. Как бы это Вам пояснить? Вот, к примеру, я с женой сейчас имею отдельную комнату. Раньше людей, которые имели на двоих отдельную комнату, считали неслыханными богатеями. Мы жили в такой комнате восьмером. Мечтали? Да, мечтали брату с женой и ребенком отрезать от коридора шесть квадратных метров. Брат сейчас квартиру отдельную имеет. Через тридцать лет получил. Уже другим человеком, в другой жизни. И мечтал он уже совсем о другом: как бы разъехаться с соседями, конфликт с которыми из-за житейских пустяков перерос в непримиримый антагонизм. А мы, между прочим, даже в масштабах государства теоретически исключаем антагонизм. Плохо мы тогда жили? Плохо. Но не хуже, чем теперь. И не лучше. Жизнь как-то сместилась относительно нас, и все. Вот у Вас сейчас нет автомобиля. У большинства его нет. Я могу допустить, что через десять лет всякий сможет его иметь, как теперь большинство семей имеет холодильник и телевизор (мы в свое время даже не подозревали о такой возможности). Что от этого изменится? Жить-то мы живем, да не наша это жизнь. И работаем мы из чьей-то милости.. И блага житейские имеем из чьей-то милости. Мы не хозяева этой жизни. Не наша это жизнь. Свобода слова, печать, гласность, за границу выпускать!... Смешно все это. Надо не за улучшение жизни сначала бороться, а за участие в ней. А что это такое, не знаю. Чувствую, что собака тут зарыта, а как подступиться к этому, не знаю. Я спросил Сменщика, как он додумался до этого. Он назвал мне свою фамилию, одно время хорошо известную в Ибанске. Неужели тот самый, спросил я. Тот самый, оказал он. Вот это — случай, сказал я. И рассказал ему свою историю. Это совсем не случай, сказал ой. Для таких, как мы, Они специальные места отводят. Удобнее следить. Тут все для этого подготовлено заранее. В случае чего легко сострять новое дело, Мы сейчас сидим вдвоем, а уж кто-то донос об этом настрочил. Группа! Вы думаете, случайно на эту контору натолкнулись? Вас заранее сюда определили. И постепенно клонили в этом направлении. Для таких, как мы, у Них случайностей не бывает. Мы недооцениваем Их. На что, на что, а на мерзости у Них ума и терпения хватает. Будьте осторожны. Обидно будет, если из-за пустяков погорите. Надо беречь себя для серьезного дела. Для какого, спросил я. Не знаю, сказал он. Какое подвернется. Оно само придет. Ждите и готовьтесь к нему. Я спросил его, был ли он готов к своему делу.

Он сказал, что его дело застало его врасплох. Но должны же мы начать извлекать какой-то опыт из своей жизни! На прощание он пригласил меня заходить к нему домой. А группа, сказал я. Теперь они все равно сделают из нас группу, сказал он. Так задумано было. Раз они Вас пристегнули ко мне, значит вопрос решен.

Я шел домой пешком и думал о своем деле. Увы, никакого дела у меня нет. И не предвидится. И целей у меня никаких нет. И идеалов нет. Я случайно попал в оппозицию. Не то, чтобы я был официально свой. Я для Них чужой. Но и в оппозиции я не свой. Неужели мне судьба уготовила роль в чужих спектаклях? Не попал в порядочные, вытолкнули в отщепенцы. Теперь пристегивают к Сменщику. Пешка. Черная или белая, какая разница. Все равно, пешка. Но если уж меня на эту роль толкают, так почему бы мне не использовать это и не выйти в фигуры?! А на каком материале? Время не то. Да и Сменщик сам теперь уже не фигура. Значит будет новая липа? Чуть побольше липы Неврастеника, но липа. Зачем это им нужно? Кому? Где-то там зреет ничтожный замысел, готовится пустячная акция. А к нам вниз она спускается как зловещая трагедия. Нет, с этим надо кончать. Я не боюсь Их. Но я не хочу Им подыгрывать. Не хочу быть пешкой в Их пошлой игре. Надо от Них как-то ускользнуть. Завтра же подам заявление об увольнении и спрячусь от Них подальше. Пережду. А там видно будет.

И тут я понял, что уже поздно.

О пустяках

Особенность разговоров в ибанской интеллигентной среде — серьезность пустяков и пустячность серьезности. Это — в характере ибанцев. Ибанец переживает обычную изжогу как мировую трагедию, а последнюю — как нелепый анекдот. Я помню, когда Неврастеник рассказывал нам (по книге Правдеца) о масштабах репрессий при Хозяине, мы... до упаду хохотали. Тогда весь день собравшиеся рассказывали веселые истории о расстрелах и лагерях. А когда хозяйка сказала, что в Ибанске исчез лук, мы все впали в мрачное состояние и вскоре разошлись по домам.

Когда мы работаем, мы, естественно, разговариваем. Ибанец немислим без разговоров. Разговариваем в типично ибанском стиле. Например — так. Если очистить, конечно, нашу беседу от нецензурных выражений, составляющих не менее девяноста процентов текста. К сожалению, от такой очистки страдает изложение, ибо именно нецензурная часть несет в себе основную смысловую нагрузку.

Обратите внимание, говорит Кандидат, какая шевелюра у нашего Чина. А Физик уже лыс. Чин пьет и баб меняет каждую неделю. А Физик — аскет. В чем дело?

Кудри вьются, кудри вьются,
Кудри вьются у блядей.
Почему они секутся
У порядочных людей?!

Просто в начальство отбираются нелысеющие индивиды, говорит Физик. Лысина теперь для них подозрительна. А вдруг?! А вдруг переворот задумает?! А то еще хуже — новое разоблачение?! Наш ибанский начальник теперь должен быть румян и волосат.

У любого прохиндея
В голове волосьев тьма.
Почему они редеют
От забот и от ума?!

А у нас, говорю я, одного претендента на пост директора забраковали именно за чрезмерную волосатость, хотя кретин был редкостный. Сказали, что нескромно ходить с такими волосами.

Щечки гладкие алеют
На портретах у вождей.
Почему они сереют
У трудящихся людей?!

На портретах их идеализируют, говорит Кандидат. На самом деле у них рожи — дай бог всякому! Идеализируют, говорит Физик, но в другом направлении. Взгляни на нашего Чина. Какой идеализированный портрет способен передать его розовое благополучие?! Если дослужится до портрета, то его сделают красавчиком и умником, но здоровья и волосатости ему прибавлять не нужно. Не зря же они живут до ста лет и до последней секунды цепляются за трибуну.

В газетах пишут, говорит Кандидат, что на Западе цены растут, Но не пишут, что зарплата выросла, говорит Физик. И, конечно, ни слова о том, что у нас цены растут с удивительным постоянством. Зато, говорю я, у них там за квартиру платят половину зарплаты, а мы — лишь три процента. Не будь идиотом, говорит Кандидат. Представь себе, я получаю тысячу денежных единиц и пятьсот из них отдаю за квартиру, а ты получаешь сотню и три из них отдаешь за квартиру. Сколько остается у тебя и у меня? В одних относительных величинах мы живем лучше всех. А в других? Мы избираем такой взгляд, на жизнь и такие способы измерения, какие выгодны нашей демагогии и пропаганде. Но есть и другие позиции, и другие методы измерения. Какие из них более существенны? Человек есть мера всех вещей, говорю я. В конце концов прошлая история человечества и текущая жизнь в мире так или иначе проникают в душу какого-то числа

людей и через них распространяются в сознании и настроении наиболее интеллектуальной части общества, а потом — и во всем обществе. То, как эта интеллектуальная часть общества оценивает свое состояние и положение прочей части общества, образует объективную и абсолютную базу всех оценок фактов нашей жизни. Твои слова — бред, говорит Физик. Но я не берусь их опровергать или предложить нечто получше. Во всяком случае, с этой точки зрения можно объяснить причину ненависти наших властей и широких народных масс к интеллектуалам.

А Крючкотвора все-таки посадили, говорит Кандидат. После этого мы несколько минут работаем молча, каждый думая о своем. Какое нам дело до какого-то Крючкотвора? И все-таки он незримыми нитями связан с нами. И арест его есть факт нашей жизни. Более того, непреходящий фон всей теперешней нашей жизни. Посадили, говорит Физик, значит есть хоть какая-то жизнь. Вот когда даже сажать некого будет, тогда... Я не думаю, что мы докатимся до такого кошмара, когда даже сажать перестанут, говорит Кандидат. Запад пока еще есть. Он не допустит. Разве что Запад, говорит Физик. Дай бог ему выбраться из кризиса. На Западе тоже сажают, говорю я. И не меньше, чем у нас. Так смотря за что сажают, говорит Физик. На сколько сажают. Как люди отбывают срок. Какова судьба их после этого. Сажают-то по-разному. Но я не сдаюсь из духа противоречия и начинаю яростно защищать Ибанск. Самое время закругляться, говорит Кандидат, пока Сторож не успел зачитать нам последний доклад Теоретика. Заткнись, говорю я. Я истину ищу. А Теоретик ее уже нашел, говорит Физик. Обрати внимание, говорит Кандидат, какая у него шевелюра! Он нашему Чину сто очков вперед даст. Не знаю, как насчет начальства, но что касается отщепенцев, то тут явно работает случай. Наш отщепенец — просто неудавшийся начальник. Самый большой пост, какой я занимал в жизни, говорю я, — был санитаром в первом классе. А кое-кто из присутствующих, между прочим, одно время даже был директором института.

В этот момент отвалился большой кусок штукатурки с потолка вместе с гигантской и дорогостоящей люстрой. Я же говорил, что наша система не рассчитана на антикваритет, сказал Кандидат. Как вы думаете, во что обойдется нашему ублюдку эта затея? Думаю, ни во что, сказал Физик. Наверняка эту дрянь подарили ему подчиненные подхалимы. Они и отремонтируют за свой счет. Проблема — как это переживет Чинша? Бедняга, сказал Кандидат. Все-таки тебе, Сторож, придется с ней переспать в порядке компенсации. А я тут при чем, возмутился я. Конечно, не при чем, сказал Физик. А разве у нас расплачиваются виновные? Компенсация не есть наказание за вину. Это — именно компенсация за ущерб. Давай, снимай трубку и звони ей о случившемся!

Опять о научном ибанизме

Надо различать науку об ибанизме и «научный ибанизм» как особую форму идеологии. Я вовсе не отвергаю роли последнего. И не считаю, что тут что-то хуже, а что-то лучше. Это — разные вещи, играющие разные роли в общественной жизни. Идеологию ибанизма обычно сравнивают с религией и находят в ней некий вариант религии. Сходство есть, бесспорно. Это — претензии на роль духовного пастыря, свои иконы, святые и т. п. Но и не более того. Отличие же глубже. Это — религиеподобная идеология (и притом — наукоподобая). Но по сути она антирелигиозна. Наука не антирелигиозна. Она не религиозна. Но это — другое дело. Ибанизм антирелигиозен. Религия проникает в души людей и проявляется в форме поведения людей, а не в их демагогии. Она есть регулятор поведения. Ибанизм является чисто внешним средством в поведении людей, а не самим поведением. Он не входит в души. Если допустить на минуту, что власти не стали бы настаивать на его признании и официальном подтверждении этого признания, люди скоро в массе своей забыли бы о нем. В нем нет внутренней потребности. Внутренняя потребность есть лишь в какой-то форме религии. И это не есть недостаток ибанизма. Наоборот, именно в качестве такового он есть адекватная для ибанского образа жизни идеология. В Ибанске все мелко, поверхностно, временно и т. п. Такова и идеология его. В силу Указанного свойства ибанизм нуждается в постоянно действующей системе навязывания и контроля. Религия тоже имеет свой аппарат — церковь. Но это — аппарат иного рода. Потребность в религии рождает церковь. Здесь же аппарат навязывает людям антирелигиозную идеологию ибанизма как одно из средств в их социальном поведении, — как средство существования многих лиц, как средство в борьбе за лучшие места в обществе, как средство опознавания своих и т. п.

Почему эта тема меня вдруг зацепила за живое? Она мне не дает покоя. Я чувствую полную беспомощность обрести хотя бы первичную ясность. Физик говорит, что в этой области работали тысячи специалистов. Тут были даже гении. И без специального изучения сделанного нельзя продвинуться вперед ни на шаг. Так ли это на самом деле? Кандидат считает, что все написанное на эту тему — чушь собачья. Надо все начинать заново, с какой-то новой стороны. Эрудиты никогда не делают открытий. Я сказал, что ищу не открытие, а ясность. Кандидат сказал, что это одно и то же. Физик сказал, что в этом деле ясность противопоказана. Ясность есть самоограничение, а последнее есть условность, навязанная извне или принятая добровольно. Как ни крути, а кончишь все равно на уровне популярного учебника ибанизма, ибо в нем истина в последней инстанции. В Ибанске действует такой закон; чем глубже нырнешь, тем ближе к поверхности вынырнешь. Но не вылезешь на поверхность, сказал Кандидат, а так и утонешь в одном миллиметре от спасения.

Гангстеризм

Приехал Чин и разболтал нам тайну величайшей государственной важности. Об этой тайне уже вторую неделю шептались все ибанцы. И заключалась она в том, что одного из высших чинов государства освободили от всех занимаемых постов не по состоянию здоровья, как было объявлено, а как главаря гигантской гангстерской банды. Чин говорил об этом деле так, что если бы мы не знали, кто он, мы бы его приняли за Ярого клеветника. В банду Гангстера, оказывается, были вовлечены чуть ли не все высшие чиновники той части Ибанска, которую возглавлял Гангстер. Так что разделить официальный аппарат власти и его преступную банду было практически невозможно. Просто первый постепенно переродился во второй. Это — обычное дело, сказал Чин. Можно подумать, что это не случилось и ранее и в других местах! А разве во времена Хозяина не произошло это самое в масштабах всего Ибанска?! Гангстера отправили на пенсию, сохранив ему особняк, дачу, машины и значительную часть прочего награбленного имущества. Даже музейную древнюю вазу оставили. Чинов пониже слегка понизили в должностях и поставили на вид. У чинов еще пониже кое-что отобрали и объявили выговор. Чинов еще ниже кое-кого немножко посадили. И так далее вплоть до лиц низших категорий, которым дали большие сроки, а некоторых даже расстреляли (в частности — шофера Гангстера и смотрителя в его гареме). Дело представили так, будто Гангстер и другие важные персоны (больше сотни!) стали жертвами в руках двух-трех проходимцев. У нас все и везде воруют, сказал Чин. Без этого нельзя нормально работать. Но надо же знать меру! Гангстер зарвался. Стал жить как восточный царек. Даже сотрудников ООН менял по капризу любовниц. Столичному начальству завидно стало. Он нарушил наши законы субординации, карьеры и вознаграждения. Хочешь министром быть — гони монету. Хочешь депутатом — гони монету. Степени, звания, премии, поездки за границу, роли в кинофильмах, уклонение от призыва в армию и от тюрьмы, — все это делалось за взятки. Наконец, он нарушил критические размеры воровства. У одной только его жены конфисковали драгоценностей на сумму, превышающую капиталовложения во все сельское хозяйство Ибанска в какую-то пятилетку. Кстати сказать, до конца раскапывать деятельность банды запретили. В частности, сказал Чин, задумчиво облизываясь, о бизнесе с девочками нигде не было сказано ни слова, хотя он был поставлен на широкую ногу. До конца копать вообще нельзя: пришлось бы полстраны сажать. А ниточки оттуда тянулись и в столицу. После того, как Чин уехал, Кандидат подсчитал, сколько он сам хапанул с государства на ремонт своей новой квартиры. И что здесь любопытно, сказал он, так это наша роль в данном воровстве. Мы же соучастники! Однако мы не заинтересованы в разоблачении Чина. И даже не чувствуем

за собой никакой моральной вины. Попробуй, разоблачи, сказал Физик. Тебя же и посадят как клеветника. Представляю себе, сколько разоблачителей засадил Гангстер и его сообщники, прежде чем их скинули. Но в нашем гангстеризме есть свой плюс, сказал я. Наладили же эти жулики подпольный цех в одной комнатухе, который давал продукции больше, чем две передовые фабрики. И какой продукции! Ее загоняли как заграничную! Так что в руках нашего мудрого руководства гангстеризм, в отличие от гниющего Запада, может стать мощным рычагом прогресса. Хватит разговоров, сказал Физик. За дело! Как соучастники преступления, мы должны работать и работать хорошо. Свои преступные денежки мы должны зарабатывать честно.

Потом я рассказал Сменщику об этой истории. Что поделаешь, сказал он. Диалектика! Наша система очень благоприятна для служебных злоупотреблений и гангстеризма. Служебные злоупотребления у нас фактически преступлениями не являются, если они осуществляются в определенных рамках. Это — просто служебные привилегии. Они не разоблачаемы и неразоблачимы по самому нормальному ходу жизни. Наша система порождает гангстеризм как выход за пределы официальной системы власти, как нарушение ее меры. И вместе с тем, она исключает его именно как нарушения меры власти и стремится его пресекать. По возможности без шума, конечно. Как свои семейные делишки. Наша система власти искренне враждебна гангстеризму, ибо сама она имеет ту же самую природу. Она законна, а специфически ибанский гангстеризм есть ее двойник, незаконно узурпирующий ее функции и привилегии. Сменщик говорил еще что-то необычайно умное, но мне стало скучно. Это общество не интересно даже с точки зрения его научного понимания. И в этом его сила. Вряд ли найдется человек, который способен исследовать его всесторонне и до самых сокровенных глубин. Любому исследователю содохнет от скуки, не пройдя и половины пути. Зачем нужны длинные и нудные исследования, если результат их известен заранее: оптимистическая стабильная бесконфликтная помойка, и больше ничего.

Провал Неврастеника

Провалился Неврастеник совершенно случайно. Были мы на дне рождения у одного нашего сослуживца. Обычный вечер. Обычный треп. Обычная жратва (добытая, кстати сказать, с большим трудом) и выпивка. Уходя домой, Неврастеник прихватил какую-то книжонку, изданную Там, на Западе. До утра, как водится в таких случаях. Дело обычное, такие книжонки мы почитывали регулярно, беря их порой у стукачей и даже у профессиональных сотрудников ООН и прочих высших органов Ибанска. Дорогой к Неврастенику прицепились пьяные ребята. Началась потасовка, и их всех забрали в милицию. Обыскали. Нашли книжку. И мирно

отпустили домой. Было это случайно или специально подстроено, установить невозможно. Важен результат. Дома Неврастеник застал Журналиста, который заскочил якобы на минутку и собрался уходить. Но не успел. Зашел участковый милиционер и потребовал предъявить документы. Произошел маленький скандалчик. Журналист возмутился и сказал, что он это дело так не оставит. Потом пришли молодые люди из ООН. Они были безукоризненно вежливы. Неврастеник, утративший к этому времени остатки мужества, отдал им листочки, которые не успел отнести к приятелю, назвал приятеля, сослуживца, всех гостей сослуживца и всех тех, кто когда-либо слушал или читал его сочинения. Ему сказали спасибо. Но что поделаешь, служба — не дружба: сообщили на работу. И в Институте завели персональное дело Неврастеника. Сотрудники пришли в возбуждение, шептались по углам, часами разговаривали на эту тему по телефону. Неврастеник ходил убитый ожиданием расправы. И выглядел героем. Жизнь обрела смысл. Неврастеник на глазах вырастал в личность. Вверху ему сказали: ты не бойся, в обиду не дадим, но на твоём примере проведем воспитательную работу. Главное, ты сам должен осознать все и помочь нам. Ты же наш человек, ибанист! Конечно, сказал Неврастеник, я ибанист, наш человек. Я готов сделать все, что прикажете. На этом можно было бы поставить точку в истории Неврастеника: ему объявили выговор без занесения в личное дело и перевели в другой отдел, в котором более здоровый и крепкий коллектив. Но произошла еще одна нелепость в цепи нелепостей: Журналист все-таки тиснул где-то заметочку о том, как зажимают творческую интеллигенцию в Ибанске, и намекнул в качестве примера на Неврастеника. И дело Неврастеника обрело совсем иной, далеко не комический вид.

О химико-психических средствах

Кандидат пересказал нам содержание статьи из американского журнала об успехах ибанских ученых в разработке химических методов воздействия на психику людей. Статья страшная. Авторы в заключение выражали недоумение, почему ибанские власти не используют открытия своих ученых в массовых масштабах. Не известно, сказал я, используют или нет. Может быть давно уже используют. Вряд ли, сказал Физик. Палка о двух концах. Эти средства так или иначе разрушают волевые и творческие потенции. А современная жизнь невозможна без них. Даже твоя вшивая контора не может без них функционировать. Это — раз. А во-вторых, если даже применять эти средства выборочно, кого выбирать? Профилактика тут невозможна. А как средства наказания и пресечения они бессмысленны. Дело в том, что если человек проявил себя как оппозиционер, то обычно его роль на этом и кончается. Дальше начинается лишь более или менее растянутое наказание. А предупредить невозможно. Чтобы предупредить, надо знать, что именно предупредить и в каком

множестве людей. Можно принять меры в отношении данных людей и дать гарантию, что не выкинут номер. Но это не дает еще гарантии, что какой-то номер не выкинет кто-то другой. При таком огромном количестве людей и при наличии каких-то устойчивых и массовых фактов бытия обязательно что-то произойдет. Причем, никто не может дать гарантии, что кто-либо из Заместителей или даже сам Заведующий не сделают эту чрезвычайную акцию. Факты же были. Так что все эти страшные новые средства страшны лишь индивидуально, но они не играют роли в масштабах истории. Они страшны лишь тем, что существуют, и люди о их существовании знают. Я слушал Физика, во многом был согласен с ним, во многом — нет, но возразить не мог. Что-то в его рассуждениях было чисто рассудочным. Во всяком случае, он не принимал во внимание реальных людей, находящихся у власти. А Сменщик как-то говорил, что эти химические методы уже применяются в чудовищных масштабах. Причем, научились парализовать волю и творческие потенции индивидов в строго определенных пределах. И еще одно удивило меня. Раньше мы на такого рода темы тоже болтали. Но теперь я к подобным разговорам отношусь совсем иначе, чем раньше. Я начинаю превращаться в профессионального думателя в этой новой для меня области. Я обретаю новую профессию.

Форма значительности

Обратите внимание, говорит Физик, как выражается наш Чин. Многозначительно. С недомолвками. С ухмылочкой. Свысока. В общем, как человек, приобщенный к сокровеннейшим тайнам бытия и к их глубочайшему пониманию, недоступному нам, простым смертным — неосведомленным, узколобым и т. п. Он работает Там, говорю я, наверно в самом деле кое-что знает, что нам знать не положено. Ерунда, говорит Кандидат. Чистая форма. Ни черта они там не знают и не понимают. Их знания — крупички от того, что мы сами отправляем им вверх. Их понимание не идет глубже их референтов и консультантов. А кто эти последние? Вы же сами знаете. Это — самые ловкие проходимцы и совершенно беспомощные кретины именно с точки зрения способности понимания действительности. И эту свою суть они маскируют и компенсируют наглой самоуверенностью и ложной значительностью. Не может быть, говорю я, чтобы туда не попадали умные и способные люди. В конце концов, их там — тысячи. А на каждую тысячу приходится... Чушь, говорит Кандидат. Этот закон имеет силу, если не производится отбор. На миллион отобранных карликов никогда не придется хотя бы один великан. Приехала жена Чина. Сначала разнесла нашу работу. Потом слегка похвалила. Потом заявила, что стены в спальне она хочет обтянуть какой-то заграничной тканью. Мы, разумеется, согласились. И напомнили, что Чин хотел сегодня нам выплатить должок, но его задержали на работе.

Жена Чина порылась в сумочке и отдала нам больше того, на что мы рассчитывали. Это была самая крупная наша удача. Физик приписал этот успех моим бицепсам. Подмигнул бы ты этой корове разок, сказал он, она бы с нами рассчиталась полностью. Упускать такие возможности!...

Потом приехал Чин и заявил, что он нас увольняет. Мы спокойно собрали свои монетки и направились к выходу. Чин сказал, что он впредь просит его жену в его финансовые дела не посвящать. С ним вместе приехала довольно смазливая девица. И он отпустил нас сегодня пораньше, подкинув нам еще пару сотен. А что, если мы сегодня кутнем, предложил Кандидат. Мы так и решили. Купили несколько бутылок вина, колбасы, сыра и еще какой-то ерунды и отправились к Физика. На дежурство чуть было не опоздал. Откуда-то появился начальник охраны (мы подчиняемся не директору конторы, а своему начальству; у нас еще своя особая контора), учуял запах вина и сделал мне втык. Потом вытянул из меня на чекушку (иначе — вон!) и смылся в ближайшую забегаловку.

Начало

Начал я с апологетики ибанизма, сказал Сменщик. Написал книгу о том, каким должен быть правильный ибанизм. Послал ее в высшие органы. Жду месяц, другой. Почти год прошел. Наконец, вызвали. Собралось их там человек двадцать. И давай стружку с меня снимать. И знаете, в чем они меня обвиняли? В том, что я сочинил злобную карикатуру на наше общество. Я растерялся, слова вымолвить не мог. На первый раз меня простили, поскольку действовал из лучших побуждений. На прощание же посоветовали бросить писанину. Мол, не моего ума это дело. Лучше, мол, недостатки наши критикуй. Во как! Не надо хвалить! Критикуй! Пришел я домой. Решил перечитать свою книжку. Что там такого крамольного я написал? Читаю и чувствую, что волосы у меня начинают шевелиться: такой жуткой мертвечиной пахнуло на меня из моего сочинения в защиту ибанизма. Вроде все правильно, все в полном соответствии с классиками, с установками, с учебниками. А картина такая получается, что жуть берет. Когда я дочитал до главы о хороших методах перевоспитания отдельных отщепенцев, до меня дошла одна простая истина. Когда в нашем обществе отмечают недостатки, оно выглядит человечным и перспективным в этом человеческом плане. А когда недостатки отбрасывают, оно обнажает свою подлинную глубокую положительную натуру. А натура-то эта страшенькая. Лагеря, репрессии, очереди, неурожаи, бесхозяйственность, зажим художников и прочие наши общеизвестные прелести, — все это, оказывается, пустяки по отношению к чему-то более фундаментальному. Они суть лишь преходящие проявления какойто стабильной сути, но не сама суть. Недостатки всегда можно представить как исторические случайности, отклонения, упущения, перегибы и т. п., — как нечто

исправимое и преодолимое. И факты есть, подтверждающие это. Исправь один такой недостаток из тысячи и раз в десять лет. Раструби об этом на всех перекрестках. Вот вам и факт. И понял я тогда, что эта самая стабильная всепорождающая суть заключена в самом положительном идеале ибанизма и в его самых лучших положительных качествах как реального строя общества. И тогда же я вдруг понял, что Они могут позволять Критиковать любые наши дефекты. Даже самые страшные. Вспомните речь Хряка. Позволили же Они напечатать первую книгу Правдеца! Но Они никогда не позволят беспристрастно описать самую суть и положительную основу ибанизма. Поняв это, я решил: нет, голубчики мои, я вас критиковать не буду. Я вас хвалить буду. Но так, что вы взвоете хуже, чем от Правдеца, Тут, конечно, я допустил ошибку. Надо было сказать: вы расправитесь со мной хуже, чем с Правдецом. Но такое постигается только опытом. А у меня его тогда не было. А сейчас, спросил я. Сейчас опыт есть, сказал он, но он уже никому не нужен.

И опять я засел за свою апологетическую книжку. Потом отпечатал в двадцати экземплярах, часть разослал во всякие ответственные органы, часть пустил по рукам. Наши передовые граждане (либералы, прогрессисты, оппозиционеры и т. п.) не поняли в моей затее ни бельмеса. Обозвали меня махровым реакционером и агентом ООН. Господи, какие же мы все идиоты! Про иностранцев и говорить не хочется. Те начали что-то соображать лишь после того, как меня упрятали в сумасшедший дом. Но наше начальство сразу смекнуло, в чем дело. Не такие уж они кретины, как мы порой думаем. Честно скажу, со мной там беседовали сотни раз, и на воле таких умных бесед мне никогда иметь не приходилось. Они имеют преимущество перед нашими умниками: они в таких случаях цинично откровенны и осведомлены. В общем, кончилась вскоре моя затея... Вы знаете, как она кончилась. Сейчас я на свободе. А толку что? Мне даже писать не запрещено. Но я уже не могу написать даже одной странички. У нас такие штучки научились делать хорошо. Даже не заметишь, как это делается. Только однажды вдруг почувствуешь, что затрудняешься написать записку жене. У меня нет жены, сказал я. Это хорошо, сказал, он. Лучше, когда вообще никого нет. В душе у меня поселилась тревога. Когда я вышел на пустынную улицу, к ней присоединился страх одиночества. Что же делать? Я напряженно думал, но вывод напрашивался только один: ничего. Все равно я не властен изменить ход событий. Меня уже взяли в крепкие руки. Какой-то ничтожный всевластный игрок уже делает мною какой-то идиотский ход в своей нелепой и зловещей игре. И я ринулся в забегаловку. В самом деле, кому нужен опустившийся подолок?! А может быть я Им и нужен именно такой: глядите, мол, что из себя представляют эти отщепенцы!! Я чувствовал, что по отношению ко мне совершается бессмысленная и чудовищно жестокая несправедливость. Общество занимается самосохранением и вправе это делать, — конечно, это так. Я это понимаю. И принимаю. Так было всегда. И будет всегда. Но есть же

какой-то закон соразмерности борющихся сил, нарушение которого означает выход за пределы человеческого бытия. Этот закон нарушен.

Потом я устал думать и успокоился. Тебе сейчас зачитывают приговор, сказал я себе. Выслушай его мужественно и будь человеком хотя бы в оставшийся кусочек жизни и хотя бы перед самим собой.

Около забегаловки ко мне пристали трое молодых парней. Сначала они потребовали закурить. Потом обозвали меня нехорошими словами и потребовали пятерку. И я отвел на них душу. Потом... В общем, хорошо, что у меня сегодня свободный день. Очухался я далеко за полночь на полу в нашей квартире с разбитым носом и мощным фонарем под левым глазом.

Она

Долго ждал Ее звонка. Наконец, далеко за полночь Она позвонила. Сказала, что была занята, устала, хочет спать. Я сказал, что безумно скучаю и с нетерпением буду ждать утра, чтобы хотя бы увидеть ее.

Итак, я один. Впереди долгая, мертвенно тихая ночь. Ни души кругом. Я думаю о Ней. И о себе. Эх, человек-человек! Много ли надо?! Чутьочку внимания. Чутьочку чувства. Чутьочку искренности. Чутьочку верности. И ты счастлив. Но именно этой чутьочки нет. Внимание есть, в изобилии, но избави боже от него: это — внимание всякого рода органов, призванных смотреть, чтобы ты не сотворил чего-нибудь такого. И чувства имеются в огромном количестве, но какие: злоба, раздражение, ненависть, зависть. И искренность бывает: когда требуют поставить к стенке. И верность бывает: верность заветам Хозяина. Вот меня сейчас неудержимо тянет к Ней. Почему? Что нас связывает? Потому что я один. Абсолютно один. Мать? Это не в счет. Она для меня есть, но я-то для нее не существую. Теперь родители странные пошли: они равнодушны к детям, даже злобны к ним. Друзья? Это не надолго. Дружбы нет, ибо привычные привязанности недолговечны, а соратников в этом обществе нет. Есть лишь сослуживцы. И вот теперь Она. Глубоко ли это? И долго ли можно произносить возвышенные фразы, сидя в болоте или погружаясь в трясины?!

Дома

Только начал засыпать, появился зять. Просит трешку до полочки, опохмелиться надо. Этих трешек я в свое время передавал уйму. И, разумеется, до полочки. Но он ни разу не вернул. Сестра умоляла не давать. А что делать? Я не дам, найдет в другом месте. Хуже будет, отдавать придется. Или кредиторы скандал подымут. А он и так на волоске висит у себя на работе (в каком-то журнале, младший редактор). Когда-то был способный парень, надежды подавал. Сейчас у меня денег нет. Зять обозвал

меня жмотом. Сказал, что он мне это припомнит. И, хлопнув дверью, ушел. Вслед ему неслась отборнейшая брань сестры. Привыкшие к таким сценам ребятишки не обращали внимания. С меня достаточно, сказала сестра. Сегодня же подаю на развод.

О пьянстве

Пьянствуют, сказал Сменщик, во всем мире. И на Западе пьют, может быть, даже больше, чем в Ибанске. Но ибанское пьянство обладает такими специфическими признаками, которые выделяют его из всех пьянств человечества и делают его явлением исключительно ибанским. Вам, например, нужно занять денег на покупку новых штанов. Попробуйте, и вы убедитесь в том, что это — дело довольно трудное. Но если вам нужно занять на выпивку, вы сделаете это в течение получаса максимум. Причем, не надо объяснять, на что вам нужны деньги. Ибанцы обладают особыми органами чувств, которые позволяют им точно установить, на что вам нужны деньги. Нужны деньги на выпивку, скажете — на штаны, все равно дадут. Или, допустим, вы пьянствуете. Все знают, что это — нехорошо. Приходите к знакомым. Ай-ай, как нехорошо, говорят они. И... ставят на стол отличную выпивку. А придите в гости просто так, непьющим. У них будет в заנачке бутылка, но не ждите ее появления на столе. Государство ведет непримиримую борьбу с пьянством, ибо оно наносит огромный ущерб. Но ведет ее так, что пьянство развивается пуще прежнего. Одним словом, в Ибанске в глубине души любят пьяницу и в глубине политики культивируют его. Почему? Имеется множество объяснений. Психологиморалисты (с тенденцией к психоанализу) считают, что ибанцам приятно видеть существа еще более жалкие и убогие, чем они сами. Тем более стремление к юродству есть природное свойство ибанской души. В интеллигентных кругах пьянство считают признаком таланта (все ибанские гении пьют!), а в либеральных интеллигентских кругах — признаком социального гнета, невыносимого для наиболее тонко мыслящей части и т. п. Творческие личности пьют для разрядки, для воображения, от избытка денег, которые больше некуда девать... Пьют, потому что пить дешевле, чем закусывать. А что еще делать, если не пить?! Пьют для душевной близости. Пьют, потому как положено. Это в основном большие начальники, заведующие магазинами и ресторанами, лица, бывающие на приемах, летчики, следователи и прочие, и прочие, и прочие. Социологи считают, что с точки зрения управления массами лучше пьяницы, чем оппозиционеры. Если человек бросит пить, что ему остается делать, если не критиковать несуществующие язвы нашего прекрасного общества! Экономисты говорят, что выгоды от пьянства все равно превышают ущерб, который оно приносит. В общем, если бы собрать все мнения ибанцев о причинах пьянства, образовалась бы книга в полсотни томов по тысяче

страниц каждый. И притом мелким шрифтом. И нельзя сказать, что все ошибаются. Но нельзя сказать, что все правы. Проблема эта сложнее, чем проблема рака. Проблему рака можно хотя бы абстрактно решить так: есть вирус рака, найди его и уничтожь. Конечно, после этого у рака найдется все равно какой-то преемник. Те миллиарды причин, которые так или иначе фокусируются в вирусе рака, найдут себе другого вождя, представителя, выразителя. С проблемой пьянства так не поступишь. В конце концов, люди пьют потому, что есть алкогольные напитки. Уничтожьте их, и... И ничего не получится. В Ибанске пробовали в некоторых местах лишать людей этой вредной жидкости. Результат — ибанцы стали добывать ее сами из любых вещей. Да так, что получались напитки получше казенных. И потом властям долго пришлось доказывать преимущество последних. Лишь после того, как Академик опубликовал в Газете огромную статью о том, что казенные напитки (в отличие от искусственных!) не ведут к снижению умственных и сексуальных потенций, к раковым заболеваниям и автомобильным катастрофам, местные жители направились в магазин купить с черного хода (поскольку в это время продажа спиртных запрещена!) бутылочку трижды раскритикованной казенной отравы. Но если даже уничтожить все алкогольные напитки и лишить условий производить их и изобретать самим, все равно остаются те миллиарды маленьких причин, причинок, причиненок, причинушек и т. п. которые сейчас фокусируются в пьянстве, а по уничтожении оно будет фокусироваться в чемто ином. Так вот, специфика ибанского пьянства заключается не в том, что ибанцы пьют спиртное, а в этих миллиардах причин, которые избрали в качестве своего объединяющего и суммирующего начала, в качестве выразителя, представителя и вождя алкогольные напитки. Каждая эпоха, каждая цивилизация, каждый народ пьянствует по-своему. Причем, два пьянства не обязательно выражают одно и то же. Сходные множества причин могут в одном случае выражаться в пьянстве, в другом — в расцвете искусства, в третьем — в политической активности и т. д. В Ибанске упомянутая совокупность причин по традиции выражается не в творческой деятельности, не в предпринимательстве, не в политической активности, не в домоводстве, не в светской жизни, а именно в пьянстве. И вот что здесь особенно важно. Те ибанские потенции, которые выражаются в пьянстве, достаточно ощутимы, чтобы ибанец заметил их наличие, осознал себя в качестве носителя их (со всеми вытекающими отсюда психологическими последствиями). Но они не достаточны для того, чтобы избрать иной способ проявления и выражения. И тоже со всеми вытекающими отсюда психологическими последствиями. Грубо говоря, мы достаточно талантливы, чтобы заметить это и обрести вкус быть таковыми, но мы слишком мало талантливы для того, чтобы сделать свою талантливость деловым началом нашей жизни. Потому даже незначительные препятствия в виде государственных запретов для нас непреодолимы. Потому мы

предпочитаем оставаться втихомолку страдающими холуями или пьяницами (или комбинацией того и другого).

Сменщик умолк, а я почувствовал в себе прилив демонических сил. Мы Им еще покажем, сказал я. И заказал еще бутылку какой-то дряни. Впрочем, сказал Сменщик, все народы таковы. Только одним удается изобрести какие-то защитные средства и средства охранять и поддерживать эти защитные средства. Нам это не удавалось никогда. Мы умели изобретать средства, пресекающие всякую возможность изобретения и сохранения таких средств. Впрочем... Потом мы пороли всякую чушь. Потом забегаловку закрыли. И мы поплелись на вокзал, где ресторан закрывается на несколько часов позже.

Высшие соображения

Так бы и отделался Неврастеник легким испугом, если бы не высшие государственные соображения. Высшему начальству потребовалось исправить недостатки и указать линию. Нашелся выдвигенец, который решил проявить инициативу и сделать на этом внеочередной скачок в своей удачно складывающейся карьере. Нашелся стукач и холуй, который донес ему, что в ИОАНе проявили гнилой либерализм и потерю бдительности. Выдвигенец вызвал Директора и Секретаря. В вашем институте в течение многих лет орудовал враг, сказал он. Что же вы думаете, он ничего другого не сделал?! У него сообщников не было?! А связи с враждебными кругами Запада? Надо разобраться более тщательно. Даю две недели сроку. Директор и Секретарь заверили Выдвигенца, что они сделают все как следует, что они виноваты, что проглядели, что исправятся и т. п. Но в ИОАН они ехали унылые, ибо знали, что дни их сочтены. И действительно, вскоре Директор слег в больницу с инфарктом. Вместо него назначили другого. Секретаря освободили и избрали другого. ИОАН замер в ожидании катастрофы. Назначили специальную комиссию по расследованию дела Неврастеника, и его дело переросло в Дело. Председателем комиссии назначили Эстета.

Проблемы

Когда мы пришли утром на работу, квартира была открыта. Но никого в ней не было. Мы на всякий случай позвонили Чину. Тот примчался немедленно. Мы все вместе вошли и увидели удручающее зрелище. Замки взломаны. Все тряпки со стен в спальне содраны. Украдено огромное зеркало с двери в ванной, остатки кафеля и многое другое. В том числе — куртка Кандидата. Надо в Уголовный Розыск сообщить, сказал Физик. Боры явно дилетанты. Наверняка местные жители или молодые ребята.

Найдут в два счета. Ни в коем случае, сказал Чин. Начнут копать, что к чему. Нервотрепка. Дороже обойдется. Надо врезать новые замки. И один из вас будет здесь ночевать, пока не кончите. На том и порешили.

Что за жизнь говорю я, когда Чин уехал. Здесь все как-то страдают. Даже у Чина нет безоблачной жизни. Дом делали халтурщики — страдает. Надо нанимать леваков — страдает. Тараканы — страдает. Жулики — страдает. А бедная Чинша! Она из-за этих тряпок до конца жизни мучиться будет. Это разве страдания, говорит Физик. Это — бытовые мелочи. Ты взгляни лучше на нашу жизнь. И Физик в общих чертах обрисовал то, что нам всем известно из собственного опыта. Кандидат, которому так и не удалось сорвать с Чина компенсацию за куртку, сказал, что мы нытики и красиво выругался. Я попросил его повторить: мне это может пригодиться в моей конторе.

Во-первых, сказал Кандидат, страдания относительны. Во-вторых, страдания, о которых мы болтаем, свойственны лишь незначительной части ибанского общества. И в — третьих, основа этих страданий заключена не в ибанском образе жизни. А в чем же, спросил Физик. В наших исторически преходящих претензиях, сказал Кандидат. Дело в том, что мы претендуем на роль наследников и продолжателей всего лучшего, что было создано в западноевропейской истории, и претендуем превзойти Запад именно в этом. Так что мы так или иначе знакомимся с лучшими явлениями западной цивилизации, живя по канонам ибанского образа жизни. Отсюда и идет все. Чтобы устранить наши эти специфически ибанские страдания, надо уничтожить источник беспокойных идей и базу для сравнения. Перестать говорить об английской и французской революциях, о восстании американских колоний. Запретить чтение Шекспира, Бальзака, Данте, Достоевского, Гете, Шиллера, Свифта и прочих великих писателей прошлого. Запрятать полотна великих художников. Прекратить всякое общение с Западом. Это у нас и стремятся делать по мере сил, сказал я. Я считаю, сказал Кандидат, что в основе нашей экспансии во вне лежит именно это стремление уничтожить базу для сравнения. Не экономические и военные соображения, а именно это, т. е. социальный инстинкт привилегированных слоев нашего общества увековечить свое господство. Если исчезнут экономические и военные соображения, наша экспансия усилится. Мы будем стремиться навязать всем свой ибанский образ жизни. Потом наша беседа незаметно перескакивает на оценку общей ситуации в мире. Я с любопытством слушаю точку зрения Кандидата, хотя согласиться с ней не могу. Но у меня нет и аргументов против. Физик пытался что-то возразить, но махнул рукой. Сейчас в Мире, говорит Кандидат, есть три силы: мы, Китай и США. Они непримиримы. Причем, в основе вражды лежат глубочайшие расовые причины, а не вражда двух систем, не экономика и т. д. Расовые причины лишь преломляются через экономику, идеологию и т. д. Это в высшей степени важно понять. Это мы уже слышали, говорит Физик, от Адольфа Гитлера. Чушь, говорит Кандидат.

Это похоже, но это совсем не то. Сравните христианство и мусульманство. Похожи. Но не одно и то же. Ищите различия, а не сходство. Надо различать два понятия расы: биологическое и социальное. Раса в социальном смысле есть обширное человеческое объединение, ядро которого образует группа лиц с определенными биологическими расовыми признаками. Прочие лица испытывают на себе их влияние до такой степени, что начинают себя вести так, как будто бы они и сами суть представители этой группы. Они испытывают влияние, но не из них исходит инициатива. Не в них источник их бытия как данной специфической общности. Бывают периоды в истории, когда именно некоторые расовые признаки, преломляясь через историческую судьбу объединения, оказываются решающими. Это бывает редко. Но бывает. Сейчас такой случай. Причем, нет высших или низших рас. Есть разные расы. Сейчас — три основные. И каждая из них, учитывая опыт истории, способна привести человечество к одному и тому же результату. Разница в деталях. Но — при условии уничтожения или подчинения двух других. Примирение невозможно именно по расовым причинам. У Двuruшника в книге все это разобрано досконально. Я не читал книги Двuruшника, говорю я, так что разъясни подробнее. Но Кандидат махнул рукой. Все это похоже на правду, сказал он. Но мне это не кажется убедительным. Вернее, я бы не хотел, чтобы это было так. Я за то, чтобы все жили и жили по-своему. Я тоже, говорю я. Но я все же хочу этот вопрос изучить: я должен знать, как на самом деле. Зачем это тебе, спрашивает Физик. Я старомоден, говорю я. Я чувствую себя неполноценным без связи с прошлым и без понимания возможного будущего.

Чин забыл оставить нам деньги на новые замки и не договорился с нами об оплате этой работы. За врезание замков дерут ой-ой какие денежки, сказал Физик. Пусть Чин выяснит сам, сколько. Пусть сам купит замки. И денежки за это пусть платит тут же. Иначе делать не будем. Так и решили. Позвонили Чину. Чинша, напуганная кражей, согласилась на все наши условия. Только попросила, чтобы замки купили мы сами. Она оплатит все. С женщинами все-таки лучше иметь дело, сказал Кандидат. Смотри с какими, сказал Физик. Как идут дела у твоей соседки-стервы? Отлично, сказал Кандидат. Она стала совсем другим человеком. Страдания облагораживают. Безусловно, сказал Физик. Переломай ей другую ногу и женись. Лучше бабы не сыщешь во всем Ибанске.

Прогресс

Раскроешь книгу древнюю,
Застынешь, поражен.
Чем был Ибанск? Деревнею.
И как преображен!
Родясь, в пластмассу какаем,

А пишем в капрон.
Чуть год — и мы уж квакаем
Не «ма», а «сиклотрон».
Отдвинув кашу манную,
Глазами жрем Футбол.
И в даль телеэкранную
Вопим истошно: Гол!!!

Короче, интервью, автомобиль, колготки, виза,
Симпозиум, транзистор, хромосома, телевизор,
Дублинка, холодильник, джаз, аспирантура,
Без штук таких уже немыслима ибанская культура.
Но свято мы храним былое постоянство.
Как встарь, веселие души у нас есть пьянство.
Как прежде, ширится, не ведая износа,
Система общего взаимного надзора и доноса.
И если розовые снять осмелится иной очки,
Как прежде, скопом налетим и разорвем в клочки.
Как прежде, в светлый, в темный ли момент
В тоске о стенку бьется головой интеллигент.
Но даже тут ушли вперед от дедов внуки:
Их стенка строилась тяп-ляп, а наша — по науке.

Эстет

Эстет в течение многих лет был самым порядочным человеком в ИОАНе. Можно сказать, что его основная профессия состояла в том, быть чтобы таковым. Будучи однажды вытолкнут на эту роль, он затем ровным счетом ничего не делал: все делали за него другие, все делалось само собой. О нем заботились обстоятельства. Например, если возникала потребность разгромить хорошую статью, то заранее намечали на роль погромщиков определенных лиц, исполнявших в ИОАНе функции прохвостов, — столь же обычные и нормальные, как и функции порядочного человека. Но ни в коем случае не Эстета. Считалось само собой разумеющимся, что он не будет это делать. Не будет не по каким-то глубоко личностным качествам, а по положению, по его роли в ИОАНе. Если бы на него нажали, он сделал бы все, что угодно. Но на него не нажимали. Ему предназначалось нечто иное. Но он сам воспринимал это как проявление своей доброй воли своей замечательной порядочности. И другие так воспринимали: ведь человек мог бы, да не захотел, потому как порядочный. Бывают-таки порядочные люди. Если же нужно разгромить плохую работу, и начальство решается пойти на это, то функцию погрома возлагают на Эстета. Прохвосты не

лезут — это не их работа. Тем более громимый — из их компании. Да они и не умеют делать такое дело. Их приучали к другому. Эстет смело громит халтуру и мракобесие в лице предназначенной для этого жертвы. Смотрите, как он смело Их лупит, — умиляются сотрудники. И сам Эстет упивается своей ролью. И начальство хвалит: смелый, принципиальный, знающий человек. И так из года в год черные дела делают прохвосты, белые дела делают порядочные люди. И те и другие дела дозволены свыше. И все вместе делают одно и то же черно-белое, т. е. удручающе серое дело. Но в этой серости есть оттенки.

Бывают в жизни любого учреждения Ибанска такие щекотливые моменты, когда дело нужно сделать крайне черное, но чтобы при этом оно не выглядело таковым; в таких случаях порядочный человек незаменим. У нас Эстет был в этом смысле фигурой выдающейся. Затевалось, например, дело против молодых ребят, которые что-то осмелились (по глупости, конечно) сказать по поводу последних событий в..., когда мы ввели... и....Короче говоря, грязное дело. И надо этих ребят уничтожить, но так, чтобы это выглядело как благодеяние. И поручается это дело Эстету. Обычно и поручать не надо, ибо в такие трудные моменты он как порядочный человек единогласно избирался во всякие организации и становился обычно Секретарем Бюро. Народ ходит довольный. Хорошо, что Эстета назначили. Этот в обиду не даст! Эстет организует и с блеском проводит уничтожающий погром, все довольны: если бы не он, было бы хуже. И в самом деле, уже одно намерение придать погрому вид гуманной воспитательной акции делает его итоги более мягкими, чем в недавние прошлые времена. Заслуга приписывается Эстету, хотя он назначен на такой исход дела заранее.

Из года в год Эстет с блеском играл свою роль, придавая гнусностям более благообразный вид и облагораживая своей порядочностью намерения вышестоящих властей всякого сорта и ранга. Иногда, правда, происходили события, в которых, по слухам, Эстет играл весьма неблагоприятную роль. Но это — лишь слухи. И к тому же так редко, что в общем море добра, содеянного им, эта капля подлости оставалась незаметной. И престиж его не могли поколебать никакие происки завистников.

Поговаривали, что его карьера в свое время началась с того, что он выдал друзей, вместе с которыми читал стихи одного запрещенного в то время (и прославляемого официально теперь) поэта. С тех пор и закрепилось за ним имя Эстет. Был слух, будто это — его псевдоним в ООН. Но поди докажи! Брехня все это. Не мог такой порядочный человек совершить такую подлость!

Однажды случилось у него большое горе — повесился сын. Историю замяли. Неврастеник как-то по секрету рассказал мне, что сын был вовлечен в группу студентов, писавших листовки. Его вызвали в ООН и нажали. Парень отказался назвать сообщников и рассказал обо всем отцу. Что у них там было, никто не знает. Только ночью он покончил с собой. В

руке была зажата записка, в ней — одно слово: подлец. Неврастеник сам видел эту записку. Она потом куда-то исчезла, и самоубийство объяснили чисто личными мотивами: несчастная любовь. Что делал после этого Эстет? Обычные свои дела. Присвоил себе статью своего аспиранта. Председательствовал на одном международном симпозиуме. И все ему сочувствовали. И никто не посочувствовал его несчастному сыну. Бедняга, что он пережил в ту ночь!!

Банкет

В конторе пронюхали, что я — бывший кандидат, чуть ли не доктор, имею какие-то публикации, подавал надежды и т. п. И я удостоился великой чести: Кандидатша пригласила меня на свой день рождения. Моя Секретарша устроила по сему поводу сцену ревности. Пойдем со мной, предложил я. Вот забавно получится! Ни в коем случае, сказала Она. Я знаю, какая шпана там собирается. Я их презираю. Как бы то ни было, я пошел. Банкет — обычный ибанский банкет. Пили, жрали, говорили чушь, затасканные анекдоты, смех, крики, хамство... Ко мне сразу все стали обращаться на Ты. Все сочувствовали мне. Поносили наше начальство всех рангов. Потом заговорили о последней речи Теоретика по поводу изобразительного искусства. Тут-то я с ними полностью согласна, искренне сказала либеральная Кандидатша. А то рисуют и лепят каких-то уродов. Черт знает что! Ничего не поймешь! Кандидатшу поддержали все присутствующие. Мне стало после этого гнусно. Я ляпнул что-то по адресу Теоретика. Наступила неловкая тишина. Потом начали танцевать. И я потихоньку смылся.

Эти высшие установки насчет искусства — не бред недоразвитых дегенератов, как думают многие. Они выражают общий уровень и, главное, тип ибанского сознания. Если это кретинизм, то кретинизм всего общества, а не только его руководителей. Но я думаю, что это — не просто кретинизм. Это — нечто более глубокое и серьезное. Последние установки Теоретика, очевидно, будут неуклонно проведены в жизнь. И народ их поддержит. И сам народ проявит инициативу. Это — его собственные установки, лишь высказанные устами Теоретика. Итак, на изобразительном искусстве тоже можно ставить крест. Кто следующий? Вроде уже все области охватили. Остались мы. В качестве обобщающего и завершающего удара. А на каком материале у нас? У художников хоть было что-то на самом деле. А у нас? Чистая липа. А что, если Они меня готовят именно к этой акции на самом высшем уровне?! И Сменщика тоже. Нужен же им какой-то реальный материал. Я не удивлюсь, если Они нас специально спровоцируют на какой-то нужный для Них шаг. Сменщик предупредил меня быть осторожным. А разве за всем уследишь?! Насчет Теоретика я высказался зря. А в общем — плевать!

Я позвонил Ей, сказал, что банкет — мразь, что я ушел, что мне тоскливо

без Нее. Она сказала, что я — молодец, и спросила, не наговорил ли я чего лишнего, а то в этой компании было по меньшей мере пяток стукачей. Я сказал, что Она преувеличивает. Если каждого подозревать, то жить невозможно. У Кандидатши, однако, я основательно набрался. На площади Космонавтов ко мне прицепились дружинники. После короткой потасовки меня все-таки скрутили и приволокли в милицию. Теперь надо полагать, будет «телега» в контору.

О мести

Расплата к тебе придет.
Расплата тебя найдет.
Родится когда-нибудь сын.
Хотя бы на всех один.
И спросит: кто ты, отец?
Ответит: ты был подлец.
Запомните вы, отцы!
Не спрячете в воду концы!
Тот сын все равно идет.
Он вам приговор несет.

Слова, слова. Высокопарные слова. Какое дело Им до того, что скажут потомки. Да и скажут ли? Скорее всего — нет. Что было во времена Хозяина — это волнует лишь немногих отщепенцев. Молодежь в это не верит. В крайнем случае относится к этому с юмором. На уровне анекдота.

Любовь

Она опять не пришла. И я опять один. Что поделаешь, придется философствовать. О чем? Да хотя бы о любви. Самое подходящее время. Сначала ибанцы были весьма скромны и сдержаны в любовных делах. Не было совсем противозачаточных средств. Аборты, которые за солидные (для ибанцев) вознаграждения делали чудовищно жадные, злобные и невежественные старухи, как правило, кончались инвалидностью или даже смертью. Родить внебрачного ребенка считалось смертельным грехом и несмываемым позором. Практически такая женщина уже не имела шансов выйти замуж. Еда была такая, что ибанцев особенно и не тянуло на любовные утехы. Да и негде было. По условиям ибанского климата под забором этим делом можно заниматься всего два — три месяца в году, когда не идут дожди, и можно найти негрязное место. Конечно, бывали случаи и в другое время года. И об одном таком случае писали в газетах.

Одна пылкая девица во время любовной связи примерзла задом ко льду речки Ибанючки, пока ее поклонник расстегивал свои штаны. Девица, лишившись чуть не половины зада, осознала свою вину. После этого в Ибанске началось движение по сдаче крови и кожи государству для переливания и пересадки. Поклонника судили как японского шпиона, поскольку прочие вакансии уже были заполнены. Все общественные организации тщательно следили за нравственностью ибанцев. И если замечали что-либо предосудительное, принимали суровые меры. В привилегированных слоях Ибанска, разумеется, все было не так. Там на другой же день после образования Ибанска начался отменный бардак. И продолжается по сие время. Прогресс в любовных делах в ибанском обществе пошел отсюда, а не под влиянием Запада, как сейчас утверждают бывшие развратные старухи. Запад оказал, конечно, свое влияние. Но скорее на технику дела, а не на суть. Теперь в Ибанске с любовью положение не хуже, чем на Западе. Баб ибанцы имеют по потребности. С мужиками, конечно, хуже. Но в Ибанске есть некоторые специфические условия, порождающие ибанский стиль любовных отношений. Вот два типичных случая, поясняющие общую картину. Помощник моего директора Жмот получает мизерную зарплату. У него две комнаты на пятерых (жена, теща, двое детей). Третий год он не может купить приличный костюм. У него есть любовница — сотрудница нашего же учреждения. Зарплата — невозможно выкроить на приличное мыло и модные трусишки. Живет в семье. Имеет койку за шкафом в комнате, где спят еще три человека. Дома делают все возможное, чтобы ее выжить. Катись, куда хочешь! Кстати сказать — типичный пример взаимоотношений в теперешней семье. А куда идти? Снимать комнату? А на что жить? Замуж выходить — проблема. За кого попало не хочется. А такого жениха, как хотелось бы, нет. Вот и тянется годами унижительная и скучная связь со Жмотом. Без всяких перспектив. Где они встречаются? Как проводят время? И он выглядит в ее глазах мерзавцем, ибо эксплуатирует ее, ничего не давая. А ее жизнь идет прахом. Я посмотрелся на такие случаи. У нас в конторе они почти все такие. В Ибанске выработался общий стиль взаимоотношений в таких случаях. И даже тогда, когда любовник зарабатывает много денег, он редко тратится на любовницу. Неврастеник, например, имел приличную зарплату и гонорары. Но когда его любовница заикнулась насчет того, чтобы он снял комнатку для нее, он разразился гневной речью о своих финансовых затруднениях. Потом он нам говорил по сему поводу, что бабы пошли стервы, норовят урвать что-нибудь вместо благодарности за то, что он опускается до связи с ними. О боже! Где мы живем!!

Мечта неудачника

Умели в прошлые века
Мы говорить порой такое!
Мол, полечу за облака!
Мол, опущусь на дно морское!
И все земное, мол, отдам!
Не баб любили мы, а дам.
А ныне женщине почет.
И мы ведем на сотни счет.
Из-за минуты увлеченья.
По пьянке. Ради развлеченья.
Или от скуки просто так.
Раз случай есть, не будь дурак.
А тот, кто в должности постарше,
Уборщиц жмет и секретаршу.
А этот пользоваться не прочь
Жену приятеля и дочь.
Кто в одиночку. А кто хором.
Кто в подворотне. Под забором.
Кто в кабинете. Кто в цеху.
Или на лестнице вверху.
Вот ту в чужом автомобиле.
Благодари, что не побили.
И даже в собственной квартире.
Чего не встретишь в нашем мире?!
И все ж, как в прошлые века,
Хотелось бы сказать такое:
Я полечу за облака!
Я опущусь на дно морское!
Хоть раз кому-нибудь сказать,
Что ничего тебе не надо,
Что ради одного лишь взгляда,
Ты ей способен все отдать.

Липа

Задача комиссии — подготовить подходящую липу, используя которую определенная группа лиц намерена осуществить намеченное или вынужденное обстоятельствами мероприятие. Официально это выглядит как стремление объективно разобраться в существе дела. Хотя тип липы

заранее определен свыше, будучи реализована внизу, она попадает вверх как сигнал снизу, и вышестоящие инстанции затем лишь принимают разумное решение по поводу происходящего.

Не следует думать, что липа такого рода — сплошная ложь, и что задумана она с какой-то злобно-коварной целью. В ней может не оказаться ни одного слова лжи. И появление ее может быть вполне рациональным мероприятием. Но дело не в этом. Комиссия призвана отобрать в прошлой жизни такие факты, которые будучи собраны вместе и высказаны в данной ситуации, будут представлять индивида как морального урода и чуждого нам отщепенца, попавшего под влияние и т. д. А в жизни каждого человека такие факты могут накопиться в изобилии. Они не накапливаются только потому, что индивид не становится средством такого рода мероприятия. Когда-то вы развелись с женой. Однажды вы почему-то задержали деньги на ребенка. Вы потом отдали. Но в эти несколько дней задержки ваша бывшая озверевшая супруга сообщила по крайней мере сотне лиц, что вы — злостный неплательщик алиментов, и написала на вас такое письмо в бюро, что даже там говорили: ну и сволочь, спаси господи! Вы добиваетесь встреч со своим ребенком, бывшая жена, забросившая ребенка на бабушку, делает все, чтобы этого не произошло. И при этом пишет письма к вам на работу, что вы забросили ребенка. Вы хотите завести новую семью. А по крайней мере десяток людей распространяет слухи, что вы — развратник. Это — только одна линия вашей жизни. А сколько других. Вы встретились и поговорили с иностранцем — вы вступили в порочащие связи с врагом. Вы передали прочитать вашу совершенно не секретную работу — вы передали сведения. Короче говоря, задача комиссии — не какие-то сложные исследования, а лишь подготовка правдоподобного текста, характеризующего избранных индивидов в том свете, в каком это нужно для данной цели.

Комиссия во главе с Эстетом превосходно справилась с заданием. Они отобрали подходящих лиц, которых можно определить в группу Неврастеника. Ни много(что скажут там!), ни мало (иначе из-за чего шум!). Таких, что начальство возражать не будет. И у самих рыльце в пушку. Избранные лица понимают, что рыпаться бесполезно, и идут навстречу комиссии: помогают ей всеми силами. Комиссия в общем-то сидит в кабинете. Все сведения ей приносят сами жертвы. Или добровольные помощники. Жертвы признаются во всем и играют спектакль со вдохновением. Они стремятся лишь к тому, чтобы не была нарушена мера. Впрочем, это не в их власти. Мера предначертана свыше.

И не надо думать, что такие липы создаются на пустом месте. Ведь факты налицо: запрещенная книжка; связь с Журналистом, которого выдворили из страны; клеветническая заметка там, и не стоит особого труда, чтобы выяснить, кто имелся в ней в виду; стихи, позорящие наш образ жизни; такие-то люди стихи читали и одобряли; и сами кое-что писали и распространяли; и сборник начали готовить, а где его печатать хотели —

легко догадаться. И таких фактов полно. И не зря затевается дело. Интеллигенты распустились, надо их к порядку призвать. А как? На поучительном примере. И пример создается по всем канонам ибанской социальной педагогики.

Такова жизнь

Мы уже готовились к окончанию работы. Но как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Утром мы застали потолок на кухне и в ванной в ужасающем состоянии. Очевидно, на верхнем этаже сломался какой-то кран.

Или забыли закрыть. И такое бывает. Придется осваивать еще одну профессию, сказал Физик. Чудеса, сказал Кандидат. Чтобы в такой квартире нормально жить, надо постоянно содержать бригаду халтурщиков вроде нас. Или делать все самому, сказал Физик. Когда мы получили квартиру, я три года работал не столько в Лаборатории, сколько дома: доводил квартиру до состояния, пригодного для жилья. Только было довел, кусок стены обнаружил тенденцию вывалиться наружу. Что делать? В таком случае дом надо ставить на капитальный ремонт. Это значит — выезжать. Строители все испохабят. Опять ремонт делай. Я как вспомнил прошлые годы, волосы дыбом встали. И я решил сам. И что вы думаете — с блеском справился. Пришла комиссия во главе с каким-то строительным академиком. Мой метод они одобрили. Но, разумеется, авторство присвоили себе. И премию отхватили.

Примчалась Чинша. Сам Чин где-то кого-то не то встречает, не то провожает. Увидев потолок, Чинша расплакалась. Нам ее стало жалко. И мы ее утешали, как могли. Пообещали в кратчайший срок исправить положение и придать квартире прежний вид. Не помогло. Я с ума сойду с этой проклятой квартирой, сказала она. Я говорила мужу, переедем сразу, а там видно будет, что доделать, что нет. Не послушал, идиот. Все вы, мужчины, такие. Втемяшится в голову какая блажь, ничем не свернешь. И Чинша опять пустилась в слезы. Только после того, как я популярно пересказал статью из одного идиотского журнала об отрицательных эмоциях, Чинша прекратила рев.

Потом мы отправились на верхний этаж, выяснить в чем дело. Оказывается, хозяева перекрутили кран, и он ночью сорвался. Мы привели их в нашу квартиру(!), показали последствия и потребовали возместить ущерб. Иначе, мол приведем комиссию. При слове «комиссия» хозяева побледнели и выплатили все, что мы потребовали. А что, сказал Кандидат. Все справедливо. Почему Наши (они уже наши!) должны страдать из-за этих хмырей?! Не лицемерь, сказал я. Ты же знаешь, что это — единственный способ получить деньги за наш труд. Наши хозяева ни за что на свете нам за это дело не заплатят.

Бунт

Все уже было ясно. Собрание проходило именно так, как хотело начальство. Представитель Отдела был доволен. И было пора уже закругляться. Кто-то выкрикнул, что пора подвести черту, то есть прекратить прения. И председатель просто так, для красивого словца спросил, кто еще хочет высказаться. Он был уверен, что желающих не будет, ибо всем известно, что все желающие были намечены заранее и уже выступили. И тут во мне сработала какая-то пружинка. Я поднял руку и сказал, что хочу несколько слов добавить к выступлениям предыдущих ораторов. Поскольку я на собраниях никогда не выступал и считался политически пассивным, мое намерение произвело ошеломляющее впечатление. Зал замер на мгновение. Потом поднялся доброжелательный шумок, и все заулыбались. И мне дали слово в порядке исключения. Единогласно, причем. Одни хотели, чтобы я тоже приобщился наконец-то к настоящей полнокровной жизни коллектива. Другие хотели, чтобы я наконец-то перестал ходить в чистеньких и превратился в такую же способную на любую пакость дрянь, как и все они. Это — наши либералы. Они особенно были довольны. И лица их выражали поощрительное презрение. Мол, и ты такая же дрянь, как и мы. А тоже мне, прикидывался столько лет независимым. Бескорыстным. Бессеребренником. В старшие, небось, захотел. За квартиру старается. Теперь пойдет! У нас таких любят. Порядочный. Незапятанный. В общем, пробрался я из самого последнего ряда из самого левого угла к трибуне. Взошел и почувствовал, что положение на трибуне ко многому обязывает. На тебя уставились сотни лиц. И выглядят они теперь совсем иначе, чем в кабинетах и коридорах. Наверно, так выглядят лица вражеских солдат, когда в бою встречаешься с ними в рукопашной. Лица врагов всегда кажутся безобразными. Я сначала растерялся. Начал что-то лепетать весьма интеллигентное. Но потом разозлился. Да кто ты в конце концов, сказал я себе. Такая же мразь, как и эти? Хватит. И тут-то я и выпалил. Мол, все дело Неврастеника — липа. Мол, никакой группы нет. Мол, такую грязь можно развести для любого из нас. Мол, вообще все это напоминает времена Хозяина. И судя по всему, мы заметно тяготеем к нашему недавнему гнусному прошлому. И так далее в таком же духе. И наговорил бы я бог знает что еще, если бы меня не лишили слова. Я вернулся на свое место. Никто на меня не смотрел. Я уже не существовал для них. Я не оправдал их ожидания. Потом с последним словом выступил Неврастеник и его сообщники. Они все, разумеется, признали свои ошибки. Они все осудили мое выступление как враждебную провокационную вылазку. Просили не исключать их из Братии, ибо они не могут без нее. Клялись искупить свою вину на любом участке нашего строительства, куда их пошлет Братия и т. д. Потом решали, как с ними поступать. Потом стали решать, как поступить со мной. Представитель Отдела сказал, что таким, как я, не место в Братии. На другой же день меня

уволители. Почему меня не забрали, не пойму до сих пор. Впрочем, это никогда не поздно. Они ничего не забывают. Рано или поздно мы получим по заслугам. Они лишь откладывают возмездие до более подходящего момента. Они знают, когда следует взять. Им виднее.

О машинном искусстве

Вчера по телевизору, говорит Кандидат, была грандиозная передача о машинном искусстве. Весь цвет нашей ибанском литературы, музыки, живописи и техники участвовал. А болтали ужасающие банальности. Все в один голос твердили, что машина не может заменить человека как творца произведений искусства. А примерами доказывали, что можно создать машины, которые будут писать стихи, рисовать картины и сочинять музыку не хуже людей. Мол, это все дает возможность лучше понять законы творчества и двинуться к дальнейшему расцвету и т. п. В этом деле, говорит Физик, есть аспект, о котором они, конечно, ни слова не вякнули: что власти оставят для людей, а что сочтут целесообразным передать машинам? И каким машинам? Машину можно построить так, что она будет сочинять романы в духе ибанического реализма. Как по-вашему, допустят у нас машины, которые будут рисовать в духе Мазилы? А кто будет заведовать машинами? Представляете картинку: правительство дает задание институту — сочинителю романов создать к будущей неделе сотню романов на такие-то и такие-то темы. И точно в срок романчики готовы. И никаких хлопот. В полном соответствии с требованиями теории и текущего момента. И сбудется затаенная мечта ибанских властей назначать в великие поэты, художники, композиторы проверенных и заслуженных лиц из своей же среды. Ох, и драться же они между собой начнут за это. Будут распределять по рангам, говорит Кандидат. Пять романов и десять опер в год — Заведующему. По два романа и по три оперы в год — Заместителям. И так вплоть до низших чинов. Им — стишата, рисуночки, песенки. Шутки-шутками, говорю я, но тут у них есть одна здравая мысль:

машинизация искусства позволяет лучше разобраться в законах творческой деятельности. Возможно, говорит Физик. А что это даст? Что мы — благодаря этому научим наших писателей (а их — сто тысяч как минимум!) сочинять лучше Шекспира, композиторов (а их сколько?!) — лучше Бетховена, художников (а их, этих сколько?!) — лучше Рафаэля?! Неужели ты думаешь, что уровень искусства зависит от способа и глубины познания его законов? Да и в этом ли действительные законы творчества? Абстрактно рассуждая, говорит Кандидат, человека можно заменить машиной в любом деле, какое он делает. Мыслима даже машина-муж. А машину-вождя даже я берусь построить. Но люди-то все равно остаются. А у них — интеллектуальные и творческие потенции. И свои проблемы. И разные проблемы. Одни у начальства, другие у нас с вами. Одни у одной

группы начальства, другие — у другой. В общем, все эти передачи исключительно для засирания мозгов рядовых идиотов нашего века. Пыль в глаза пускают. Внимание отвлекают. А в это время потихоньку душат талантливых писателей, художников, архитекторов, композиторов. Но есть же в этом хоть что-то положительное, говорю я. Конечно, говорит Физик. Только слово «положительное» тут не подходит. Просто в этой области живет и самоутверждается определенная масса людей. Делаются какие-то открытия и изобретения. Это влияет на общее состояние культуры. Это банально. И совсем на другую тему. С этой точки зрения даже космические исследования имеют какое-то «положительное» значение. Обидно, говорит Кандидат, такие средства вкладываются, выдающиеся умы работают, и все лишь для того, чтобы посредственнейшие проходимцы могли со временем сочинять сверхпосредственнейшую белиберду с помощью сверхгениальнейших сооружений. Творческие потенции людей, говорю я, все равно найдут себе выход в чем-то другом, если не в искусстве. Разумеется, говорит Физик. В бюрократии, карьеризме, стукачестве, трепачестве, надзоре, пресечении. И отчасти — в плясках и хоровом пении. Впрочем... А я вот обдумываю свою идею искусственного мужа, говорит Кандидат. Представляете, какой взлет науки и техники нужен для этого! Зато какие мужья пойдут! Получку не пропивают. В очередях стоят часами. По бабам не бегают. Дома — никаких склок. А нас куда, спрашиваю я. Нам, говорит Кандидат, остаются высшие функции, в которых машина не может заменить человека: проектировать и усовершенствовать механических мужей, сидеть на собраниях и принимать резолюции, осуждать и, самое главное, обслуживать механических мужей в момент исполнения ими супружеских обязанностей. Красота, говорит Физик, зато законы этого самого дела мы познаем с необычайной глубиной. А что касается наших потребностей — будем заниматься онанизмом. Да здравствует прогресс науки и техники, сказал Кандидат. Послушайте, с этими тараканами надо что-то делать! Они сожрали рукав у моей нейлоновой куртки!!

Перед дежурством я решил соснуть часок. И мне приснился жуткий сон. Отовсюду ползли полчища тараканов. Я бежал от них в ужасе, а они настигали и настигали меня. Внутренний голос шептал мне, что они не хотят мне зла. Наоборот, они хотят меня спасти и сделать таким же счастливым тараканом, как они сами. Я пытался кричать, что я этого не хочу, но голос не повиновался мне. Внутренний голос шептал мне: остановись, идиот, они же воплотили у себя все лучшие идеалы человечества, которые вдалбливали в твою дурацкую башку с детства и в которые ты до сих пор потихоньку веруешь! Взгляни! Равенство! Братство! Однако ужас во мне нарастал. Я прилагал чудовищные усилия убежать. Но безрезультатно. Они настигали меня. И я по традиции закричал: мама! и сделал грубую ошибку.

Гимн тараканов

Когда наступает тьма,
И мир погружается в сон,
Ползет тараканов тьма
Со всех щелей и сторон.
Из всех отдушин ползет,
И что подвернется, грызет.

Припев:

Нам плевать на угрозы,
На жару, на морозы,
И на химию в быту нам насрать.
Пусть враждуют народы.
Пусть хлебов недороды.
Нам всегда есть, где жить, что пожрать.

Ни чувства в пустой груди.
Ни мысли в пустых мозгах.
Лишь ряд за рядом груди!
Ползи, пока на ногах!
Крадися в ночной тиши!
Что встретишь — кромсай, круши!

Припев:

Ты жив, покуда ползешь,
Пока челюсть твоя ползет.
Все то, что сам не сгрызешь,
Собрат за тебя сгрызет.
Поступь прогресса верши!
Во тьме на помойке шурши!

Припев:

Помойка — вершина вершин.
Тут каждый равен с тобой.
Когда подыхает один,
Его заменяет любой.
И к идеалам ползет.
И идеалы грызет.

Припев:

Нам плевать на угрозы,

На жару, на морозы,

И на химию в быту нам насрать.

Пусть враждуют народы.

Пусть хлебов недороды.

Нам всегда есть, где жить, что пожрать.

Такова жизнь

Пришла Она, и мы отправились в наш кабинет. Но по Закону Всемирного Свинства именно в этот момент появился Поверяющий. Пришлось ставить бутылку и битый час выслушивать его бессвязную болтовню о том, какой он хороший. Не то, что другие. Когда я вернулся, ее лицо выражало скуку и желание спать. Она небрежно бросила тетрадь с моими записками на директорский стол и зевнула. Что за идиотская работа у тебя, сказала Она. Мне надоело. Надо с этим кончать. Послушай, вернись ты на старую работу. Напиши Им что-нибудь. Покайся. Пусти слезу. У нас это любят. Что тебе стоит?! Это же пустяки. У тебя будет хорошая работа. Вступим в кооператив. У меня кое-что есть. Папа подкинет. Зайдем. Сделай это ради меня. Пожалуйста! Как мы заживем! Ладно, сказал я. Я подумаю. Только вряд ли Они меня возьмут обратно. А ты попробуй, сказала Она. Я уверена, возьмут. Потом я спросил о своей писанине. Она сказала, что ничего не понимает. Слишком уж это все заумно. Верно, сказал я. Я сам вижу, что это дело надо забросить. Дилетантство это. Если уж такими проблемами заниматься, так надо становиться профессионалом. Человечество не первый год существует. И умники вроде меня водились и в прошлом в большом количестве. И наверняка додумались до всего задолго до моего появления на свет. Ты молодец, сказала Она. Я тебя люблю. Мне хорошо с тобой. И мне, сказал я. И мы были счастливы. В конце концов, годы страданий и раздоров стоят минуты счастья. Ладно, сказал я. Завтра же зайду в ИОАН.

В ИОАНе мне сказали, чтобы я не смешил людей. Мол, мне предоставляли возможности, но я их не использовал. Теперь поздно. Вообще-то говоря они проконсультируются с кем следует. Но надежды мало. Если, конечно, я сумею доказать всем, что осознал, тогда может быть. В общем, зайди через недельку. По дороге на квартиру я ругал себя последними словами. И мне было стыдно. Потом я вспомнил о Ней. И говорил себе: что ты в ней нашел? Таких баб кругом сколько угодно. И получше. Но я тут же ловил себя на том, что лгу. Не нужна мне никакая другая баба, кроме Нее. Мне нужна Она и только Она. И дело тут не в Ней, а во мне самом: я уже

поместил в Нее свою душу. И обратно ее взять я уже не могу. И не хочу. Итак, остается одно: ждать. О, господи, какой же я тогда был идиот! И из-за кого?! Из-за полнейшего ничтожества!!..

Крик души

Иногда мне хочется выйти на улицу и закричать: люди, остановитесь на минуту! Одумайтесь! Вот ты — зачем тебе этот идиотский дорогой гарнитур? Купи старенький шкаф и стол, а остальные деньги проживи — своди свою жену в ресторан, съезди с семьей куда-нибудь подальше, мир посмотри. Или ты — на что тебе эта зверски дорогая шуба? Купи дешевенькое пальтишко. Все равно в шубе ты не будешь лучше выглядеть. А оставшиеся деньги проешь. Но я не буду кричать. Бесполезно. Я однажды вдруг понял, почему люди стремятся покупать дорогую мебель и одежду, приобретать квартиры и машины. Вовсе не потому, что хотят лучше жить. А потому, что боятся хуже жить. Рядовой ибанец всю жизнь проходит не с надеждой на лучшее, а со страхом худшего. Надежда на лучшее у него появляется только тогда, когда его жизненный уровень опускается ниже всякого мыслимого и немыслимого предела, — когда хуже уже невозможно. И лишь тогда начинается улучшение и появляется надежда. И за нею следом идет страх худшего. Страх худшего — это наивысший жизненный уровень, на который подымается ибанский обыватель. Страх худшего есть симптом того, что ибанец достиг вершины, перевалил ее и начал свое неумолимое движение к худшему, к самому худшему и даже еще ниже.

Но на улицу я все-таки вышел. Дома оставаться было невозможно. Зять получил наконец-то гонорар и ухитрился часть его донести до дома. И теперь он спорил с сестрой, что покупать на эти деньги: новый полированный шкаф или цветной телевизор. Мать обвиняла их в эгоизме и требовала уважения к своей заслуженной старости: новый поролоновый халат с розовыми цветочками, в котором она собиралась спать по праздничным дням. Иначе она грозилась подать в суд. На улице в детском саду детишки младшей группы разучивали новую песню, которую недавно построили на Заводе Машинной Литературы с помощью автомата ГАДЮШНИК (название — по первым буквам фамилий великих писателей — Гомера, Данте, Шекспира, Ибанова и т. д.). Строила песню комплексная бригада нескольких институтов и лабораторий. Курировал ее сам Теоретик. В бригаду входило сто академиков-физиков, пятьсот академикоматематиков, тысяча триста одиннадцать поэтов-лауреатов, семьсот космонавтов, двести доярок, двести свинок, токарь-универсал, пятьдесят ветеранов войн и революций и многочисленные иностранные гости (по преимуществу — монголы, итальянцы, французы и даже американцы). Песня пришлась по душе ибанцам и буквально в два дня

покорила весь мир. Когда, например, ледокол «Хряк-Хозяин» прибыл в центральную Африку с пилюлями от кашля и пыжиковыми шапками, то местные индейцы развивающегося племени сексотов встретили его пением этой песенки на еще неизученном шифре... прошу прощения!.. языке. Ходят слухи, что французы и итальянцы хотят превратить эту песню в свой не то партийный, не то национальный (какая разница?!) гимн. Короче говоря, детишки разучивали песенку, готовясь, надо полагать, к очередному юбилею.

Мальчики и девочки!
Пуще, чем родителей,
Обожают, деточки,
Нас — руководителей.
В наших обещаниях
Вы не сомневайтесь.
В трудных испытаниях
Дружно улыбайтесь.

Ибанизма выше знамя!
Становись в единый строй!
Шагом марш! Вперед! За нами!
Шире в песне пасть раскрой!

В свой горшочек какайте.
Молча кашку лопаите.
Никогда не плакайте.
Лишь в ладошки хлопайте.
Крепкими, румяными Станете.
Солидными.
В ибанизме рьяными.
Воедино слитными.

Ибанизма знамя выше!
В строй единый становись!
Эй ты, там! Не в ногу дышишь!
С нами в такт приноровись!

Будете послушными —
Заживем всех краше мы.
Критиков придушим мы

Пальчиками вашими.
Вскроем взгляды ложные
Или уклонение.
Вдарим, как положено,
В них постановление.

Ибанизма выше знамя!
Тверже шаг! Ровнее строй!
Этот тип еще не с нами?!
Значит, бдительность утрой!!!!

Нашими заветами
Вякать наловчитесь.
И зимой ли, летом ли
Вовремя мочитесь.
Заткните ротик пряником
Скачайте в свои классики.
А мы сведем вас прямиком,
Куда велели классики.

Ибанизма знамя выше!
С места песню запевай!
Эй ты, умник! Иль не слышишь?!
Шагом марш! Не отставай!

Дети пели с большим энтузиазмом. Как большие, с умилением говорили прохожие. И мне стало очевидно, что идеи и дело ибанизма победят на всей Планете, во всей Галактике, во всей Вселенной. И тогда выяснится, что ибанизм бы заложен в самом фундаменте материи, а капиталисты и помещики это исказили. Даже атом окажется лишь маленькой ибанской конторой. И хромосома тоже. И неисчерпаемый электрон тоже.

Мальчики и девочки!
Лучше уж родителей
Обсирайте, деточки,
Не руководителей!
Иль вам будет туго, —
Как клопов раздавим.
Чуть чего — и в угол,
К стенке вас поставим.

Ибанизма выше знамя!
Становись в единый строй!
Прочь с дороги, кто не с нами!
Шире в песне пасть раскрой!

И я бодро пошagal по проспекту Победителей, насвистывая легко
запоминающуюся мелодию и четко печатая шаг. Жизнь не так уж плоха.
Хватит ныть! Надо уметь радоваться тому, что есть!

Ибанизма выше знамя!

Насчет клопов, конечно, малость преувеличили. С ними не так-то просто
справиться. Может быть при сверхполном ибанизме и передают. Но
пока... Ладно, не придирайся к пустякам!..

Становись в еди-и-и-и-ный строй!

Все очень просто: надо встать в общий строй и шагать в ногу со всеми.
Когда-то все ибанцы (за исключением уничтоженных) шагали в ногу и
были счастливы. Потом начался разнбой. И отсюда пошли все
умствования и страдания. Теперь вроде бы снова наводят надлежащий
порядок.

Прочь с дороги, кто не с нами!
Шире в песне пасть раскрой!

Но чтобы навести прежний порядок, нужны поучающие примеры. И не из
прошлого, хотя бы это было всего лишь вчерашнее прошлое, а из
настоящего и даже отчасти из будущего. Упреждающие примеры. Иначе
меры не будут иметь устрашающего значения. А где их взять, эти
примеры? Наши прогрессисты наложили в штаны задолго до того, как на
них по идее должны были указать пальцем: вот, мол, они! И теперь
указывать не на кого.

Мечта

Ты знаешь, о чем я мечтаю, говорит Она. Чтобы у нас была хорошая
квартира. Хорошая мебель. Продукты в магазинах хорошие. И без очереди.
Веселый малыш. Ты бы пришел с работы. Я бы приготовила вкусный обед.
Я, между прочим, могу хорошо готовить. А ты о чем мечтаешь? Я мечтаю
хотя бы один день прожить спокойно и беззаботно, говорю я. Не думая о
прошлом, о будущем, о начальстве, о социальных проблемах... Поехать бы
за город. Поваляться на траве... И кажется, все это — достижимо. Кажется,
все наши мечты примитивны. А попробуй, начни их достигать! Все это
достигается, но как! Никакой радости уже не остается. Даже на траве
поваляться — проблема. Как до нее добраться? Где поесть? Где ночевать?
Ты говоришь, вкусный обед. Для него надо пол-Ибанска обегать за

продуктами. Да и достанешь ли то, что нужно. А очереди! Ну тебя, говорит Она. Дай хотя бы пометчать! А ведь есть же люди, которые все это имеют. Хотя бы директор. Или твой Чин. Имеют, говорю я. А какую цену они платят за это?! Холуйство. Страх потерять место. Лавирование. Просиживание на заседаниях. Одно удовольствие им остается: сознание того, что они имеют многое такое, чего нет у нас. Но и оно призрачное. Нет, милая моя, в этом обществе есть что-то такое, что делает всех людей по преимуществу несчастными нытиками.

Сменщик

Самое главное в нашем положении, говорит Сменщик, твердо держаться выбранной линии. Если дрогнешь хотя бы на мгновение и хотя бы чуточку проявишь слабинку, пиши пропало. Там ведь тоже не дураки сидят. Не верьте тем, кто считает Их дураками. Слабинку они сразу заметят и начнут давить на нее с ужасающей силой. Я не знаю ни одного случая, чтобы человек после этого устоял. Так что если Вы не чувствуете в себе силы выстоять до конца, лучше не лезьте. А если уж встали на эту дорожку, то жгите за собой все мосты. Пути назад нет. Попытка вернуться назад — это даже не слабина, а полная капитуляция.

Сменщик говорил, а я чувствовал себя самым препаскуднейшим образом. Неужели я уже капитулировал — и перед собою, и перед Ними?! Легко сказать, держись. А для чего? Неужели для этих пустяковых записок?! После того, что написали Правдец, Певец, Двурешник и многие другие о нашем Ибанске, мои записки — капля в море. Правда, все они, как мне кажется, говорили о второстепенных и поверхностных явлениях нашей жизни, лишь мимоходом или случайно касаясь самой ее сути. А я, как мне кажется, вроде бы набрел на дорожку, ведущую к пониманию этой сути. И что же я установил? А лишь то, что для этого надо становиться профессионалом ибанологом. Надо изобрести еще самую эту профессию. А уж где там небанальные результаты. Под силу ли это мне? Вряд ли. Я один. И я слишком слаб в качестве одиночки. В этом я признаюсь себе честно. Так что же остается?

А если я капитулировал, то ради чего? Реально ли то счастье, которое чуть-чуть засветилось на моем темном горизонте? Порыв души, — насколько он глубок у меня и насколько адекватна ответная реакция на него?

Вчера ко мне заявился Поверяющий, говорит Сменщик. Вот сволочь-то, так сволочь! Решил разыграть из себя человека ООН. Потребовал сведения дать о Вас. А сам, гадина, рассчитывал лишь на поллитровку. Я его, конечно, под зад коленом. Разорался. Грозился доложить куда следует про нашу шайку. У нас с Вами уже шайка! Не обращайтесь внимания, говорю я. Эта мразь вряд ли из ООН. Там таких не держат. Просто спекулянт и

шантажист. Так-то оно так, говорит Сменщик. Но Вы напрасно таких гадов недооцениваете. Они вреда приносят очень много. По крайней мере можете считать, что один лжесвидетель против нас уже есть. Когда они меня начали разыгрывать по своим нотам, то я буквально с ног до головы был обделан именно такими гадами. Вы представить себе не можете, какое омерзительное состояние бывает, когда тебя насильно погружают в среду такого дерьма! Я не понимаю одного, говорю я, почему такое могущественное государство в борьбе с такими ничтожествами (с их точки зрения), как мы, опускается до таких подлых средств борьбы. Я думал об этом, говорит Сменщик. По моим наблюдениям тут накладывается множество различных жизненных слоев. Во-первых, самодеятельность подонков, спекулирующих на ситуации. Во-вторых, карательные органы должны изображать деятельность по общим канонам ибанской жизни. Надо же им оправдывать свой кусок хлеба, получать звания и награды. В-третьих, публика такого рода, как мы, тоже ведь не лыком шита. Среди нас появляются такие изворотливые экземпляры, что нужно много попотеть, прежде чем с ними справишься. В-четвертых, мы пробиваемся к самому сердцу ибанского общества — к правде о нем, и потому мы самый опасный враг для него. Можно назвать еще целый ряд разрезов жизни, играющих тут роль. И учтите ко всему прочему различие точек зрения. С Вашей точки зрения, например, Вы с большим трудом нашли низкооплачиваемую ночную работу. А с Их точки зрения? Но Они же сами, как Вы утверждаете, меня сюда направили, говорю я. Это не имеет значения, говорит Сменщик. Если раздуют дело, официально это будет выглядеть так, будто Вы обманным путем (скрыв диплом) пробрались в ответственное учреждение и свили там антиибанское гнездо. И это будет правда с точки зрения судей.

Где же выход, думал, я, расставшись со Сменщиком. А за каким чертом тебе нужен этот выход? Да пропади он пропадом! Единственный выход из безвыходного положения — не искать никакого выхода, а пребывать в нем. Плевать на безвыходные положения! Да здравствуют жизненные тупики! И я поспешил в забегаловку.

Собутыльник

Каждая вошь стремится использовать тебя в своих интересах, говорит мне новый случайный собутыльник. И при этом не как-нибудь, а во имя интересов Государства, Народа, Братии, Института, Отдела, Искусства и прочей священной общности с большой буквы. И все врут, сволочи. И ничего не поделаешь с их враньем. Хочешь воевать с ними — сам выступай от имени Государства, Народа... А это значит сам рвись в заведующие, директора, лауреаты... Значит, сам будешь с ними! И ведь единственный честный путь действовать ради Государства, Народа..., — это послать на... всю их демагогию о Государстве, Народе... А кто ты тогда есть?... То-то!

Потому-то я и положил на всех и на все с прибором... Осточертело все, во как!... Надо, брат, так настроить себя, чтобы не видеть ничего этого. И получать удовольствие просто от того, что жив. Что пока на воле. И в общем сыт. И вроде бы одет. И выпить можешь. Чего тебе еще?! Живи-наслаждайся. И пусть они там сами разбираются между собой, кто во имя, а кто нет. Ты прав, говорю я. Хорошо так, если есть какие-то минимальные гарантии. А если их нет? Если тебя вот-вот лишат этого всего? А ты не лезь, говорит Собутыльник, вот тебе и гарантии. А если, говорю я, уже поздно? Случилось так, что ты влез. Тогда как? А у тебя есть гарантии, что не влезешь? Вот ты сегодня с шефом поругался. А ты уверен, что он это оставит без последствий? А если раздуют дельце? Я бы принял твою концепцию, если бы была гарантия, что возврата к прошлым порядкам нет. А такой гарантии нет. Наоборот, все говорит о том, что поворот уже начался и идет на всех парах. Так что твой идеал скоро лопнет, как мыльный пузырь, хотя он и примитивен до безобразия. Неужели ты сам не чувствуешь? Твоя позиция Их вполне устраивает, но не как постоянная установка, а как временное средство. Потом Они с тебя шкуру сдерут. За что? За то, что не помогал Им активно. Нет, брат. Нейтрал в нашей жизни — сначала помощник Им, в потом — жертва. Ты меня не пугай и не агитируй, говорит Собутыльник. Все равно я другим не стану. Мы все равно другими не станем, и в этом суть дела. Все решает то, сколько в обществе таких, как я, как твой Сменщик, как ты, как Правдец, как Двурушник... Чтобы у нас произошли реальные перемены, нужны определенные изменения пропорций лиц таких типов. А это — история, а не результат постановления или призыва. Сейчас в Ибанске количественное соотношение основных социальных типов людей таково, что возможен только возврат в прежнее состояние. Сроки, скорость и форма возврата зависят не от сопротивления лиц типа Сменщика, Правдеча и т. п., а от чисто технических возможностей властей восстановить статус-кво. И только от этого. Издадут наши власти указ вернуться в состояние, какое было при Хозяине, или указ не возвращаться, все равно мы в это состояние вернемся. Возвращаемся уже. Скорость возврата не увеличится, если завтра во всех газетах напечатают портрет Хозяина и призыв восстановить его порядочки. Скорость возврата зависит от размеров страны, от числа людей, от числа учреждений, от иерархии учреждений, от иерархии власти и т. д. Она не может быть больше некоторого максимума.

Забегаловка постепенно заполняется всякого рода сбродом, вроде нас. Крики, мат, дым, грязь, вонь. А уходить отсюда не хочется. И мы с Собутыльником постепенно упиваемся. И все окружающее нам уже не кажется убогим. Наоборот. Убожеством кажется все то, что вне забегаловки и этого скопления пьяных людей. Что за жизнь, говорит Собутыльник, заранее переживать будущее зло! Делать предложение девушке с сознанием, что она тебе изменит! Заводить разговор с человеком

с мыслью о том, что он настучит! Начинать книгу, зная о том, что ее не напечатают, или, хуже того, что за нее тебе дадут по шее, если узнают о ее существовании! Еще не состоявшаяся радость несет с собой сразу же яд огорчения. Так что лучше ничего вообще не начинать. Пусть происходит неожиданно и случайно. Я шел сюда, не зная, что встречу такого приятного собеседника, — нечаянная радость. А вот баба какая-нибудь подвернется, — маленькая, но тоже радость. И никаких априорных огорчений. Попробуй, поживи так год-другой. Сам убедишься, что так лучше. У меня это не получится, говорю я. К тому же поздно. Вряд ли у меня будет этот год-другой для житейских экспериментов.

Не верь тому, что я тебе тут наплел, сказал Событьельник на прощание. Ничего из этой затеи все равно не выйдет. Только на время забудешься. Знаешь, какое открытие я сделал сейчас? Если даже кошмары времен Хозяина не повторяются, то общество обречено вечно жить под угрозой их повторения. Это проклятие на века. В основе нашего общества лежит преступление. А на преступлении нельзя основать безмятежно счастливую жизнь. Правдец прав, единственное спасение от этого кошмара памяти — полное и чистосердечное признание во всем. Но мы не способны на это. Мы стремимся и будем стремиться замалчивать. И потому мы никогда не забудем. Пока!

И мы разошлись, даже не пожав друг другу руки на прощание. Кто ты, человек? Из какой судьбы ты возник? Куда ты ушел? Почему такие, как мы (как я, Сменщик, Событьельник) не прилепляемся друг к другу? Встретимся раз-другой, и расползаемся кто куда.

Ибанские тайны

Заехал Чин и развел демагогию о том, что начальство не даром ест хлеб, ибо трудится больше всех и вкладывает в дело выдающиеся таланты. Мы не стали спорить: если человек убежден в правоте своих слов, его не переубедишь. Однажды, сказал Кандидат, когда Чин уехал, нас заставили обрабатывать данные, собранные одной закрытой социологической лабораторией. И мы установили строгий математический закон, который знали еще до обработки опытных данных: чем выше ранг руководителей, тем легче труд, меньше требуется талантов и выше вознаграждаемость. Именно большая легкость труда, меньшая надобность в таланте и лучшая вознаграждаемость являются самыми привлекательными качествами руководящей деятельности в Ибанске, — истина, известная даже младенцам. А знаете, зачем социологи собирали сведения? С целью улучшения работы аппарата управления и очищения его от карьеристов. А видели вы где-нибудь публикации на эту тему? И не увидите. Это — сверхсекрет. Когда нам поручали обработку сведений социологов, с нас взяли подписку о неразглашении государственной тайны. Из-за нее меня до

сих пор не выпускают даже в Берлин. Какой же это секрет, если все заранее известно даже младенцам, сказал я. Очень просто, сказал Физик. Во-первых, подтверждение. То, что мы знаем без социологии, это — лишь наше мнение. Его можно оспаривать, приводя противоречащие примеры. Во-вторых, масштабы и реальные величины. Пока ты знаешь, что начальство прожирает больше тебя, это естественно. А когда узнаешь неоспоримый факт, что оно прожирает больше тебя в сотни раз, это заставляет волноваться. Смешно, сказал Кандидат. В Лаборатории Творчества в те же либеральные времена разработали систему тестов для определения умственных способностей. Социологи попытались по ним исследовать соотношение способностей и ранга руководителей. Намерения были самые добропорядочные: оправдать существующее положение. И что же? Им запретили это делать в самом начале. Ходил слух, будто сам Заибан сказал однажды по пьянке, что им и без науки известно, какими дегенератами укомплектован у нас аппарат управления. Боже мой, воскликнул Физик, до чего же у нас все скучно! Чего от нас хотят? Чтобы мы считали существующий порядок справедливым и наилучшим. Чтобы мы уважали и любили начальство. Чтобы мы любовались их кривляниями, считали их мудрыми и талантливыми. В общем, чтобы мы обеспечивали спокойствие и приятность их идиотского образа жизни. И больше ничего! Вот вам и вершина развития материи!! Физик начал последними словами поносить... таракана, который по глупости заскочил в кабинет Чина, который мы в данный момент изолировали от раздражающих звуков внешнего мира.

Житейские мелочи

Зятю потребовались какие-то справки. Три часа потерял в самой вшивой конторе нашей системы всеобщего конторства — в домоуправлении, и без толку. Пришел домой злой, понося все на свете. Безобразие, кричал он. Каждая вошь над тобой куражится! Ты зря возмущаешься, сказал я. Ты же сам в своей последней статье писал о подлинно народном характере ибанской власти. И она действительно такова, ты сам сегодня испытал это на собственной шкуре. Зять сказал, что таких, как я, давно пора (что именно?), и ушел, хлопнув дверью. Опять надрызгается, мерзавец, сказала сестра.

Я попытался заснуть, но не смог. Стал думать, о чем бы я сейчас пожалел, если бы сию минуту пришлось расстаться с жизнью. И не смог назвать ничего. Вспомнил о Ней. Но мысль тут же ушла в унылое детство. Если в Ибанске человек становится отщепенцем, он погибает в силу своих внутренних психологических причин задолго до того, как его ликвидируют внешние силы. Мистика? Нет. Я такого рода примеры встречал в работах историков, изучавших первобытные народы. Очевидно, человеческое Я есть лишь постольку, поскольку есть какое-то Мы, с которым оно

органически связано. Отрицание Мы имеет следствием отрицание Я, — законное наказание за дерзость восстания против самой природы ибанского общества, против самой глубинной основы общественности вообще.

В конторе меня ожидало новое наваждение: совместное заседание Жилищной Комиссии и представителей Дирекций, Месткома и Бюро. Оказывается, Конторе выделили десять квартир. А включенных в очередь нуждающихся по меньшей мере полсотни. И по меньшей мере полсотни нуждающихся сотрудников не имеет перспектив даже быть включенными в очередь: или потому, что у них на каждого члена семьи приходится чуть-чуть больше минимума метров, либо по другой причине. Меня, например, когда брали на работу, предупредили, чтобы я не рассчитывал получить жилье за счет Конторы. И заставили подписать бумажку, что я претензий по этой линии не имею. А сколько молодых специалистов готово подписать любую бумажку, лишь бы не ехать на периферию! Комиссия заседала до полуночи. Ближайшие претенденты ждали и переживали. Зрелище — для античной трагедии. Нескольких отпаивали лекарствами. Двоих отвезли на Скорой Помощи. Претенденты один за другим подходили ко мне и изливали душу. И странно, я не заметил ни одного случая, чтобы положение было действительно катастрофическим. Помню, когда нам на шесть человек дали двухкомнатную квартиру, мы были безумно рады. А тут сражение шло за комнату на двоих и даже на одного. Прогресс! И страсти пропорционально возросли.

Потом мы разговаривали на эту тему со Сменщком. Я все это и раньше замечал, сказал я. Но никогда не придавал значения. Знаете, среди некоторой части наших идиотов еще пользуется успехом принцип: быть выше житейских мелочей. Удобный принцип, сказал Сменщик. Раньше им пользовались вовсю. Теперь поклонников у него все меньше и меньше. Я под его обаянием всю жизнь проходил. Удобный принцип. Для начальства, конечно. Да и для нищеты тоже. Успокаивает. Внимание отвлекает. А заведующий справочной группой умер от инфаркта, сказал я. Квартиру вместо него дали какому-то Холую, родственнику Начальника Главка. Ничего себе, братство! Борьба между людьми за жизненные блага — извечный закон человеческого бытия, сказал Сменщик. Это тривиально. Важно установить, в чем конкретно в данном обществе заключаются жизненные блага, за которые идет борьба, какими средствами она ведется и кто имеет преимущества в этой борьбе. Одно дело — борьба за более легкую работу, за грошовую надбавку к зарплате, за дополнительный метр жилплощади... Другое дело — борьба за работу, требующую отдачи всех сил и способностей, но дающую большие средства существования, за большие прибыли, за более высокое качество продукции, за новые рынки сбыта... Если, например, борьба идет за обладание женщиной, и борющиеся имеют в своем распоряжении лишь зубы, мускулы и дубины, получится один эффект. Если борющиеся имеют при этом в своем распоряжении смазливую рожу, острый язык и способность танцевать,

получится другой эффект. Если же борющиеся располагают или не располагают такими средствами, как возможность устроить в институт, на хорошую работу, в аспирантуру и т. п., повысить зарплату, дать премию и т. п., то получится уже третий результат. В одних случаях в борьбе имеет преимущество талантливый, образованный и добросовестный человек. В других — бездарный холуй и жулик. Я вовсе не утверждаю, что общества строго различаются набором всех этих показателей. В любом обществе найдешь все примеры. Я утверждаю лишь то, что в каждом типе общества что-то преобладает, воспроизводится, поощряется, имеет преимущества. Собственно говоря, именно это-то и определяет тип общества и его главную тенденцию. Посмотрите на наше ибанское общество. Какие жизненные блага стали у нас предметом борьбы? Все самые необходимые и обычные: еда, жилье, одежда, отдых, зрелища. Что становится главным оружием в борьбе за это? Социальное положение. Место в служебной иерархии. Личные связи (знакомства, взаимные услуги, блат, взятки). Кто имеет преимущества? Это известно даже младенцам. Отнюдь не талант, не бескорыстный трудяга. А интриган, карьерист, хапуга, холуй, приспособленец, доносчик, бездарь, серость. Разумеется, есть исключения. Местами даже могут преобладать иные, противоположные качества. Но в целом и в главном дело обстоит именно так, как сказал. Именно это, а не лозунги, программы и прочие идеологические штучки определяют основные черты нашего общества и его основные тенденции. Они лишь оформляют, украшают, усиливают и охраняют эту прозаическую суть дела. Выходит, спросил я, навечно. Не обязательно, сказал Сменщик. Какая-то часть людей, начав борьбу против этого, может породить другую тенденцию. Может сложиться устойчивая традиция такой борьбы. Могут изобрести защитные средства. Могут сложиться влиятельные сферы жизни, без которых общество не может жить и в которых картина будет иной. Да мало ли что может произойти. Человечество найдет выход. Или погибнет. В лучшем случае — превратится в окончательную мразь. На это нужны века, а не годы, сказал я. Ну и что, сказал Сменщик. Мы же с Вами пока живем. Мы кое-что понимаем. И кое-что вносим в желаемый поворот истории. Слабое утешение, сказал я. Физик считает, что все наше шебуршение не оставляет никаких следов в истории. Оно социально не ощущается, как мы не ощущаем ультразвук. Вот Правдец... Как знать, сказал Сменщик. И Правдецы выходят из таких, как мы. К тому же дело не в этом. Если ты окружен жестоким и беспощадным врагом, выход один: дерись до последнего вздоха.

Вы получили эту жизнь в готовом виде, сказал Сменщик. У Вас нет чувства вины. А я это общество строил. Защищал. Оправдывал. Я вот сейчас пытаюсь подсчитать, сколько человек в свое время погибло и пострадало по моей вине. Страшно... У нас за преступления многих всегда расплачиваются одиночки. Я еще и сейчас не уверен в том, что прав я, а не Они, мои бывшие соучастники. К тому же у Вас впереди еще есть какое-то

время, а у меня — нет. У меня его тоже нет, сказал я. Но у меня и прошлого нет. Нет даже чувства вины — по крайней мере этого настоящего человеческого чувства. И выбор у меня простой: либо я вместе со всеми участвую в нелепой ритуальной пляске разукрашенных дикарей нашего просвещенного века, либо я должен стать ритуальной жертвой в их идиотской оргии. Третьего не дано. И я чувствую, что меня сейчас как будто специально готовят именно для роли ритуальной жертвы. И никто не отдает себе отчета в реальной сущности происходящего. А мы еще гордимся тем, что познали законы природы и общества, и свысока смотрим на чудом уцелевших музейных дикарей, на древних египтян, инков, ибанских язычников и прочих недоразвитых (на наш просвещенный взгляд) народов. Но к чему все это?! Ни к чему, сказал Сменщик. Просто так. Просто это есть нормальная жизнь этого трижды нормального общества. Это — его натура. И знаете, что меня больше всего страшит? То, что я не вижу никаких иных средств улучшения, кроме тех, которые декларирует наша официальная идеология и демагогия, — кроме реальной борьбы за воплощение идеалов ибанизма в жизнь.

Выбор

Пришел Поверяющий. На сей раз не один. Его сопровождал человек, принадлежность которого к ООН ощущалась даже через запертую дверь. Поверяющий остался вместо меня на посту, а мы с Сопровождающим ушли в кабинет директора. Вы догадываетесь, откуда я, спросил Сопровождающий. Вижу, ответил я. Прекрасно, сказал он. Вам, очевидно, известно, кто такой Ваш сменщик. В общих чертах, сказал я. Он пытается установить с Вами контакты, не так ли, спросил Сопровождающий. Мы изредка с ним встречаемся по службе, сказал я. А вне службы, спросил он. Иногда, сказал я. В забегаловке, по поводу полочки. И о чем вы разговариваете, спросил он. О чем все говорят, сказал я. Обо всем. А конкретно, спросил он. Не помню, сказал я. Я не стремился запоминать. К тому же это обычно полупьяный сумбур. В нем нет никакой последовательности и связи. Хорошо, сказал он. Вот Вам списочек вопросов. Я его оставлю Вам. Постарайтесь ответить на них. Потом поставьте здесь свою подпись. И не валяйте дурака, Вы же не младенец. Содержание Ваших бесед со Сменщиком нам хорошо известно и без этого. Мы Вам даем шанс. Учтите, это — последний шанс. Утром я зайду к Вам. Потом позвонила Она. Сказала, что безумно скучает, но прийти не может. Грипп. Так что дней пять мы не увидимся. Потом я перелистал вопросник. Десять листов. На первой странице вверху напечатано. Я... (фамилия, имя, отчество, год рождения, партийность, национальность, место жительства, место работы)... считаю своим долгом сообщить следующее о моих отношениях с... (фамилия, имя, отчество и прочие известные вам

сведения). Затем все двадцать страниц — вопросы с левой стороны страницы, а с правой — место для ответов. В конце двадцатой страницы — место для даты заполнения и подписи. Более ста вопросов. Бог мой, каких только среди них не было! Что говорило упомянутое лицо о Заведующем, об ибанском искусстве, о внешней политике, о западном образе жизни, о Правдеце... Не замечал ли я, что упомянутое лицо занимается гомосексуализмом, спекуляцией, совращением малолетних, сочинением и распространением текстов... Вопросник меня заинтересовал, и я даже забыл на время, для какой цели он оказался передо мной. Данные интересующего Их лица — Сменщика — уже были впечатаны в анкету на машинке. Оказывается, он не такой еще старый. А выглядит как дряхлый старик. Любопытный документ, эта анкета-вопросник!! А что, если передать ее кому следует?! Вот шумок поднимется! А кому? У меня же никаких знакомств и связей. Сопровождающий сказал, чтобы я не валял дурака. Связаться с кемнибудь Они не дадут. Это ясно. Ну что, многоуважаемый Правдец, как бы ты поступил на моем месте? Ходит слух, что даже ты в свое время кое-что подписывал. И что-то не слышно было, чтобы ты этот слух опроверг. Так как же? Вот я сейчас возьму и разорву эту анкетку. И что? Поза! А для кого? Нет, на этом тоже только идиотов ловят.

Опять позвонила Она. Говорит, не спится. Говорит, думает о нашей будущей квартирке. Скоро отпуск. Может быть вместе махнем на юг? Конечно, вместе. У нее блат в месткоме. Пара путевок гарантирована. Ну, не случай. Целую, пока!

Зачем все-таки это Им нужно? Ведь человека нет давно. Одна тень осталась. А я? На что я им нужен? Кто я такой с их точки зрения? Ничтожество. Полоумный. На что я-то им? Нужен, значит. Раз работают, значит нужен. Самый трудный час, говорил Сменщик, не тот, когда ты ждешь приговора. Тут от тебя уже ничто не зависит. Тут выбора нет. Самый трудный час — это когда надо сделать выбор: или на эшафот, или домой в теплую кровать. И выбор зависит только от тебя самого. Верно! Но выбор-то приходится делать разным людям и в разных условиях. И есть еще форма или способ сделать этот выбор. И цели. И тактика. Мне на Них в общем плевать. И что будет со мной — тоже плевать. И не из-за желания попасть в теплую кровать. Я не могу объяснить, почему. Я мог порвать анкету. Но это — поза для литературы и для воспоминаний уцелевших. Дело в конце концов не в том, заполню я ее или нет, а в том, как я ее заполню, если буду заполнять. Заполнять ведь тоже можно поразному. Уловка? Возможно. Без уловки нельзя. Без уловки тебя все равно раздавят как идиота. Уловка перед самим собой? Ну и что. Без этого не найдешь лучшего решения. С какой точки зрения лучшего? Все упирается в одно: чего ты хочешь! Пока я хочу выстоять, уцелеть. Не ради спасения своей шкуры. Я чувствую, что я могу Им подложить свинью. И где-то в глубине души хочу этого. И хочу, чтобы моя свинья была поболее. А вдруг

удастся?! Ты же, Сменщик, сам говорил мне как-то, что надо суметь жизнь продать подороже!

И я начал заполнять анкету. И мне даже весело стало. Главное — заполнить так, чтобы она не могла стать документом против Сменщика. Это уже вопрос литературной техники. Чтобы никакой кусочек из нее нельзя было изъять в качестве свидетельского показания. Или хотя бы чтобы он звучал издевательски и смешно. Поэтому я ради точности снабдил все речи Сменщика отборным матом. Например, на вопрос о том, что Сменщик говорил об ибанской литературе, я написал: он говорил, что наш и интеллектуалы считают наших ибанских писателей проститутками и м... ..и, а напрасно, так как наши писатели точно отражают нашу жизнь (надо только уметь читать их), и пишут они для народа, а народ любит именно то самое, что они для него пишут. А на вопрос о том, что Сменщик говорил об ибанских руководителях, написал: он говорил, что они вовсе не такие уж кретины, как думают наши оппозиционеры и на Западе. На вопрос же о том, что Сменщик говорил об ООН, написал: он говорил, что интеллектуальный и нравственный уровень ООН сейчас неизмеримо выше таковых Академии Наук, Союза Писателей, Союза Художников, Союза Композиторов и прочих творческих организаций Ибанска. В таком духе я заполнил всю анкету. Конечно, поза получилась не очень театральная. Но мне не предстоит стоять перед судом истории.

Утром пришел Сопровождающий. Мельком просмотрел анкету. Не густо, сказал он. Впрочем, для начала сойдет. Он уверен, что будет продолжение, а я уже не надеюсь даже на это.

Закрытое совещание

У входа в контору меня ждал... Неврастеник. Мне с тобой серьезно надо поговорить, сказал он. Ты знаешь, конечно, что состоялся закрытый Пленум по вопросам идеологии? Хотя мне хотелось спать и совсем не хотелось разговаривать с Неврастенком, я невольно насторожился. И тебе известны подробности, спросил я. Кое-что, сказал он. Это «кое-что» оказалось довольно солидным: Неврастеник бубнил мне больше часа. Трудно сказать, что в его сообщении было правда, что слухи, что собственные домыслы. Да это не важно. Важен лишь сам факт Пленума на эту тему и его общая ориентация. А тут и без знакомств в высших сферах заранее ясно: ослабили воспитательную идеологическую работу, притупили бдительность, допустили nepозволительную терпимость к влиянию враждебных теорий, нарушали принцип партийности и т. д. и т. п. А что мне до всей этой бодяги, спросил я, когда Неврастеник исчерпал свои сверхсекретные сведения. Судя по всему, сказал он, нашу историю опять будут раздувать. У меня к тебе в связи с этим просьба. Не мог бы ты написать письмо... И он путано начал объяснять мне, какого рода письмо

требуется: я должен помочь ему выбраться сухим из воды и переключить огонь на себя, поскольку мне теперь все равно, а у него докторская погорит. Могут и выгнать. В общем... В общем, сказал я, я согласен. Только как это сделать конкретно, думай сам. Лишь бы я не выглядел подонком и идиотом. И потом, мое письмо — это глупо. Пусть кто-нибудь еще напишет, а со мной пусть придут побеседовать. Так лучше будет. Это — идея, сказал обрадованный Неврастеник. И мы дружески расстались. Идея Неврастеника проста: вали все на меня! Но он — благородный человек. Он должен согласовать это со мной, предупредить. Кретин! Если мне суждено сыграть в истории роль, какую ты мне хочешь навязать, так не от тебя это зависит. Но скорее всего он — не кретин. Наверно он что-то пронюхал и на этот счет. И на всякий случай подыгрывает. И нашим, и вашим. Больше вашим, чем нашим. Представляю себе, какая суетня теперь идет в наших идеологических кругах! Точнее — в их кругах! В рассказе Неврастеника мелькнуло выражение «идеологическая диверсия». Я сначала не обратил на него внимания. Мало ли у нас таких выражений употреблялось!... Но сейчас, кажется, оно мелькнуло не случайно. По всей вероятности именно в этом суть дела! Для меня важно не столько то, что будет зажим (это не ново!), сколько то, в какой форме он будет осуществляться. Если в форме борьбы с идеологическими диверсиями, то Неврастенику не поздоровится. Ну и мне, само собой разумеется. И еще неизвестно, кому больше. Кажется, этот прохвост хочет выглядеть невинной жертвой... чьей?... Очевидно, моей. А то и поглубже. Через меня — жертвой Сменщика? Впрочем, хватит. Так можно додуматься бог знает до чего. А откуда он узнал, что Сменщик работает вместе со мной?

Шантажист

В забегаловке к нам подсел веселый, подтянутый мужчина лет пятидесяти. Разговор пошел о ничего не значащих пустяках. Но я все время ощущал в речах собеседника какое-то глубоко скрытое напряжение. Кто такой, спросил я Сменщика, когда наш собеседник ушел. А Вы разве его не знаете, удивился Сменщик. Это же Шантажист. Фигура в Ибанске довольно известная. Многие считают его сумасшедшим. Не без этого, конечно. У нас в Ибанске без этого нормальный человек не может обойтись. Но если даже он сумасшедший, это — очень сильный и опасный кое — кому человек. И Сменщик рассказал мне историю Шантажиста. Еще в юности Шантажист начал собирать вырезки из газет и журналов, фотографии. Записывать анекдоты и слухи политического характера. Что его побудило начать заниматься этим, не известно. Во всяком случае когда Хозяин в свое время расправился со своим Конкурентом, Шантажист по свежим следам проделал свое расследование убийства Конкурента и насобирал кучу интересного материала. А ведь он тогда был совсем

мальчишка! Потом — война, и новые материалы. После демобилизации сбор и обработка материалов, обличающих режим Хозяина, стали делом его жизни. Потом Хозяин умер. Речь Хряка. Либеральная эпоха. Шантажист сильно переживал: опоздал! Но вскоре он понял, что дело не только и не столько в Хозяине. И еще понял, что судьба дает ему неповторимый шанс: время! И он занялся своим делом всерьез и профессионально. Окончил два факультета. Жил впроголодь. Работал за десятерых. И создал целую систему сбора документов, свидетельских показаний, фактов и т. д. Ему поставляли информацию даже крупнейшие лица Ибанска (не зная, конечно, для каких целей и куда идет информация). Он собрал компрометирующие документы на всех ведущих руководителей. Например, он достал фотокопии с нескольких десятков доносов, которые еще в юношеские годы и затем в годы начала своей карьеры писал на своих друзей и коллег Теоретик. Дело Конкурента он расследовал до самой глубины. Несмотря на многократные чистки уцелело, оказывается, несколько десятков косвенных и несколько прямых свидетелей. Потом — новое огорчение: выступления Правдеца. Однако и это пошло ему на пользу. Он сократил работу в этом направлении и полностью сосредоточился на более важных сторонах ибанской жизни. Короче говоря, за тридцать с лишним лет такой деятельности он собрал материалы огромной обличительной силы, обработал их в книгу. И какую! Десять огромных томов. Переправил ее Туда. Там нашлись заинтересованные лица. Книгу надежно спрятали в какой-то банк. Эксперты оценили ее в полмиллиарда!!! Составили завещание, в котором учли все возможные случаи. Например, если Шантажиста посадят в тюрьму или в сумасшедший дом, книгу начнут немедленно издавать. Книга хранится как золото или бриллианты. Банкирам выгодно. И прочим участникам дела какая-то доля перепала. А издание книги будет вдвойне выгодно. Причем, весь гонорар он завещал употребить на оплату статей в газетах и журналах, передач по телевидению и радио, кинофильмов и т. д. Все продумано. Удар получится грандиознее, чем было с книгой Правдеца. Пока он не хочет печатать книгу. Он, видите ли, ибанец. И хочет добра ибанскому народу. А книга, как он боится, сейчас может принести только вред. Он хочет, чтобы ибанцы стали жить на уровне западных народов. Хочет спокойного обсуждения путей к этому. Впрочем, кто его знает, какие у него замыслы. Насколько всему этому можно верить, спросил я. Трудно сказать, ответил Сменщик. Я его знаю давно. Иногда он высказывается так, что производит впечатление в высшей степени осведомленного человека. Иногда его суждения мне кажутся фантастическими. Не берусь судить. Вместе с тем, откройте хотя бы сегодняшние газеты. Даже теперь можно сделать не один десяток вырезок, которые через десять лет могут стать обличительным материалом. А ведь в те годы у нас в прессе не церемонились. Была полная уверенность в безнаказанности. А либеральные годы?! Разоблачительные материалы буквально валялись под ногами. Так что нет оснований не

верить ему. А как к этому относятся в ООН, спросил я. Знают, ответил Сменщик. И пока они не решаются его взять. А вдруг?! Как-то они решили раскопать кое-какие его дела. Тогда он и всучил им фотокопию одного из доносов Теоретика. И предупредил, что если они не прекратят, его книгу начнут печатать по условиям завещания. Представьте себе, прекратили! Шантаж, сказал я. Нет, сказал Сменщик. Тут серьезнее. Если нет Бога, функции следователя, прокурора и судьи может взять на себя любой человек. Это его моральное право. А разве Правдец не выполнил именно эту роль?! Не шантаж, а угроза разоблачения безнравственной и бесчеловечной подоплеки поведения отдельных людей, групп и целых слоев населения. И даже целых народов. Если допустить, что такая книга есть, каков будет эффект ее публикации, спросил я. Думаю, что колоссальный, ответил Сменщик, Он может перейти все границы и стать жизненно опасным для ибанского народа вообще. Дело в том, что в мире сейчас назрели огромные антиибанские силы. Если их объединить, дать им знамя, оправдание, удар может получиться сокрушительный. Книга Правдеча была первой стихийной попыткой такого рода. А если будет более всеобъемлющий материал и сознательная широкая организация реакции на него?!..., По-моему, опасения Шантажиста вполне здравы. Я бы на его месте тоже не сразу решился бы на публикацию таких материалов. А может быть вообще не решился бы. Вы поймите, для таких людей не играет роли известность, успех и прочие земные блага. Они не корыстны и не тщеславны. У них другие мотивы и цели.

Всю ночь я обдумывал проблему Шантажиста. Несколько раз звонила Она (я уверен, что — Она), но я не снимал трубку. И спать мне не хотелось. Я искал в себе силы и способности сделать нечто подобное. И в конце концов решил проблему тривиальным образом: если бы я даже захотел повторить дело Шантажиста, мне бы не дали этого сделать. Время не то. И судьба моя не та. У меня другая судьба. И я не волен изменить ее. Правдец явил образец Суда. Шантажист навис над ними как постоянно действующая угроза расплаты в будущем. А я? Я — ягенок, которого вот-вот должны принести в жертву нашим Ибанским Идолам. Я — лишь песчинка в том материале, который соберет будущий Шантажист. Если, конечно, эта песчинка попадет в поле его внимания. Молю, чтобы она попала. И ничего больше мне не надо. Пусть хотя бы песчинка. Хотя бы даже без имени.

Симптомы

Сегодня в Газете напечатана новая поэма Распашонки. Поэма не просто холуйская, а сверххолуйская. И явно написана наспех. Если уж Распашонка, который пятнадцать лет изо всех сил стремился изображать из себя духовного вождя передовых сил общества, пошел на такой шаг, значит слухи насчет идеологического пленума — не вранье. В поэме Распашонка

клялся и божился, что он всегда стремился верно служить Братии и Народу, мимоходом зацепил Правдеца и Певца, обвинив их в предательстве, и в заключение заявил, что его подлинное имя — Ибанск, а Распашонка — это лишь его псевдоним. И уже к вечеру в Ибанске молниеносно распространилась эпиграмма неизвестного автора. Заканчивалась эпиграмма такими словами:

Торчал в Ибанске или был как иностранец,
Строчил стишки или считал деньжонку,
Всегда ты был отъявленный засранец
По имени (не с псевдонимом!) Распашонка.

В Установочном Журнале опубликовали огромную и погромную редакционную статью по поводу искривлений, отступлений и нарушений в литературе и изобразительном искусстве. В Литературном Журнале один из видных идеологических вождей опубликовал большую статью по поводу все тех же искривлений, отступлений и нарушений. В той и другой статье неоднократно фигурировало выражение «идеологические диверсии». И кончались обе статьи призывом искоренять, предупреждать и воспитывать на примерах. Значит, Неврастеник рассказывал правду.

Хотя приближение грозы ощущалось, она еще воспринималась как нечто нереальное, скорее как нечто опереточное. Раскаты грома раздавались глухо, где-то очень далеко. Они непосредственно нам пока не угрожали. Кандидат и Физик, до' которых тоже дошли слухи (газет и журналов они не читают принципиально), были настроены юмористически. И мы основательно повеселились на счет Распашонки и установочных статей в Журналах. Такой мрачной галиматьи со времен Хозяина не было в нашей печати, сказал Физик. Видать, решили за нас взяться всерьез. Меня, слава богу, это не касается, сказал Кандидат. Не будь младенцем, сказал Физик. Это касается всех. Голову даю на отсечение, за этим кроется весьма прозаическая вещь: наверняка будут повышать цены на все предметы потребления и гнать людей на новые великие стройки, куда добровольно сейчас не едут даже жулики и герои. И, разумеется, начнут очищать Ибанск от всех оппозиционеров, главным образом — от бывших и потенциальных. Так что жди гадостей!

Ожидание

Я ждал одно и днем, и среди ночи,
И ждать другое что мне не было дано:
Когда любимая изменит между прочим,
Когда коллега настроит донос,
Когда клеймить правдивого заставят,

Когда кретина в гении прикажут обряжать,
Когда цену на что-нибудь по-тихому набавят,
Когда за анекдот опять начнут сажать.
Когда... Когда... Когда... Когда... Когда...
Я только это ждал и ждал всегда.
Один, на людях, днем, и среди ночи,
И раньше, и потом я ждал одно всегда:
Вот-вот стряसेся, говоря короче,
Объявленная благом черная беда.
Пока живой, беду (не радость) жду я.
В нее лишь верую. Попробуй, не поверь!
Она — не вождь. Не лозунг. Не надует.
Непрощенная явится и застучится в дверь.

О чем говорят ибанцы

Удивительное дело, сказал Физик. Я бывал в самых разнообразных компаниях: академиков, писателей, генералов, министров... Я был однажды в гостях даже у Самого! И повсюду одни и те же разговоры: жратва, тряпки, квартиры, дачи, машины... В лучшем случае — бабы. Менялись только уровни и виды. И лишь чуточку — выражения. Академик, например, говорил «переспать», генерал — «отодрать», министр — «задуть», писатель (как самый воспитанный, естественно) — «еб... ь». А так — одно и то же везде. И только после того, как меня вышибли отовсюду, я стал иногда вести с людьми содержательные интересные разговоры. У кого что болит, тот о том и говорит, сказал я. Нам не остается ничего другого, кроме умных разговоров на социальные темы. Кстати сказал Кандидат, кооперативные квартиры подорожали вдвое. А цены на золото увеличили вдвое, сказал я. Золото — черт с ним, сказал Кандидат. Напрасно, сказал Физик. Это — самый точный показатель. В ближайшее время все товары подорожают по крайней мере вдвое, помяните мое слово! Потом Кандидат предложил свою новую модель ибанского общества: много-много тараканов и клопов, поменьше муравьев и пчел, еще поменьше обезьян и попугаев (для искусства и идеологии, разумеется), во главе всего этого поставить полчища крыс, и поселить это сообщество в районе помойки. Идея Кандидата вызвала живой интерес у всех членов нашей бригады. Мы прекратили работу, развалились на куче строительного мусора и принялись разрабатывать ее в деталях. Потом мы опять заговорили о предстоящем идеологическом зажиме. что-то будет, сказал я. Ничего особенного, сказал Физик. Будет то же самое, только еще хуже. А что касается нас, могу вам нарисовать точную перспективу. Слушайте! Идеологическая диверсионная группа Сменщика своевременно разоблачена сотрудниками ООН и по заслугам

обезврежена, — так сообщают в прессе. Помимо Сменщика в группу входили Ночной Сторож, Физик, Кандидат, Собутыльник и Секретарша. Диверсанты пытались затянуть в свои сети Неврастеника и Чина, но им вовремя помешали. После разоблачения группы ибанский народ еще более уверенно двинулся вперед к зияющим высотам полного изма и начал (под мудрым руководством, конечно) поднимать окончательно запущенное сельское хозяйство. Из Америки привезли десять живых коров (блестящий пример разрядки напряженности!). Забыли, правда, закупить быка. Однако наши мужественные разведчики приложили титанические усилия и достали бычка. Но он, увы, оказался уже непригодным для этой цели. И тогда замечательные ибанские ученые изобрели механических коров, которые жрали ужасающе много силоса (как живые!), но пока еще не давали молока. Ученые взяли на себя обязательство научить их этому к концу пятисотой пятилетки. Какая дерзкая мечта! Капитализму такое не под силу! Кандидат надрывается от хохота. А мне почему-то не смешно. Мне грустно.

Теоретик

Доклад на Юбилейном Заседании делал сам Теоретик. А что за Юбилей? Газет я не читаю теперь. Впрочем, черт с ним, с Юбилеем. Важно не то, какой Юбилей, а то, что доклад зачитывал Теоретик.

Теоретик — Заместитель Заведующего Ибанском по вопросам идеологии. Поскольку в Ибанске все пронизано идеологией, то Теоретик хозяйничает над всем Ибанском в идеологическом разрезе. Роль его при этом настолько значительна, что его побаивается даже сам Заибан. История Ибанска не знает ни одного примера, чтобы решающая роль в снятии или назначении Заибана не принадлежала Теоретику. Только Начальник ООН может конкурировать с Теоретиком во влиянии на ход дел в Ибанске. Теоретик — необычайно глупый и невежественный ибанец. Среди высших руководителей глупее и невежественнее его не бывает никто. Даже от прочих ибанских руководителей Теоретик, как правило, отстаёт на пятьдесят лет. К тому же он необычайно злобен. По любому вопросу он прежде всего требует поставить к стенке. Кого и за что, не имеет значения. Поставить, поскольку заслужил! И для примера! И лишь после этого он пытается осознать, кого он велел поставить к стенке и за что. И вообще, какой вопрос обсуждается. Теоретик беззаветно предан делу, которому служит и о котором имеет весьма смутное представление из немногочисленных цитат из классиков, которые для него выискивают помощники и референты. Именно эти качества и дают Теоретику колоссальные преимущества. Он очень крепко держится за свое место. Обычно он пересиживает по крайней мере трех-четырех Заибанов. Все попытки конкурентов спихнуть Теоретика кончаются крахом. Если он уходит, то уж насовсем: в Стену. А это бывает редко, ибо Теоретик как

человек слабого здоровья живет бесконечно долго. Зато Теоретику закрыта дорога в Заибаны. В Ибанске еще не было случая, чтобы Теоретик стал Заибаном. Это — в полном согласии с ибанской историей, в которой светская власть всегда торжествовала над духовной. Теоретик имеет большое число помощников и референтов, которые составляют для него речи и доводят до его сумеречного сознания, о чем говорят окружающие и что надлежит ему самому говорить и делать. Собственно говоря, для него делать — значит говорить, так что слово «делать» здесь излишнее. Помощники и референты составляют часть личности Теоретика и сами по себе никакими признаками не обладают. С другой стороны, и он без них ничто. Так что целостное явление тут образует весь аппарат, возглавляемый (или завершаемый на вершине) Теоретиком. Характеристика Теоретика есть характеристика этого аппарата. А последний грандиозен. Мы с Кандидатом как-то решили подсчитать, сколько человек занято в этом аппарате. Но потом плюнули на это дело, ибо огромное число людей, занятых в других сферах жизни, так или иначе выполняют идеологические функции (подобно тому, как функции сотрудников ООН выполняют миллионы ибанцев, не имеющих прямого отношения к аппарату ООН). Так что ибанская система власти в полном смысле слова есть самодеятельность населения. И для нашего начальства проблема заключается в том, чтобы пробудить самодеятельность населения в желаемом направлении, как это бывало ранее, чтобы население само с радостью начало то, что пока начальству приходится решать в виде своих распоряжений и брать на свою совесть, попадая тем самым в положение ответственных перед миром и историей. А чтобы найти средство пробудить население и взять всю ответственность и исполнение на себя, нужна идеологическая подоплека и идеологическое оформление. И начальство эту штуку давно ищет. Пока безуспешно. И пока магическая формула не будет найдена, Теоретик будет фактически фигурой номер один в системе нашей власти. Он возглавляет главную задачу настоящего момента — оформить людскую злобу в приличную форму и направить ее в нужном направлении. Когда я закончил эту импровизацию, Сменщик сказал, что она, к сожалению, верна. Но по его мнению, и на сей раз у Них ничего не выйдет масштабного. Зато дров наломают, сказал я. Наломают, сказал Сменщик. Они все время выкручиваются за чужой счет. Обидно, голову Они нам скрутят, а зря. Даже для себя Они из этого не извлекут никакой пользы. Бедненькие, сказал я. Мне Их жаль. И помочь мы Им бессильны. Если бы я смог, устроил бы Им настоящую идеологическую диверсию. Но ей богу, я не знаю, что это такое. Да и где ее взять?!

Дозволенное и недозволенное

После книги Правдеца в Ибанске стали в большом количестве выдавать разоблачительные статьи, очерки, рассказы, фильмы, спектакли. Но

удивительное дело, на них не обращали внимания или плевались, хотя временами разоблачения бывали даже в более резких выражениях, чем у Правдеца. Очевидно, правда — штука не такая-то простая, ее трудно подделать. Потому-то даже правоверные ибанцы в официально допущенной правде сразу чувствуют ложь. Раз правда одобрена официально, она самым актом одобрения впитывает в себя ложь. Или она потом запрещается. Попробуй, найди где-либо разоблачительную речь Хряка! А она — лишь одна сотая доля правды. Даже слабое обличение, идущее от души и минуящее официальные каналы, производит неизмеримо больший эффект, чем все официально дозволенные признания вместе взятые. Подлинная правда запретна по существу, независимо от ее размеров.

Моя Секретарша достала (по благу, конечно!) пару билетов в Главный Театр. Показывали как раз такой необычайно смелый обличительный спектакль. Я еле досидел до конца. Очень интересно было, не правда ли, сказала Она. Да, сказал я. Особенно мне понравилось то, что в списке действующих лиц персонажи расположены не по степени важности их ролей в спектакле, а по бюрократическим рангам. Министр произносит лишь одну фразу, а в списке действующих лиц идет первым, играет его Народный Артист, и получил он наверняка в два-три раза больше, чем артистик, игравший вора. Не придирайся к пустякам, сказала Она. Главное — как здорово они стукнули по репрессиям! Видишь, если можно, у нас сами критикуют. Критикуют, сказал я, но как?! Обрати внимание. В пьесе один злодей и два холуя на сотню хороших персонажей. А как было в реальности? Много ли... не то, что честных и смелых... хотя бы более или менее мягких судей, следователей, охранников и т. п. приходилось на океан злых, трусливых, продажных, жадных и т. п. подонков и мерзавцев?! А сейчас как? А посмотри нашу контору!

Одним словом, мы крупно поругались и разошлись, не попрощавшись. Потом Она звонила и плакала. Потом я звонил и просил прощения за резкость. Потом... Потом... Потом...
Никаких ПОТОМ!

Действующие лица

В выших сферах произошли серьезные перестановки в руководстве, говорит Сменщик. Что из себя представляют вновь назначенные люди? Общего признака у них нет, говорю я. Кто хуже, кто лучше, кто такой же. А в общем, какое это имеет значение?!

И в самом деле, имеет ли это какое-нибудь значение?

Действующие лица нашей истории совершенно одинаковы. Различия их настолько ничтожны, что иностранцы их вообще не замечают. Чтобы заметить их, надо родиться и вырасти в Ибанске и достаточно длительное время вращаться в данной сфере ибанской жизни. Например, если ты никогда не сталкивался по своим делам со Старым Академиком и

Молодым Академиком, то тебе даже в голову никогда не придет мысль, что это — не одно и то же лицо. А между тем для ибанцев, занятых в этой области, разница между ними колоссальна: Старый Академик для них — подлинный ученый, светоч прогресса, образец мужества и порядочности; а Молодой Академик — безграмотный и бездарный болтун, спекулирующий ученым званием, черносотенец, холуй и продажная тварь. Когда в Ибанске стали модными идеи механизации интеллектуальных и творческих потенций человека, были созданы две лаборатории — одна для изучения творчества Старого Академика, другая для изучения творчества молодого Академика. Когда потом попытались с помощью машин установить, кто является автором заданного текста — Старый или Молодой Академик, — то потерпели неудачу. Машины оказались неспособными различать их тексты и устанавливать их авторство. Однако это не обескуражило ибанскую науку. Наоборот, именно это обстоятельство позволило сделать гордый вывод о том, что машина никогда не сможет полностью заменить человека в его интеллектуальной деятельности. А между тем рядовой научный сотрудник Циник с завязанными глазами на слух по одной лишь фразе мог точно сказать, взята эта фраза из работы Старого или Молодого Академика. Другой научный сотрудник Ловкач несколько уступал Цинику: ему для той же цели иногда требовалось прослушать две фразы. Но это и понятно. Дело в том, что Циник первые десять лет своей деятельности писал работы только за Старого Академика, а последующие десять — только за Молодого. Тогда как Ловкач писал попеременно как за того, так и за другого. Точно также невозможно различить взаимоотношения действующих лиц без специальной подготовки и знания конкретной ситуации. Например, Дегенерат и Сука суть непримиримые враги в один период времени по данному вопросу, но они же неразлучные друзья в это же время по другому вопросу или в другое время по этому же самому вопросу. Причем, Дегенерат друг Старому Академику в то время, когда последний враг Молодому, а Молодой друг Прохвосту, который враг Дегенерату, но друг Старому Академику и Суке, которая враг Дегенерату и т. д. Однажды Сопляк попытался установить взаимоотношения действующих лиц с помощью бесконечномерного графа и потерпел неудачу. Оказалось, что тут нужна не математика, а диалектика, ибо как только Сопляк приходил к концу решения своей задачи, отношения действующих лиц в корне менялись, и вся проделанная работа шла насмарку. Именно это обстоятельство позволило младшему научному сотруднику без степени Червяку сделать следующий вывод. Бессмысленно выяснять взаимоотношения действующих лиц Ибанской истории, ибо они неустойчивы. А неустойчивы они потому, что они несущественны. Существенно здесь иное, а именно — какие действия и как будет совершать данное активное лицо независимо от его взаимоотношений с другими. Можно точно установить лишь основные характеристики индивидов, которые постоянны. Например, Теоретик и при Хозяине, и при

Хряке, и при последующих Заибанах всегда требовал закручивать гайки и ставить к стенке. Это — его атрибут не как данного конкретного лица, а как определенной функции. Вместе с тем, только лицо с такого рода качествами может быть допущено до этой функции. Так что это есть и свойство данного конкретного лица.

Не имеет значения, говорю я, кого сняли и кого назначили взамен. Важен лишь сам факт смены: раз уж она произошла, то будут приняты более жесткие меры, чем обычно. Какие же, например, спрашивает Сменщик. Не мне вам говорить об этом, говорю я. Думаю, что на сей раз кое-что перепадет и нам. Вам что-нибудь говорит такое выражение: идеологическая диверсия? Ах вот оно что, говорит Сменщик. Теперь мне многое стало ясно. Знаете, меня ведь вызывали в одно место. И беседу имели... Идиоты, говорю я. Круглые идиоты! Халтурщики! Бездарь! Обленились! Они даже провокацию толком организовать уже не могут!

О Правдеце

А кто такой Физик, спрашивает Она. Старый знакомый, говорю я. Вместе работали. Это случайно не тот самый, спрашивает она. Тот, говорю я. Кстати, он погорел из-за Правдеца. Когда книга Правдеца вышла на Западе и просочилась в Ибанск, Физик организовал кружок по ее изучению. Причем, сделал это открыто. Заседания кружка проводил прямо в лаборатории. Власти долго ничего не могли с ним поделаться: сам величина, тесть величина. Но в конце концов нашли подходящего провокатора из его учеников, запутали и устроили дело. Лишь из почтения к его прошлым заслугам(а скорее всего благодаря хлопотам тестя) его не засадили. Расскажи еще чего-нибудь о Правдеце, говорит Она. Мне интересно. Судьба Правдеца трагична, говорю я. Здесь его не знают и знать не хотят. А там он имеет успех по тем же законам, по каким завоевывают успех кинозвезды, футболисты, гангстеры. Странно, говорит Она. Правдец сказал миру правду, говорю я, страшную и великую правду. И сказал ее с целью, чтоб Мир больше не возвращался в то ужасное состояние. Дай Бог, чтобы было так, говорит Она. Только что-то непохоже, чтобы Мир не хотел возвращаться в то ужасное состояние, говорю я. Он лезет в него со страшной силой. Он мчится в свое прошлое. А мы не видим этого. Делаем унитаз какому-то чиновному подонку. Чтобы ему срать приятно было. А что поделаешь, говорит Она. Ничего, говорю я. Надо плюнуть на все это и устроить свой маленький мирок на двоих. Неплохо бы, говорит Она. Но в ее голосе я чувствую что-то тревожное, тоскливое и безнадежное. Неужели все-таки мои худшие подозрения верны? Нет, не хочу верить. Мне нельзя в это верить. Иначе зачем жить?

Баллада о Правдеце

И призвал Правдеца Бог...
Чтобы совесть была чиста,
Иди, не жалея ног,
Кричи, не жалея рта.
Иди, где услышишь плач,
Где честный и правый слаб.
Кричи, что кумир — палач.
Зови, чтоб очнулся раб.
Если силы нету в груди,
И один остался в ночи,
Все равно кричи и иди.
Все равно иди и кричи.
И сказал Правдец: Иду!
И буду крича жить,
Какую увижу беду,
Стану о ней вопить.
Он к людям направил шаг
Сказать, что они в беде,
Что в злобе горит душа,
И нет просвета нигде.
Разинул он рот и в бой.
Но слышит: Заткнись, болван!
Знает ребенок любой:
Рай на Земле — обман.
Ты лучше надежду дай.
Во что поверить, скажи.
А всякая там беда —
Обычная наша жизнь.
И к Богу вернулся он,
Измучен, всеми гоним.
Он Богу сказал: я смешон.
Такой я не нужен им.
Глубоко задумался Бог.
Задача твоя не проста.
Если б решить я смог,
Я сам бы раскрыл уста.
Был случай похожий давно.
Стерлись его следы.
Тот делать умел вино
Из самой простой воды.
Как праведно жить, учил.

Надежду и веру дал.
Бессмертье души сулил.
Но так же, как ты, страдал.
Я ведь всего лишь Бог.
И есть я лишь для души.
Ах, если б я только мог,
Задачи бы все решил.
Не в силах я дать ответ.
Хочешь — ищи сам.
Иди и гляди Свет:
Задачи решают там.
И остался Правдец без дел.
И пошел одинок и сир.
И прекрасную песню спел.
О том, что ужасен Мир.
И ужасную песню спел.
О том, что прекрасен Мир.

Конец работы

Наконец-то мы закончили квартиру. Чин, конечно, нас надул. Кандидат был взбешен. И, уходя, он что-то сделал в новейшем спусковом механизме унитаза. Пусть эта сука теперь помучается, сказал он. Теперь он будет ремонтировать свой нужник по крайней мере два раза в неделю. И водопроводчики вынут из него в десять раз больше, чем он нам недодал. Кретин! Ну а дальше что, сказал я. Повторим? Нет, сказал Кандидат. С меня хватит. Пропади пропадом моя отдельная квартира, но я так больше не могу. Я потупел за это время до такой степени, что даже наши академики могут со мной конкурировать. С меня тоже довольно, сказал Физик. Лучше переводами буду заниматься. Денег меньше. Зато хоть какая-то гарантия есть. И унижений меньше. А ты? А я, сказал я, намерен в корне изменить свой образ жизни. Сегодня я скажу одно такое слово, что все будет иначе. И мы распрощались. Было грустно. Но, увы, в Ибанске теплые чувства к людям появляются только тогда, когда ты их безвозвратно теряешь.

Я шел по улице, имея в кармане сумму денег, которой у меня не было давнымдавно. И чувствовал великий душевный подъем. Сейчас, думал я, куплю племянникам замечательные игрушки. Чего-чего, а игрушек у нас полно. Маме Куплю модные сапоги. К чему ей сапоги? Все равно будут в шкафу стоять, пока не выйдут из моды. Бог с ней! Раз хочет, ее дело, как она с ними поступит. Ну и старухи пошли. Жуть! Под старость она стала такие штучки носить, какие ей не снились в лучшие времена отцовской карьеры. Что ж, заслуженное! А сестра в рванье ходит. А мать еще требует,

чтоб она ей помогала. Жуть! Что с людьми происходит? А Ей, что я куплю Ей? Надо что-нибудь особенное. Необыкновенное. Кофточку? Гарнитур? Туфли? Нет, я давно к этому приглядывался. Дрянь ужасная. Надо у спекулянтов доставать, а я этому не обучен. Может быть колечко? Это идея. !Я заглянул в ближайший ювелирный магазин, и понял, что моя идея утопична. Самое большое, на что я способен — это серебряная ложечка или идиотское железное кольцо со стекляшкой, раскрашенное под золото и рубин. Ну, да ладно. Это потом. Начнем с игрушек. И тут меня тоже ожидало разочарование.

Когда смотришь на наши магазины глазами незаинтересованного прохожего, поражает обилие всевозможных товаров. Но если у тебя появляется потребность что-то купить приличное, ты вскоре убедишься, что сделать это или невозможно вообще, или возможно только при условии невероятных ухищрений. Скажем — игрушки. Я пересмотрел их сотни, и ни с одной из них не хотелось бы поиграть, если бы я был ребенком. Кроме того, они ломаются уже тогда, когда продавщицы (молодые, но хамски грубые девицы) пытаются объяснить тебе, как с ними обращаться. Я пришел домой разбитый до основания и протянул сестре сотню. Вот, купи чего-нибудь ребятишкам по своему усмотрению, сказал я. Или себе, как хочешь. Сестра, первый раз в семейной жизни получившая такой подарок, заперлась в ванной и вышла оттуда через полчаса с покрасневшими глазами и распухшим носом. А знаешь, сказал я, ты оказывается красивая баба. Сапоги маме я все-таки достал. Из-под полы. Втридорога. А Ей? Гони монету, сказала сестра. Я знаю, что Ей купить. Посиди с ребятами. Я мигом. И действительно купила нечто заслуживающее внимания. И не так дорого. Во всяком случае у меня оставалась еще мелочишка на бутылку вина.

На дежурство я пошел чистеньким, выбритым, поглаженным. Я шел сказать свое слово. Оно рвалось из меня наружу. И я уже не мог его сдерживать. Когда я уходил, мама сказала, спите где хотите, только не в моей комнате. Она употребила другое выражение, более народное. Я не решусь его повторить. Ладно, сказал я. Я уйду отсюда. Как-нибудь проживем. Главное — во мне есть это слово, и я готов его сказать. Вдогонку мама крикнула мне, что если бы она знала, что из меня вырастет такой черствый эгоист, она сделала бы аборт. Если ты уйдешь, сказала сестра, она мне житья не даст. Господи, что с людьми творится!

Последнее слово

Она, наконец-то пришла. И я преподнес ей подарок. Вот, держи, сказал я. Заработал! Это — только начало. Я теперь горы сверну. Она сразу поняла, что я готов сказать заветное слово. Нам надо серьезно поговорить, сказала она. И я сразу понял все. Я понял смысл многого того, что происходило с нами в последние дни и от чего я отмахивался как от мелочей. Не надо,

сказал я. Не надо говорить. Я сам знаю и понимаю. Но это не имеет значения. Я боролась, сказала Она. Они меня заставили. Что я могла поделаться? Они — сила, а я — дерьмо. Я не сержусь, сказал я. Забудь об этом. Не могу, сказала Она. Я уже не могу услышать твое слово. Я слепа и глуха. И в душе у меня пусто. И Она протянула мне подарок обратно. Пожалуйста, возьми, сказал я. Очень прошу. Не для меня, а для себя. Может быть когда-нибудь ты вспомнишь обо мне и это тебе поможет. Нет, сказала Она. Я уйду. Твои записки у Них. Что теперь будет?!! И Она ушла. И я остался один — Ночной Сторож, сочиняющий (вернее сочинявший) бессмысленные бумажки на скрипучем старом табурете в новейшей конторе Ибанска. Что дальше? Дальше ничего. Сейчас вот допишу последние фразы. Напишу свое последнее заветное слово. Вложу эти листочки в свой несостоявшийся подарок(я только сейчас заметил, что он изготовлен на подпольной фабрике Гангстера). Положу к Ней на стол. И буду ждать. Теперь осталось совсем немного. И я чувствую, что в душе моей нет ни страха, ни сожаления, ни грусти, ни надежды, ни гнева, ни обиды. Нет ничего. Пусто. Осталось только одно: ожидание. Я жду.

Плач Ночного Сторожа

Бесконечной ночи тоска.
Нет ни звука ни тут, ни там.
Только где-то стучит в висках:
Таратам! Таратам! Таратам!
Таратам! Таратам! Таратам!
Слышен шорох в ночной тиши.
Снова вздохи то тут, то там.
День начаться скорей спешит.
Всех вернуть по своим местам.
Таратам! Таратам! Таратам!
Зрим рассвета угрюмый шаг.
Посерело и тут, и там.
Загремело во всех ушах.
Закрутилась дел маята.
Таратам! Таратам! Таратам!
В коридорах подошвы шуршат.
Хрипы-вскрики то тут, то там.
Место в жизни занять спешат.
И засесть по своим постам.
Таратам! Таратам! Таратам!
Битва жизни пойдет за грош.
Будет душно и тут, и там.

Будет тошно от слов и рож.
Будет тел чужих теснота.
Таратам! Таратам! Таратам!
Будет скука чужих забот.
Вспышки злобы то тут, то там.
И умчится за годом год.
И за ними жизнь по пятам.
Таратам! Таратам! Таратам!
День настал. И в чужой душе
Нет мне места ни тут, ни там.
Я свое отгрубил уже.
Таратам! Таратам! Таратам!
Таратам! Таратам! Таратам!

Послесловие

Эта книга была написана в 1975 г. как реставрация одной из потерянных глав «Зияющих высот». Я хотел опубликовать ее совместно с книгой «Светлое будущее», близкой к ней по содержанию и литературной форме. Но это не случилось по независящим от меня причинам. В результате книга выпала из ее естественной литературной и временной связи. И все-таки я не стал переделывать ее, в частности — переносить место действия из Ибанска в Москву. Такой перенос читатель сам при желании может легко осуществить, заменив ибанскую терминологию на советскую. Но делать это не обязательно и даже не всегда желательно, так как ибанизм не есть явление исключительно советское, и ибанская терминология имеет преимущество большей общности. Я изобрел Ибанск со всеми его элементами вовсе не с целью говорить намеками и тем самым обезопасить себя я прекрасно понимал, что это лишено смысла, а как эффективный литературный прием. Я отдаю себе отчет в том, что такой прием нельзя использовать дважды. Но данные «Записки» не есть повторение. Они суть результат стечения обстоятельств и условий, в которых мне приходилось жить и работать.

Чтобы как-то включить «записки» в общий контекст моих сочинений, сделаю несколько пояснений к ним. В Советском Союзе отщепенцами называют лиц, которые противопоставляют себя не просто данному советскому коллективу, но всякому советскому коллективу. Причем, противопоставляют так, что оказываются исключенными из общества в

целом. Они тем самым противопоставляют себя всему строю жизни общества. Причем, обычно это происходит помимо воли отщепенца. И по крайней мере как-то незаметно для него самого. В чем тут дело? Конечно, какой-то процент людей выталкивается на роль отщепенцев по априорным законам вероятности таких явлений. Но тут существенно другое, а именно — то, что общество нуждается в отщепенцах и производит их регулярно и систематически. Оно борется с ними, но оно и нуждается в них. Зачем? Чтобы бороться с ними! Это — один из интереснейших парадоксов коммунистического образа жизни. Отщепенец нужен для того, чтобы в борьбе с этим внутренним врагом общество сплачивалось, становилось единым и монолитным. Внешний враг, как показал опыт, не способствует сплочению общества, если не находится способ трансформировать его во врага внутреннего.

Ночной Сторож, от имени которого ведется рассказ в «Записках», есть заурядный отщепенец, не занимающий крупных постов, не имеющий известности и связей с иностранцами. Поэтому его ситуация более характерна, чем ситуация с советскими диссидентами, имеющими поддержку Запада. В Советском Союзе подавляющее большинство отщепенцев подобно Сторожу, а то и еще рангом ниже. Они не имеют абсолютно никакой защиты. Знакомые и родственники от них обычно стараются отмежеваться. Судьба их целиком и полностью зависит от произвола власти имущих. И если они еще какое-то время и как-то живут, то это зависит исключительно от соображений и потребностей различного рода инстанций и лиц. Например, они могут потребоваться Органам Государственной Безопасности в какой-то их «игре», — создать из них враждебную группу, превратить в стукачей и провокаторов, поугадать на их примере других, просто потешиться и изобразить некую деятельность. Обычно такие незащищенные отщепенцы выбиваются из нормального образа жизни, деморализуются, спиваются, заболевают психически.

Нелегальная бригада по ремонту квартир, в которой Сторож подрабатывает, есть один из способов нелегальных заработков, которые в большом числе появились в Советском Союзе в последние десятилетия. Это — установка газовой и иной аппаратуры в квартирах, ремонт телевизоров, уроки иностранных языков, портные, ювелиры, массажисты, репетиторы и т. д. В связи с трудностями поступления молодежи после школы в институты появилось большое число репетиторов по математике, физике, языкам и т. д. Появились специалисты по написанию научных статей, диссертаций и книг для всякого рода бездарей и кретинов, имеющих возможность печататься и защищать степени. Я встречал одного замечательного поэта, который заготавливал «болванки» для печатающихся поэтов и продавал им за приличные /надо признать/ деньги. Власть борется с такими нелегальными формами заработка, но не очень активно, ибо сами пользуются такого рода людьми. Они активно начинают бороться с ними, если это — диссиденты. Но в таком случае это есть борьба

не с формой заработка, а с диссидентством как таковым.

Ночной Сторож «от нечего делать» начинает наблюдать жизнь своей конторы с некоей социологической точки зрения Читатель должен иметь в виду, что его соображения на этот счет суть соображения хотя и неглупого человека, но лишь начинающего Он все-таки литературный персонаж Потому его суждения отрывочны, односторонни и не всегда верны Например, описание директора Сторожем явно свидетельствует о том, что он — новичок в этом деле Директоров в Советском Союзе очень много, и среди них можно встретить все возможные человеческие типы и характеры /толстых и тонких, злых и добрых, бабников и воздержанных, пьяниц и трезвенников и т. д. / Но есть все же общие черты советского руководителя, обусловленные условиями руководства в советской системе Некоторые из них Сторож уловил Но только некоторые Главная задача советского руководителя состоит в том, чтобы хорошо выглядеть в глазах вышестоящих лиц и организаций, чтобы они были довольны им, ценили его, охраняли его, короче говоря — чтобы его настоящий хозяин /т. е. государство, персонифицирующееся для него в виде должностных лиц, от которых зависит назначение его на пост и сохранение на этом посту/ ценил его с точки зрения его /хозяина/ интересов Вопреки нашей официальной демагогии, руководимые данным директором сотрудники учреждения не являются хозяевами своего учреждения /и через него — общества в целом/, и не имеют власти над директором Это, конечно, не исключает доносы и критику Но они не меняют сути дела.

Персонажи «Записок» постоянно обсуждают различные социальные проблемы, — характерная черта московской интеллигенции наших дней.

Определить, что такое интеллигенция в Советском Союзе, очень трудно. Не случайно на эту тему идет много споров. Трудность определения связана с такими обстоятельствами /в частности/. Первое — теперь огромное число людей получает такое же /а то и лучшее/ образование, как и интеллигенция. И выделить интеллигенцию из этой массы людей по признаку образованности невозможно. Второе — теперь многие формы умственного труда не требуют никакого особого развития интеллекта, никакого особого образования и способностей, а многие формы деятельности, ранее не относимые к умственному труду, стали нуждаться в этом. Так что выделить интеллигенцию из массы людей по признаку умственного труда невозможно. Третье — служебное положение само по себе еще не дает оснований относить или не относить человека к интеллигенции. Например, редактором одного литературного журнала может быть партийный чиновник, а другого — крупный поэт. Поэтому понятие интеллигенции остается и для персонажей «Записок» чисто интуитивным.

Точно так же обстоит дело с проблемой отцов и детей, занимающей в «Записках» много места. Проблема отцов и детей в советском обществе существенно отличается от таковой в прошлом и на Западе. Она здесь

адекватна характеру общества и определяется всецело им. Тут решающее значение имеют следующие обстоятельства: 1/ дети не должны опускаться в низший социальный слой, и родители имеют возможности удержать их на уровне достигнутого ими слоя /когда сын одного министра захотел пойти работать на завод, перепуганные родители вызвали психиатра/; 2/ детям нет надобности тратить жизнь на то, чтобы своими силами пробиваться в этот слой; 3/ дети привилегированных слоев получают лучшее образование, чем родители, имеют лучший доступ к культуре, более защищены, могут критически относиться к родителям; 4/ по условиям жизни и воспитания личный эгоизм, самомнение, тщеславие, эгоцентризм и т. д. становятся существенными качествами детей привилегированных слоев. Потому и появляются такие характерные экземпляры как Неврастеник. Чтобы из этой среды выделились люди, подобные декабристам, должны смениться многие поколения.

Один из аспектов проблемы отцов и детей — проблема мести. Официально у нас месть считается отрицательным явлением. Почему? Да потому, что наша система власти хочет чинить людям зло безнаказанно. Она не хочет, чтобы ей сопротивлялись и платили злом на зло. Сама же она по природе злобномстительна. Она стремится лишить граждан способности мстить, присваивая себе эту способность целиком и полностью. Причем, она называет ее другими словами и изображает как проявление абсолютной справедливости. Пробуждение в людях способности помнить причиненное им зло и мстить /платить за него злом же/, появление людей, способных мстить и подчинять чувству мести свои силы, есть необходимое условие развития в обществе способности сопротивления произволу властей. Есть зло и зло. Есть зло мелкое и случайное, и его можно и нужно забывать. Но зло, исходящее от могущественной власти и реализующих ее организаций и лиц, надо помнить всегда. Забывать такое зло — великий грех. Нельзя, например, забывать зло, причиненное народу сталинистскими мерзавцами. Затрагивают персонажи «Записок» и проблему взаимоотношения с Западом. Они признаются, что не понимают иностранцев. И я тоже, признаться, не понимаю их. Недавно по западному радио я слушал выступление супружеской пары с Запада, прожившей в Советском Союзе год. Они всю нахваливали наш образ жизни. Неужели они не понимают того, что они этого нашего образа жизни вообще не попробовали? У них не было проблемы жилья, продуктов питания, устройства детей, карьеры, публикации трудов, выставок. Им не надо было бегать по магазинам, стоять в очередях, толкаться в общественном транспорте, сидеть на собраниях, одобрять глупости, доставать путевки или устраиваться «дикарями» на время отпуска. Неужели они не понимают, что своим выступлением стали сообщниками наших властей и пропаганды и оказали помощь своим будущим могильщикам? А ведь таких иностранцев полно. И чего больше в их поведении — глупости, безответственности или скрытого пристрастия к нашему образу жизни?..

Говоря об иностранцах, я имею в виду жителей «капиталистических» стран Запада, которых еще не коснулся коммунизм достаточно ощутимым образом. Поляки, восточные немцы, болгары и т. п., — это уже не иностранцы в полном смысле слова. Арабы, негры, вьетнамцы и т. п. тоже в некотором смысле для нас не иностранцы. Китайцы тоже, конечно. Советские люди слово «иностранец» теперь употребляют в социально-политическом смысле, т. е. для обозначения жителей западных стран, которые не желают жить по нашему образцу, имеют вдоволь еды и тряпок, не стоят в очередях, могут ездить в Париж и Рим, могут не вступать в КПСС и говорить, что взбрдет в голову, и т. д. И при случае хвалят Москву, советских людей и советский образ жизни. Но эмигрировать к нам из своей страны — ни в коем случае! Даже негры почему-то не хотят к нам переселяться с Запада, где их /согласно нашей пропаганде/ зверски эксплуатируют.

Ночной Сторож попал в отщепенцы случайно, из-за «липового» дела Неврастеника. Создание всякого рода «лип» есть форма нормальной для нашего общества жизнедеятельности. «Липы» получаются не как результат преднамеренного обмана, а как результат действий, к которому понятие «обман» не применимо. Это — не обман, а продукт естественной ориентации сознания, привычной интерпретации событий, отбора их по заданным критериям, комбинирования их по принятым правилам мышления и т. д. Взять, например, осуждение борцов за права человека. Запад ужасается тому потоку лжи, подтасовок, фальсификации, беззакония, подлости и т. п., который льется из сфер власти и пропаганды в связи с этим. Но ужасаться следовало бы тому, что это общество просто не способно производить ничего иного. Надо бояться змеи, источающей яд, а не журить змею за то, что она источает яд, а не нектар.

«Липа» против Неврастеника была сфабрикована а соответствии с некими «высшими соображениями». «Высшие соображения» — это есть формула произвола вышестоящих органов и лиц по отношению к нижестоящим. Эта формула означает: 1/ вверху все продумали и приняли абсолютно разумное решение поступать именно так; 2/ это решение обсуждению не подлежит, и ваше дело — исполнять, а не думать; 3/ за решение несут ответственность принявшие его, а вы понесете наказание, если не выполните. Этой формулой прикрываются руководители, жулики и проходимцы, доносчики, шантажисты, психи... Эта шизофреническая на первый взгляд формула есть лишь литературный вариант принципа «Интересы целого превыше интересов частей», который в свою очередь есть идеологическое оформление положения, когда господствующие слои общества осуществляют свое господство от имени целостности и коллективности и за счет их. Конечно, они представляют собою принцип целостности, единства, монолитности, но дело обстоит не так, будто они служат этому принципу, а гак, что этот принцип служит им. Извращенность общественных отношений в случаях такого рода есть типичное явление в

истории человечества. Нужно время, условия и жертвы, чтобы какая-то часть людей научилась понимать их циничную подлинность.

Эта «липа», далее, сфабрикована была в соответствии с некими «закрытыми решениями». «Закрытость» /т. е. секретность/ подавляющей части действий властей есть один из фундаментальных принципов организации общества коммунистического типа. Здесь имеет место разветвленная и иерархизированная система секретности. Здесь обычны закрытые совещания, закрытые письма, закрытые инструкции, закрытые постановления. Вся страна покрыта сетью «почтовых ящиков», т. е. секретных /закрытых/ учреждений. Той же цели служит система «допусков», т. е. особого рода разрешений допускать людей к делам, к информации, к документам и т. п. Какова цель всего этого? Официально считается, что это — защита от иностранных шпионов. Отчасти это так. Но лишь отчасти. В главном же и в подавляющем числе случаев шпионы ни при чем. Если бы их не было, система секретности сохранилась бы. Цель такой системы — ограничить информированность граждан о том, что происходит в стране, в особенности — в системе власти, сделать их тем самым более послушными, исключить их вмешательство в дела власти, в распределение жизненных благ и т. д. Короче говоря, это мощное средство самосохранения общества в том виде, как это выгодно привилегированным слоям.

Какова дальнейшая судьба Ночного Сторожа? Теперь, в 1978 году, установки советских властей в отношении людей такого рода очевидны всему миру: уничтожать. В 1975 году, когда писались эти записки, у многих еще были иллюзии либерализации советского общества. У автора же таких иллюзий не было еще задолго до 1974 года, что отчетливо выражено в «Высотах». И судьба Ночного Сторожа была предreshена с первой страницы: лагерь строгого режима или психиатрическая больница тюремного типа. Именно поэтому как для автора книги, так и для его персонажей некое развитие событий есть дело крайне второстепенное. Главным для персонажей книги является ожидание конца, а для автора — описание этого ожидания, в котором преобладает не динамика жизни, а оцепенение.

«Записки» делались, повторяю, как дополнение к идеям «Высот» и некоторая конкретизация их. И потому я бы посоветовал читателю, если его заинтересовали «Записки», полистать «Высоты», в которых рассмотрены более фундаментальные проблемы ибанизма /т. е. коммунизма/. Сейчас еще много есть наивных людей, считающих возможным некий исправленный вариант коммунизма, демократический коммунизм или коммунизм с человеческим лицом. Коммунизм с человеческим лицом или демократический коммунизм — это все равно, что капитал без денег и прибыли. Коммунистический строй жизни как таковой один всегда и везде. Иное дело — насколько элементы его распространены в данном обществе, какова их доля в жизни людей, какова их роль тут. И в

западных странах коммунистических элементов полно. Но в странах советского блока коммунистические принципы организации жизни являются господствующими, а в Советском Союзе — единственными. Потому можно сказать, что здесь имеет место полный, чистый или образцовый коммунизм. Его-то я и стремился показать с самых различных точек зрения в своих книгах.

Москва. 1978